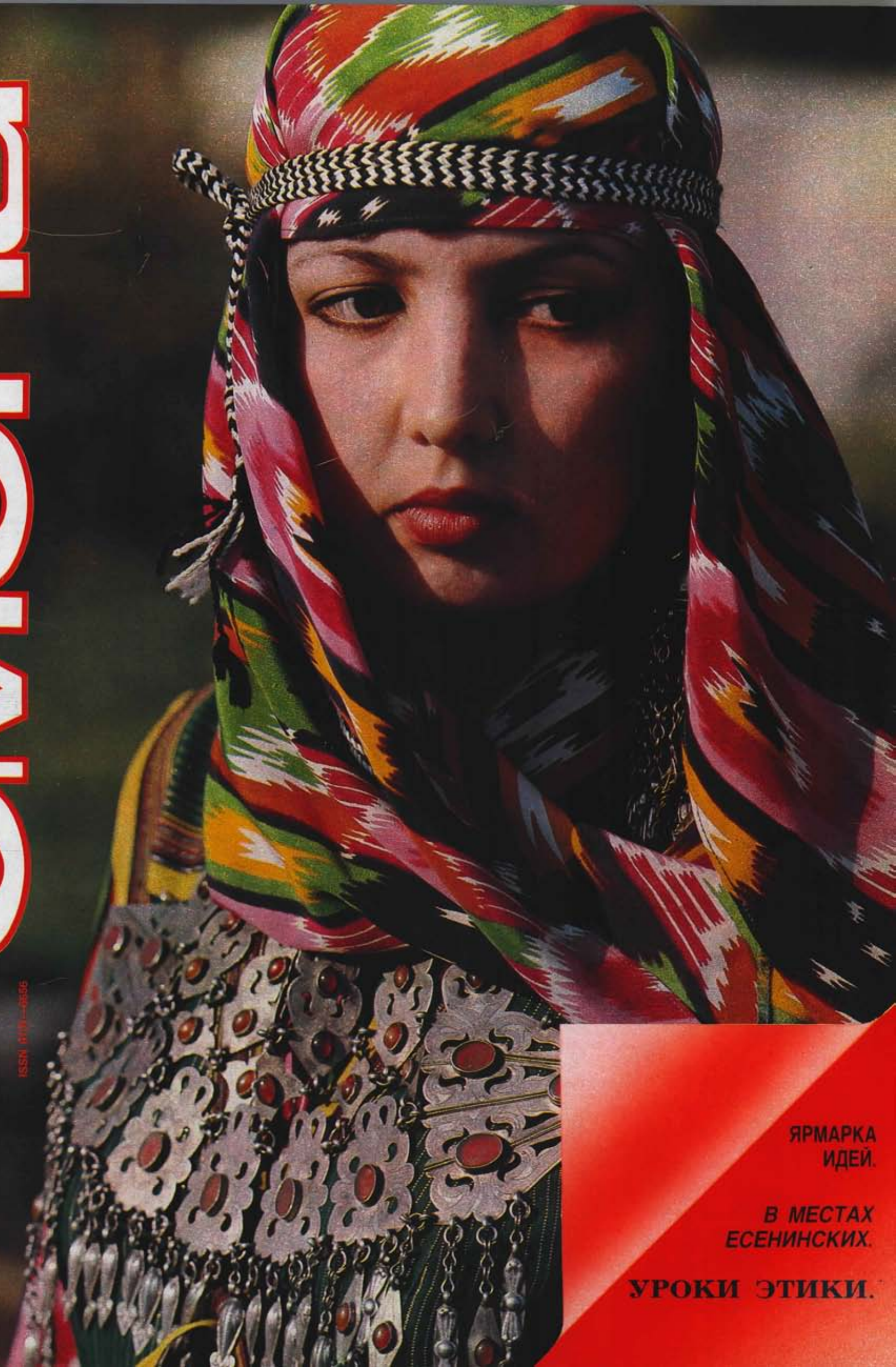

СМЕТЬА

№ 19 (1401) октябрь 1985

ISSN 0130-0556

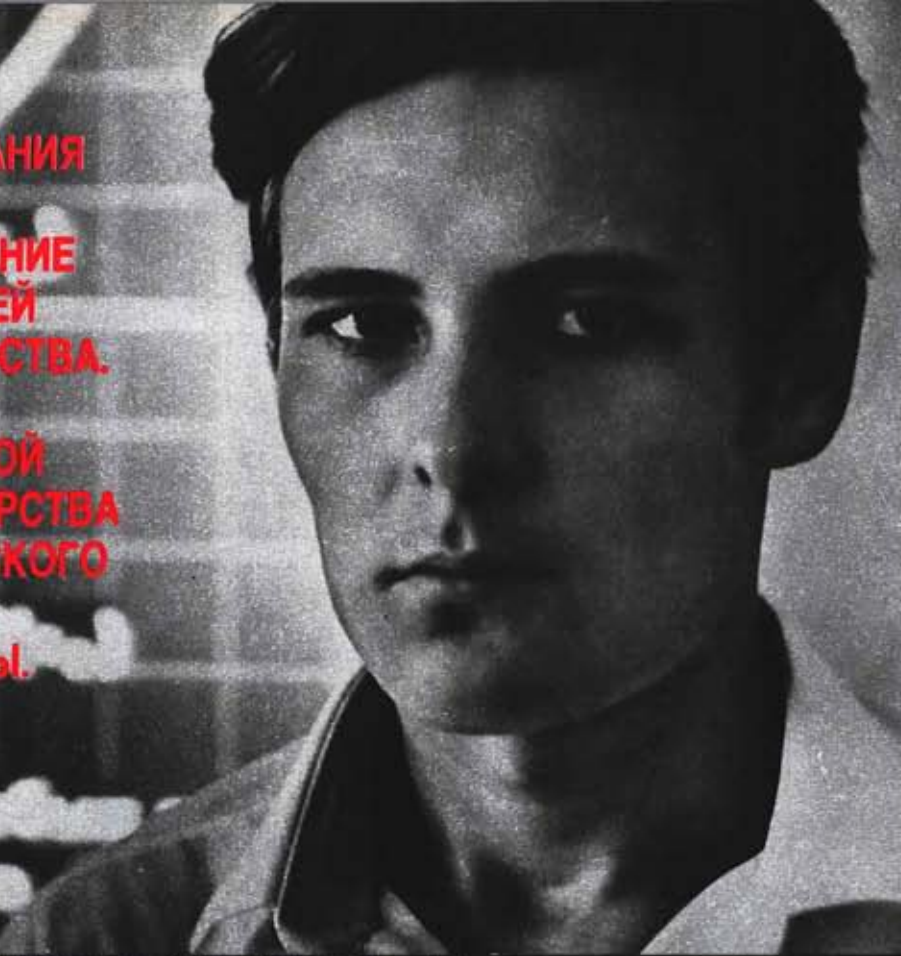

ЯРМАРКА
ИДЕЙ.

В МЕСТАХ
ЕСЕНИНСКИХ.

УРОКИ ЭТИКИ.

**45 ЛЕТ СИСТЕМА
ПРОФТЕХОБРАЗОВАНИЯ
ГОТОВИТ
РАБОЧЕЕ ПОПОЛНЕНИЕ
ДЛЯ ВСЕХ ОТРАСЛЕЙ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.
ОНА СТАЛА
ПОДЛИННОЙ ШКОЛОЙ
ТРУДОВОГО МАСТЕРСТВА
И КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ
МОЛОДЕЖИ СТРАНЫ.**

**МАСТЕРСТВО НАСТАВНИКА —
ЗАЛОГ УСПЕХОВ
ЕГО УЧЕНИКОВ.**

**БУДУЩИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ
ЕЩЕ В ПТУ ОБРЕТАЮТ
НАВЫКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.**

От трамвайной остановки в центре Таганской площади к ПТУ вела неширокая дорожка, вымощенная булыжником. Иван пошел по ней к высоченному кирпичному забору, за которым глыбой стояло такое же кирпичное здание училища. Эти двести метров от остановки до щербатого порога ПТУ, сделанные им впервые 17 лет назад, стали прологом к его новой жизни, а может быть, и вообще к самому главному делу всей жизни. Правда, это он сейчас так говорит, а тогда Иван Кирдун — недавний армейский политракторник, вышедший на пенсию, а отныне новоиспеченный директор ПТУ-14 — не испытывал ни волнения, ни особой радости. Просто шел работать туда, куда его послали, где, как считали, его армейский опыт и знания будут приносить пользу.

Почти 45 лет существует в Москве это училище, из стен которого столичная телефонная связь получила десятки тысяч квалифицированных специалистов. С октября 1980 года среднее профессионально-техническое училище связи № 14 носит высокое и почетное звание «Образцовое». А история его берет отсчет с тех первых месяцев предвоенного 1940 года, когда в нашей стране только создавалась система трудовых резервов. Одним из первых в Москве было образовано ремесленное училище связи № 9, которому отдали неказистое трехэтажное кирпичное здание бывшей женской гимназии на Таганке, а точнее, на улице Большие Каменщики, 7. Неузнаваемо изменилась с тех пор Таганка, совсем иной внешний вид приобрело и ГПТУ-14. Уже тогда, 17 лет назад, о четырнадцатом слава в столице ходила такая, что в нем престижно было и учиться, и учительствовать. Готовило оно механиков по ремонту радиотелевизионной аппаратуры и электромонтеров для Московского городского телефонного узла — в столице усиленно развивалась сеть автоматических телефонных

станций, и каждая пара рабочих рук была на вес золота. Так что хозяйство новому директору досталось богатое, с определенными традициями, которые, как он понимал, создают люди.

Когда Кирдун осмотрелся, освоился в новой должности, ему стало ясно, что даже в этом и до него хорошо училище ничто не должно считаться построенным или оформленным окончательно. Потому что тогда все это скоро незаметно превратится в неживое. Жизнь же, как известно, не стоит на месте, а постоянно идет вперед. Тем более жизнь такого молодого и нового в принципе дела, как профессионально-техническое образование.

Вперед — так вперед. Этот девиз был всегда ему, армейскому человеку, по душе. Поэтому сначала он принялся переоборудовать учебные классы и мастерские. В классах стояли обычные столы, стены блестели синей масляной краской — все это резало глаза, раздражало, мешало. Значит, решил он, будет резать глаза, раздражать, мешать учиться и ребятам, которых поэтому будет трудно увлечь учебой. А увлечь можно, в этом он был уверен. Профессия монтера связи или телевизионного механика заманчивее многих других: не утомляет однообразием, требует сообразительности, точности, ловкости. И нужно, рассуждал новый директор, чтобы это было видно сразу, с первых шагов знакомства с ней.

Постепенно складывался образ того образцового кабинета или мастерской, которые им предстояло создать. Делать же предстояло все своими руками и руками учащихся.

...Так, усилиями не одного поколения учащихся довели учебные мастерские и классы до того строгого, сдержанного блеска, что потрясает сегодня не только воображение вновь пришедших учиться мальчишек и девчонок, но и многочисленных иностранцев, часто посещающих ГПТУ-14.

— Гости, посещающие нас, — рассказывает со сдержанной улыбкой

У Т В О Е Г О П

номеров.— Аккуратные, покрытые светлым пластиком монтажные столы, оборудованные автономной системой электропитания и связи с рабочим местом мастера. Просто не учебный класс обычного ПТУ, а командный пункт какой-нибудь космической станции. Даже, если честно, подозрение закралось: сделано все так красиво и эффектно, будто предназначено не для будничной учебы, а исключительно для показа гостям. Но когда мы зашли в соседнюю лабораторию, Старосельский тут же развеял мои подозрения:— Смотрите, с помощью вот этого стенда можно очень легко и в то же время глубоко изучить принцип работы черно-белого телевизора. На мертвой схеме просто невозможно объяснить учащимся все физические процессы, влияющие на качество телевизионного изображения, а вот на этом действующем экране все видно наглядно — мастеру очень легко обосновать и показать процесс, протекающий в любом узле телевизионного аппарата, а значит, и научить будущих телевизионных мастеров быстро обнаружить неисправность. Этот стенд-тренажер получил диплом второй степени ВДНХ СССР, золотую, бронзовую и пять юношеских медалей. Точно такой же стенд-тренажер мы создали и для изучения цветного телевизора.

Успех? Несомненно. И успех не случайный. Ребята подготовлены к нему. В училище давно существует кружок технического творчества. Вместе с опытными мастерами в нем работают учащиеся. Работают на равных. Ищут. Дерзают. Приобщаются к творчеству. Постигают суть своей профессии.

За несколько месяцев до выпуска у Ивана Тарасовича Кирдуна на столе уже лежит пачка официальных заявок от районных АТС, городского телефонного узла с просьбами направить таких-то выпускников для пополнения рабочих коллективов. В другой палке подшиты заявления от будущих учащихся. Заметим, что эти заявления собираются у Ивана Тарасовича почти за полгода до последнего школьного звонка, так что обычных хлопот с набором у него нет.

Причем ежегодно зачислить в училище можно триста человек на дневное отделение и почти двести — на вечернее, а заявлений в три раза больше...

Вот здесь бы надо сделать паузу, и между строк читалось бы: отбирают только лучших, есть конкурс и прочее. Но конкурса нет. Принимают всех желающих. Всех, невзирая на баллы в свидетельстве об окончании восьмилетки. Ежегодно Московское городское управление профтехобразования идет навстречу и школьникам, и училищу и разрешает увеличивать набор на два-три десятка учащихся, с учетом, естественно, избранной ребятами профессии.

Этим летом мне пришлось видеть работу приемной комиссии ГПТУ-14 в «час пик» — первый курс был укомплектован, а дверь не закрывалась, шли в основном абитуриенты-неудачники. Одни не попали в техникум, другие в институт. В этом потоке возник и лохматый белобрысый парень, ничего общего с другими ребятами не имеющий. — вместо свидетельства за восемь классов у него на руках была справка, в характеристике сплошные частицы «не». Пришел он записаться на «телевизионного мастера». Ему отказали — группа набрана. Парень ухмыльнулся и ушел, потом вернулся, брал комиссию измором, требовал.

— Можем принять только в группу монтеров абонентских линий, — объясняли ему терпеливые члены приемной комиссии. И в конце концов Володька сдался, попросил лист бумаги и сел писать автобиографию и заявление «на монтера». Перо в Володькиной руке спотыкалось на каждом слове, красноречиво свидетельствуя о бездумно проведенных школьных годах, и непонятно было, чему улыбается Иван Тарасович Кирдун — парень с синими узорами татуировки на руках был явно не клад для училища.

— Автобиографию себе на память оставь — мы с тобой начнем все сначала, — весело сказал директор и предложил будущему монтеру телефонной связи поехать в училищный спортивно-трудовой лагерь в Краснодарском крае.

Иван Тарасович, — иногда почти с плохо скрываемой завистью говорят: «Вам легко, вы богатые». Да, отвечаем мы со спокойной совестью, мы богатые, потому что все это богатство создавали своими руками.

В училище по праву гордятся многочисленными золотыми, серебряными и бронзовыми медалями ВДНХ СССР, которые получены за технические новинки и приборы, сделанные руками ребят и их педагогов. Причем все эти самодельные тренажеры и приборы можно увидеть в училище не в виде экспонатов, а в качестве действующего оборудования, помогающего педагогам проводить занятия ярче, занимательней, а ребятам — изучать свою профессию и основополагающие законы науки.

— Занятия научно-техническим творчеством для наших учащихся отнюдь не самоцель... — предупреждает заместитель директора ГПТУ-14 по учебно-производственной работе Рафаил Ефимович Старосельский. Мы ходили с ним по этажам здания, и он с гордостью распахивал то одну, то другую дверь:— Вот уникальная лаборатория электротехники, каких пока нет в других профтехучилищах связи. А вот тут, — мы вошли в просторный класс, во всю стену которого рядами стояли металлические шкафы с мигающими, тонко позвонившими ячейками. — наша АТС на сто

**НРАВСТВЕННО ВОЗМУЖАВШИМИ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ПОДГОТОВЛЕННЫМИ
УВЕРЕННЫМИ
В СВОЕМ ПРИЗВАНИИ
ВЫХОДЯТ В ЖИЗНЬ
УЧАЩИЕСЯ ПТУ.**

**Борис ДАНИУШЕВСКИЙ,
Сергей ВЕТРОВ (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»**

ОРОГА

«Если, конечно, надоело слоняться без дела».

Володька посмотрел на директора, улыбаясь и сказал: «Надоело».

Совсем недавно, придя в училище перед началом учебного года, встретил я в коридоре паренька в аккуратном костюме, при галстуке. Только по слабым очертаниям татуировки на правой руке с трудом узнал Володьку из Марьиной рощи.

— Видите, учусь,— похвастался он.— Из летнего лагеря, правда, хотел однажды уехать, а потом ничего, привик...

Похоже было, что не только я Володю не узнал, а и он сам себя не узнает. В этой связи не могу не вспомнить случай, который произошел во время семинара для преподавателей и директоров общеобразовательных школ Пролетарского района Москвы, когда они знакомились с опытом учебно-воспитательной работы в ГПТУ-14. Иван Тарасович водил коллег по кабинетам и мастерским, где почти все сделано при активном участии самих ребят. Классные доски раздвигались, вращались различные стенды, мигали разноцветными лампочками многочисленные пульты и приборы — словом, демонстрация максимума удобства и автоматизации. Гости листали планы работы, переглядывались, недоверчиво перешептывались между собой. Реально ли это? Каждый день семестра расписан наперед, как в учебном солдатском взводе. Между делом уточнили у самих учащихся — оказывается, реально. Более того, с планом знакомят не только преподавателей и мастеров, а каждого учащегося.

Один из директоров, рассматривая «Экран успеваемости», увидел фамилию бывшего ученика своей школы. «Это у него-то по физике «четыре»? Быть этого не может!» Позвали парня. Директор задает ему один вопрос, другой, третий — и парень, словно орешки щелкает, на все вопросы дает обстоятельные ответы.

— Так почему же ты в школе-то на уроках так не отвечал?

Понять секреты чисто внешних перемен, происходящих в ребятах, как только они становятся учащимися ПТУ, можно. Все-таки это уже не школа, ты повзрослел, обрел какую-то самостоятельность, получаешь стипендию — все это невольно заставляет мальчишек быть собраннее, дисциплинированнее. Но ведь знаний-то по физике от этого, простите, не прибавляется. По официальным же отчетам в училище каждый третий учится на «хорошо» и «отлично», неуспевающих — всего 0,7 процента. Какое этому объяснение?

У нас было достаточно времени, чтобы избежать скоропалительности в выводах. Мы ездили в училище, встречались с учащимися и преподавателями, заглядывали и в библиотеку, где редко найдешь свободное место. Не обходили стороной многочисленные кружки и секции. И получалось, что человек около двухсот в училище постоянно чем-нибудь занят. Позиция администрации в этом вопросе такая: если есть хоть кто-то один интересующийся, предположим, живописью — должен быть кружок, руководитель, условия для занятий. Было дело, заявили как-то девчонки из 52-й группы о своем желании научиться кроить и шить. Портняжное дело не рисование, тут и машинки швейные нужны, и много всего другого, однако заместитель директора по политико-воспитательной работе Флора Хусиновна Бултачева тут же связалась со швейным ПТУ, договорилась с директором, и девчонки сейчас ходят на занятия туда — уже научились и фартику шить, и юбки, и простенькие кофточки.

Теперь положим руку на сердце и признаемся честно: профтехучилище, даже такое образцовое во всех отношениях, как четырнадцатое, пока еще познания, как и вся система профтехобразования, горькие плоды просчетов обычной школы. За доказательствами далеко ходить не приходится. Редкое свидетельство об окончании восьми классов сверкает четверками и пятер-

ками — по неписаной, но пустившей, увя, крепкие корни традиции школы «сплавляют» в профтехучилища самых нерадивых своих учеников. Но добро бы только неучей. Многие ребята приходят в училище не только с плохими отметками за восьмой класс, но и с худой славой драчунов, заводил хмельных компаний. Поначалу они пытаются и в училище поддерживать за собой репутацию «героев» подворотен: затевают драки, бьют стекла, ломают из себя этиких «суперменов». Бывало, директор на неделе по несколько раз вызывали в милицию, а там, как известно, разговор короткий: «Ваш учащийся набедакурил — пусть и отвечает по закону, будем документы в колонию оформлять».

Проходит не один месяц, пока некоронированные «короли» и «королевы» улицы привыкают к жесткому училищному ритму, начинают ощущать себя среди остальных ребят белыми воронами и стыдиться своей распушенности. Как маленькое пшеничное зернышко на долгом пути превращения в душистый каравай хлеба, так и ребята души до рубежа взрослости проходят несколько этапов. Профтехучилище для большинства своих питомцев — этап третий: оно берется исправлять прорехи и наверстывать упущенное в воспитании подростков после семьи и школы. Да, и после семьи. Разве же не о многом говорит, к примеру, такой печальный факт: более 40 процентов ребят, обучающихся в ГПТУ-14, не имеют родителей вообще или имеют только одну мать, или только одного отца.

Сегодня в ГПТУ-14 учится почти девятьсот учащихся. За три года учебы ребятам предстоит усвоить солидную программу, куда входят и спецпредметы вроде электротехники и сопромата, серьезная практика по специальности и весь багаж знаний за десятилетку.

...Ударил переливчатой трелью звонок. Высокие коридоры училища сразу наполнились веселым перекликом голосов. К Ивану Тарасовичу один за другим потянулись преподаватели и мастера. В это время мы тихонечко вышли из директорского кабинета и пошли по коридорам, заглядывая в распахнутые двери. Кабинет электротехники. Кабинет физики. Кабинет истории. Всюду чисто, светло, просторно. Чувствуется, ребята здесь хорошо. Впрочем, можно ведь спросить об этом и их самих.

Многим ребятам задавали мы такие вопросы: чем они увлекались в школе и как сложилась бы их судьба, не пойдя они в ПТУ? Что касается увлечений, то большинству отвечать было просто — ничем не увлекались. А вот что касается судьбы...

Сергей Чубаров. Хотел поступать сначала в техникум — там требования выше и профессия после окончания все-таки техник. Теперь, проучившись в ГПТУ-14 почти три года, считает, что профессию выбрал правильно. Уже сейчас во время практики работает самостоятельно на Ждановском телефонном узле. Сережа признался, что за три года учебы в ПТУ он сам себя не узнает, так изменился: появилось стремление все время познавать что-то новое. Потому и книг много покупает, и бабушку просит, чтобы покупала. Дома уже большая библиотека собрана.

Лиля Чудина получает профессию электромонтера связи АТС. В школе училась в основном на троечки. Призвания никакого не было, потому и не знала, куда идти — учиться или работать. Помог пример мамы — она почти четверть века работает на АТС.

С Лилей мы беседовали в тот самый день, когда у нее была репетиция в театральной студии — она играет одну из главных ролей в инсценировке по роману Василия Быкова «Обелиск». Спросил ее, увлекалась ли раньше театром. Лиля рассмеялась:

— Да что вы... В школе как узнают, что я в артистки подалась, — умрут, а не поверят. Я ведь еле-еле училась, какой там театр. И в училище, считайте, от школы сбежала...

Саша Вирицев, третьекурник, бу-

дущий монтер телефонной связи: — Я пришел в это ПТУ совершенно сознательно — моя мама работает на АТС электромонтером шестого разряда. Куда же мне было идти, как не в четырнадцатое? Некоторые из моих школьных дружек решили кончать десятилетку. А я считаю, что выиграл: пока они будут в школе, я и аттестат получу, и специальность... Я уже сейчас чувствую, что могу самостоятельно работать — значит, скоро не буду сидеть иждивенцем на шее у родителей.

Вот так эти ребята, еще совсем недавно отнюдь не самые серьезные и целеустремленные, постепенно обретают здесь, в стенах училища, не только новый взгляд на профессию, о которой они, в сущности, толком ничего не знали, но и осознание той безусловной пользы, которую они, став рабочими, будут приносить себе и обществу. С этого начинается пробуждение интереса к «профессиональным тайнам», извечное чудо душевного обогащения. Подросток, плававший по житейскому морю, так сказать, без руля и без ветрил, постепенно обретает четкую направленность и в итоге приходит к выводу, что здесь-то он и нашел свое настоящее дело.

Не раз и не два, беседа с учащимися, приходилось удивляться, когда на вопрос о том, что им больше всего нравится в училище, они отвечали: дисциплина и порядок. Мы-то привыкли считать, что подростки больше всего терпеть не могут именно дисциплины, всячески увиливают от нее, в крайнем случае подчиняются. Но чтоб она им нравилась!

А объясняется все просто: большинство мальчишек в пятнадцать лет подспудно, где-то в глубине сознания уже понимают пользу режима, чистоты и подтянутости, верят в необходимость учебы, постоянных занятий. Понимать-то понимают. Но, кроме понимания, нужны ведь еще и воля, и умение распорядиться своим временем, и руководить своими желаниями. Вот это самое волевое усилие они и получают со стороны в виде строгой дисциплины, единых педагогических требований.

— В ПТУ приходят ребята способные и ленивые, озорники и тихони, неудачники и увлеченные делом, — рассказывает Иван Тарасович Кирдун. — И самым близким к ним человеком становится мастер производственного обучения. Первое впечатление ребят об этом человеке — как правило, самое сильное впечатление об училище. Потом будут и восторг от собственной АТС на сто номеров, и ожидание увлекательного похода на байдарках по рекам Подмосковья, и кропотливые сидения над каким-нибудь замысловатым тренажером — все эти впечатления в процессе учебы могут так и остаться «за кадром», в тени, не будь они, если можно так сказать, очеловечены мастером.

Да, он, мастер, обязан не только до тонкостей знать ремесло, которому учит ребят, но быть еще и воспитателем, организатором, психологом. Иначе не услышат его ребята, не пойдут за ним. Потому что у них сейчас самая сложная пора в жизни — взросление.

С какими только разными — смешными и серьезными, легкими и трудными — вопросами не приходят девчонки и мальчишки из 52-й группы к своему мастеру! Да и к кому им еще идти, если не к ней, Александре Дмитриевне Храмовой?

— Александра Дмитриевна, а какой подарок лучше всего сделать мальчишкам к Дню Советской Армии?

— Александра Дмитриевна, а почему одни люди рождаются дураками, а другие умными?

— Александра Дмитриевна, а кто вам больше нравится из артистов — Янковский или Тихонов?

— Александра Дмитриевна, а что такое кибернетика?

Трудно, ох как трудно быть советницей в таких вопросах! Да и вообще, кто она такая, чтобы у нее на все эти вопросы были готовые да к тому же неоспоримые ответы? Она ведь всего

лишь мастер производственного обучения в ПТУ, и по-настоящему с нее спрос может быть только за электротехнику, которую она преподает. А они еще идут за советом, можно ли пригласить ребят встречать Новый год на квартиру к одной из девочек, если там в это время никого из родителей не будет, или как быть, если одному парнишке из ее группы житья нет дома от неупутового отца и парень уже грозит расправиться с ним своими силами... Что тут посоветовать? Ведь она, Александра Дмитриевна, не профессор Академии педагогических наук, чтобы знать все тонкости воспитания детей и отцов. Ей бы впору уследить за всеми здесь, в стенах училища.

Конечно, когда вся группа в училище, под рукой, тогда с ребятами значительно легче — они и спокойнее, и собраннее, и дисциплинированнее. Но Александре Дмитриевне хочется, чтобы они были такими и тогда, когда остаются без ее присмотра. Таими, каким она хочет видеть и собственного сына Сережку, ровесника мальчишек и девчонок из своей группы.

Кстати, с того дня, как Храмова стала работать в ГПТУ-14, она почти не замечает разницы между Сережкой и ребятами из группы — любит их всех одинаково любовью. Потому, наверное, и согласилась сразу перейти с АТС, где была дежурным монтером, в родное ПТУ мастером.

На этот характерный штрих тоже нельзя не обратить внимания: многие мастера производственного обучения — выпускники этого же ПТУ. Преподавать приходят они, поработав 5—10 лет на хорошо оплачиваемых должностях, отучившись в техникумах или институтах. Именно они, по утверждению Кирдуна, вышедшие из стен этой альма-матер, быстро и легко находят взаимопонимание со своими подопечными, потому что «говорят с ними на одном языке».

Если по советам, то год назад, когда Светлана Богачева, окончившая ГПТУ-14 в 1980 году, стала мастером группы, она даже не отдавала отчета, что это окажется так трудно и ответственно. Ведь как она думала? Раз ты мастер производственного обучения — значит, передавай ребятам свой рабочий опыт, свои профессиональные навыки и умение. Ну, расскажи им, как совсем недавно сама работала электромонтером на АТС, научи безошибочно находить повреждения в телефонной сети, филигранно сращивать микроскопической толщины проводки, которыми перевито автоматическое нутро станции. Конечно, она понимала, что именно должна в них воспитать, какими специальными выпустить, ежели взялась быть их мастером. А вот давать советы типа жениться парнишке на втором курсе или нет — этому, простите, ее ни в училище не учили, ни даже в вечернем институте, куда она поступила сразу, как стала мастером ПТУ.

А они, ребята, идут к Светлане Владимировне и с такими вопросами, и похлестче, и посложнее. Идут, потому что уже убедились, что она не уходит от их прямых вопросов и дает им такие же откровенные и прямые ответы. Она не прибогает ни к каким ухищрениям, чтобы создать авторитет у ребят, и не думает об этом — просто остается сама собой. Так же, как они, увлекается, когда делает вместе с ними модель телефонной станции, так же по-настоящему радуется, когда все у них получается хорошо, и так же переживает все их незадачи. Так разве все это не воспитывает нравственно ее ребят, разве не помогает им становиться специалистами, любящими свою профессию, ревниво к ней привязанными?!

Видимо, в этом и заключается главный секрет, что не по долгу, а по душе исправляют в четырнадцатом ПТУ ребята судьбы. Вот тут и задумываешься: а нужны ли какие-то дополнительные ассигнования и затраты, чтобы везде, в каждом нашем ПТУ, так же учить и воспитывать ребят, как это делает педагогический коллектив четырнадцатого московского?

А С ПРОГУЛОМ ОБСТОЯЛО ТАК...

Эдуард САМОЙЛОВ

Как-то на «нейтральной территории» встретились молодые рабочие двух калужских заводов — из бригады Анатолия Тарасова с машиностроительного и бригады Валерия Волкова с турбинного. Встретились, чтобы познакомиться и обговорить условия социалистического соревнования своих коллективов.

Подобрать две бригады, которые были бы под стать друг другу и по основным показателям, и по профилю работы, оказалось делом непростым. Комитеты комсомола заводов затратили на это полтора месяца. Сначала напрашивалось самое простое решение: взять две одинаковые по профессиональной принадлежности и количественному составу бригады: слесарей, например, или фрезеровщиков. Но каждый раз оказывалось, что одна из бригад заведомо сильнее другой — так сказать, разных «весовых категорий». А наиболее сильные комсомольско-молодежные коллективы, если снова воспользоваться физической терминологией, представляли различные «виды спорта». И все же решили остановиться на них: бригаде станочников-координаторов с «турбинки» и бригаде станочников-операторов станков с ЧПУ с машзавода. Сравнить их работу — примерно то же самое, что сравнить игру, скажем, баскетбольной и гандбольной команд, и ясно было, что задача эта, конечно, непростая.

Чтобы упростить ее, решили взять только семь основных показателей: объем производства, номенклатура, производительность труда, снижение трудоемкости, использование производственных мощностей, использование фонда зарплаты, трудовая и общественная дисциплина. А для установления более тесных личных контактов договорились проводить спортивные соревнования по мини-футболу, волейболу, шахматам, шашкам, настольному теннису и... рыбной ловле.

Через месяц Тарасов и Волков встретились снова. Пришло время подвести предварительные итоги. И вот только тут стало окончательно ясно: какая непростая вещь — соцсоревнование.

Показатель первый — объем производства. В бригаде Тарасова план выполнен на 104 процента, в бригаде Волкова — на 138. Но Тарасов не выглядел огорченным, а Волков не проявил никаких признаков радости.

Почему? Им, профессорам своего дела, с самого начала было известно, что цифры — это одно, а то, что стоит за ними, зачастую говорит совсем другое. Может быть и так, что четыре сверхплановых процента весомей, чем тридцать восемь. Если, например, за этими 38 процентами стоит слабая работа плановиков или, как было в данном случае, бригада выпускает несерийную продукцию, объем производства которой точно запланировать гораздо труднее. Именно поэтому порой и скачут вверх-вниз объемные показатели.

— Объем производства, перевыполнение — это показатель, который обязательно надо связывать с напряженностью плана, с использованием имеющихся мощностей, — пояснил Волков. — Надо сравнить исходные предпосылки наших бригад в этом отношении. Предлагаю следующее: подсчитывать коэффициент использования мощностей в тесной увязке с объемом производства. Тогда и цена каждого процента перевыполнения плана станет видней.

— Согласен, — ответил Тарасов. — А что касается напряженности плана, то могу привести такой пример: в июне у нас два станка простояли пару недель на ремонте. Так вот по выпуску некоторых изделий, изготавливаемых на этих станках, мы не можем войти в график до сих пор, через два месяца, настолько плотный у нас план.

Таким образом, прежде чем выносить суждение по поводу объемных показателей, надо ясно представлять себе «вес» каждого процента перевыполнения плана.

— У меня есть знакомый экономист, — добавил Волков, — берусь уговорить его выполнять эту работу.

«Переговоры» бригадира по первому пункту таблицы показателей здесь изложены вкратце, на самом деле разговор был гораздо более подробный. И так по всем показателям.

Вот еще пример. Бригада Тарасова перерасходовала фонд зарплаты на два процента. Казалось бы, беспорядный минус. Но посмотрите, как было дело: с другого завода поступили дефектные детали, кото-

рые должны были пройти дальнейшую обработку в бригаде Тарасова. Что делать? По правилам — отсылать на завод-изготовитель. Но время-то не ждет, план надо выполнять. Бригада сама исправила чужой брак — довела детали до нужных кондиций. Сверхплановая работа — сверхплановая зарплата. Вот и решайте — в минус ли засчитывать это бригаде?

Волков сказал, что нет, напротив, в плюс, потому что бригада сделала выгодное заводу дело. Но цифра-то в таблице «неблагополучная»...

Все это, однако, еще не самое сложное. Последняя графа самая коварная, потому что здесь требуется уже не столько экономический, сколько нравственно-психологический анализ. А его в цифрах выразить — задача труднейшая.

Тарасов и Волков, подробно обсудив все случаи нарушений дисциплины, допущенных в их бригадах, решили, что бригады выглядят в этом плане примерно одинаково. Так и объявили:

— Мы тут посоветовались и решили, что запишем по одному нарушению каждой бригаде.

Признаться, я был удивлен: как это «посоветовались и решили»? А сколько было нарушений? И тут бригадиры раскрыли «бухгалтерию» рабочей этики.

Как быть, например, если в бригаду пришел «тертый калач», для которого прогулы — дело привычное, и он их бригаде «гарантирует»? Выгнать из бригады или вообще не брать его в коллектив? Это легче всего. А если не выгонять, а воспитывать, бороться за него, то пока выправишь человека (если вообще выправишь!), в последней графе не одна роковая для коллектива галочка появится. «Роковая» потому, что, согласно общепринятому правилу, при подведении итогов соцсоревнования те коллективы, в которых допущены нарушения общественной и трудовой дисциплины, вообще не рассматриваются. Тут, пожалуй, само решение оставить прогульщика в бригаде в надежде перевоспитать его, несмотря на гарантированные при этом бригаде минусовые галочки, может быть, перевешивает их с лихвой. Как все это оценивать?

В жизни бывает всякое. За прогулом может стоять пьянка, может — горе, а галочка и в том и в другом случае одна, безликая и равнодушная.

Что же получается? Коллектив бьется и так и эдак, пытается вытащить рабочего из трясины пьянства, а оценка этих усилий весьма односторонняя: нет галочки — что ж, молодцы, так и должно быть, есть галочка — значит, все, прощай призовое место, почет, премии...

Фактически бригада не заинтересована брать человека на перевоспитание — хлопоты, риск, стимул же только один — сочувствие к человеку, желание помочь. Стимул, конечно, не последний по значимости, но не худо бы подкрепить его и оценкой по линии соцсоревнования.

— Два года лежат документы на увольнение нашего единственного нарушителя, — хмурится Волков, — но пока рука не поднимается. Жалко. И еще больше жаль его жену и ребенка — они-то в чем виноваты? Из-за них пока и держим его в бригаде.

На турбинном, пока готовился этот материал, произошли первые изменения. Началось с того, что на совете бригадиров завода было отмечено, что такой прославленный коллектив, как бригада Волкова, что-то слишком часто «вылетает» из подведения итогов соцсоревнования. И все из-за одного человека. Несправедливо. Затем и сам Волков выступил на партхозактиве.

— По-моему, пора нам научиться оценивать не только производственные показатели, общественную работу и нарушения, — сказал он, — но и ту работу, которую ведут бригады по перевоспитанию нарушителей. Если бригада берет человека на перевоспитание, значит, надо дать ей какое-то время на это, а не наказывать немедленно за каждое его нарушение.

...Два бригадира, два полномочных представителя рабочих коллективов, привалялись навстречу друг другу сквозь эту магию цифр — сквозь их бесстрашность и обманчивость. Взвешивали и уравнивали — чтобы не было ни малейшего перекаса — исходные позиции бригад на весах своего

производственного опыта, на весах рабочей совести.

— Знаете, — в конце концов заметил я им, — это, конечно, хорошо, что вы так доброжелательны друг к другу и так тщательно анализируете каждый показатель, стремитесь к полной объективности. Но ведь надо будет как-то и годовые итоги подводить, называть победителей... А пока что-то сложновато все это выглядит.

— Не беспокойся, — улыбнулся Волков. — Сложности распутаем, главное — лишнего никто себе не припишет, у другого не отнимет.

Но дальше события развивались отнюдь не по «сценарию». После того, как бригады побывали друг у друга на рабочих местах, стало ясно, что эти визиты практически полностью исчерпали возможности обмена производственным опытом. Посоветовались и решили подключить к соревнованию еще две бригады, такие же по профилю, что и коллективы Тарасова и Волкова. Нашли бригаду В. Киселева с турбинного и Л. Сорокина с машзавода.

Теперь уже и показателю стало легче сравнивать, и позаимствовать друг у друга было что. На встречах четырех бригад приходилось порой буквально отрывать друг от друга ребят из бригад-соперниц: настолько интересно им было узнавать о производственных «секретах» другого коллектива, делиться опытом. Но когда речь зашла о нарушениях трудовой дисциплины, все началось сначала.

Снова долго прикидывали и так и эдак, как оценивать то или другое нарушение. Например, в бригаде Киселева 12 человек, у Тарасова — 39. Исходные предпосылки неравные: вероятность нарушений выше, конечно, во втором коллективе. Как их подсчитывать? Предлагалось, например, исходить из количества нарушений на десять человек, то есть одно нарушение в бригаде Киселева равнялось бы четырем в бригаде Тарасова. Вроде по математической логике справедливо, а по логике рабочей морали? Бригада Тарасова от «поблажки» отказалась. И при подведении итогов квартала была за это «наказана».

С инструментальщиками еще сложнее. Снова разгорелась дискуссия вокруг ставшего уже притчей во языцех единственного нарушителя в бригаде Волкова. Да, вначале договаривались, что в течение года нарушения выпивохи бригаде не засчитываются. Но когда дело дошло до подведения итогов, все снова вернулось на круги своя.

В бригаде Волкова — два нарушения на счету все того же рабочего. В бригаде Сорокина — одно. Производственные показатели лучше у турбостроителей. Выходит, если следовать договоренности, им и первое место? Но Волков заявил:

— Перед тем, как прийти сюда, бригада на собрании постановила: даже если по производственным показателям мы опередим соперников, то все равно не можем признать за собой право на первое место, раз у нас есть нарушения.

Вот так. Что это? Непоследовательность бригадира? Или чистой пробы рабочая гордость, органически не выносящая брака в работе, не желающая принимать никаких послаблений?

Я настаивал на том, что договоренность должна быть выполнена, что нельзя бригаде «отдуваться» столько времени за грехи одного человека. Волков стоял на своем. Вопрос так и остался открытым.

В сущности, он остается открытым на любом заводе, во многих бригадах. Увы, во многих коллективах есть свои постоянные нарушители, которых давно можно было бы уволить, но за которых бригады ведут долгую, изнурительную, ничем не вознаграждаемую борьбу.

Можно снизить количество показателей, по которым подводятся итоги соревнования. Можно тщательно взвесить и соотнести цену каждого процента, каждой цифры в производственных показателях.

Но те цифры, которые стоят в графе «нарушения трудовой и общественной дисциплины», взвешивать только лишь на весах математики нельзя. И тем не менее пока что мы так и делаем, потому что других весов, достаточно точных, нет.

Но придумать их необходимо.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1401) ОКТЯБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
горянка.
Фотозапад
Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

1 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
«У ТВОЕГО ПОРОГА». Фотоочерк Бориса ДАНИУШЕВСКОГО и
Сергея ВЕТРОВА.

3 ДИСЦИПЛИНА ТРУДА.
Эдуард САМОЙЛОВ. «А С ПРОГУЛОМ ОБСТОЯЛО ТАК...»

4 Борис БРУСИЛОВ. «ЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ СТАДИОН».

6 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ «УСТАРЕЛА ЛИ ВЕРНОСТЬ?».
«РАСКАЯНИЕ».

7 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказ Зденека ВОЛЬНОГО «ХОД КОТОМ».

11 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — БЕРЕЖЛИВОСТЬ.
«МЫ ПРЕДЛАГАЕМ...». Фоторепортаж Валерия БАДОВА и
Виктора САККА.

14 ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ.
Беата БУШЕЛОВА, кандидат педагогических наук.
«С КЕМ НЕ БЫВАЕТ?»

16 ОТЕЧЕСТВО.
Сергей КОШЕЧКИН. «ПОД ВЕШНИМИ ЗОРЯМИ».

22 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Владимир БУЛЬЧЕВ. «ЧУЖИЕ».

24 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
«ДНЕПР». НА СВОЕМ МЕСТЕ».

26 АВТОБИОГРАФИИ.
Евгений ЕВСТИГНЕЕВ. «ВЕЧНОЕ УЧЕНЬЕ».

28 Повесть Сергея УСТИНОВА
«МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Борис БРУСИЛОВ

Телекамера в зале суда крупным планом взяла несчастное лицо Сергея Усенко. Совсем еще мальчик, в синем с белой окантовкой спортивном костюме... Еще мгновение, и зрители увидели заплаканную мать Сергея. Из-под повязанного по-вдови платка ее глаза с мольбой смотрели на судью. Ее сын, воспитанник Ясиноватского ГПТУ № 24, вместе со сверстниками совершил кражи в студии звукозаписи.

Затем на телеэкране появился Юрий Ильич Кучер — директор ГПТУ. И затянул жалобную историю о том, что он-де ума не приложит, как случилась эта беда — ведь для культурного отдыха воспитанников, их занятий спортом делается все необходимое. На самом же деле спортивная работа в училище развалена, на единственной заброшенной и жалкой спортплощадке ГПТУ местные автовладельцы повыстроили свои гаражи. Райком партии уже наказывал директора за то, что тот посылал ребят на «шабашку» — строительство частного гаража. Зарплату тренера-игровика, чьим рабочим местом и была застроенная гаражами площадка, вот уже несколько лет получал по поддельным документам личный шофер председателя донецкого областного Спорткомитета А. Кучерова А. Енатьев, отродясь не имевший к тренерской работе ни малейшего отношения. Ю. И. Кучера после случая с «шабашкой» нельзя было на

лось позже. Члены кооператива, оказываются, внесли свои кровные деньги, чтобы в помещении двух боксов оборудовать зал для настольных игр, который преподносился в подарок детскому спортивному клубу. Кроме того, обширная крыша подземного гаража, тоже с согласия пайщиков, была за их счет заасфальтирована, огорожена ажурной сеткой и превратилась в замечательный комплекс всепогодных спортплощадок.

Думаете, на этом и успокоился Генрих Рууз? Вместе со слесарем кондитерской фабрики А. Кунглой, с детьми и взрослыми из дома № 188 по улице Дружбы он организовал субботники по превращению заболоченного пустыря в образцовое футбольное поле (причем для за сыпки использовался грунт, вынутый при строительстве того самого гаража ГСК). Все свое свободное время он с увлечением проводил на этом прекрасном «стадионе под окнами».

Каждую зиму ребята строят во дворе из снега и льда гору высотой в несколько метров. Спуск с нее идет по извивающемуся в крутых выражах желобу, причем соревнования проводятся по возрастным группам и на время, вызывая неописуемый восторг у детворы.

Настала пора, когда вместо грозных повесток пришли к Генриху и заслуженные награды. Руководимый им физкультурно-спортивный клуб (ФСК), объединяющий по месту жительства более 70 юных членов, стал лауреатом Всесоюзного конкурса, а ему самому в Спорткомитете ЭССР была вручена специальная медаль за заслуги на общественно-физкультурном поприще.

ЗОВЕТ НА П

пушечный выстрел подпускать к руководству педколлективом, но он, представьте, усидел в кресле. Почему?

На помощь пришли «добряки». Заместитель начальника областного управления по профтехобразованию П. Фенченко отдал распоряжение № 04—445, где шофер признан «руководителем волейбольной секции», которому что-то там неправильно оплатили. Заместитель председателя Спорткомитета Украины П. Савицкий, которому также попали в руки эти вопиющие факты, гневно выступил с ними на пленуме Украинского совета ВДСО «Трудовые резервы». Рассказал о развале спортивной работы в училище, о правонарушениях подростков и о гаражах, построенных на спортплощадке ГПТУ-24. О длительном обворовывании личным шофером А. Кучерова кассы училища... умолчал. В результате деньги, составившие четырехзначную сумму, по свидетельству главного бухгалтера ГПТУ Л. Заниной, все еще не возвращены.

Когда в подобные «игры» начинают играть ответственные взрослые дяди, то за подростков, чья судьба вверена в их руки, становится страшновато.

С этой растянувшейся на несколько лет, но все еще незаконченной истории я не зря начал разговор. Случай, может быть, и не типичный, но мораль из него следует очень убедительная.

К счастью, о подростках, взрослых людях и правоохранительных органах есть истории и повеселее. В Таллине рабочий завода «Норма» Генрих Рууз рассказал мне, как его одолели повестки из прокуратуры. Кто-то упорно обвинял рабочего в своих письмах, рассылаемых во все инстанции, будто подбил он членов гаражно-строительного кооператива «пустить налево» два бокса из 30.

Прокуроры, разумеется, не очень-то верили, что наладчик автоматических линий, ударник труда и заядлый общественник с товарищами по ГСК способны на преступные махинации. Но для чего тогда возводились «лишние» помещения, было непонятно. Все разъясни-

Вообще «гаражные» истории, собранные в моем журналистском блокноте, все довольно разные. Бескорыстный энтузиазм, проявившийся в только что рассказанной истории, перемежается иногда с откровенным хамством, с бесовской алчностью.

Один председатель облспорткомитета не постеснялся возвести гараж для собственных «Жигулей» из материалов, предназначенных для ремонта городского стадиона да к тому же и силами рабочих этой же спортбазы. Тщетно рабочий Б. Вереникин пытался воспрепятствовать вывозу на эту «левую» стройку машины дефицитного огнеупорного кирпича, необходимого для восстановления котельной (который год стадион бедствовал из-за отсутствия собственной горячей воды). Вереникину сказали: «Не твоего ума дело!» Потом, правда, эта история приняла неожиданный для расхитителя оборот. Члены партийной организации стадиона написали куда следует. На месте побывал с комиссией заместитель председателя Спорткомитета республики. Виновника не очень строго, но все же наказали, обязали сдать гараж в собственность государства... Не догадались ли вы случайно, читатель, так сказать, по черку событий, о ком идет речь? Совершенно верно: о том же донецком председателе А. Кучерове!

А вот гаражно-строительный кооператив в Ташкенте ухитрился оттяпать ребячий стадион у школы № 107, насчитывающей 1600 ребят. Не дрогнула, поднялась рука и у начальника РСУ рыбхоза «Сускан» Н. Филомошкина двинуть технику на рытье траншеи прямо в центре футбольного поля, принадлежащего спортсменам поселка Хрящевка, что в Куйбышевской области. Хотя сельсовет своим решением запрещал трогать спортбазу. В той же области было допущено уничтожение единственного стадиона в колхозе «Красные Горки». Примеры эти можно продолжать бесконечно.

В Калуге мне недавно показали в центральном парке «историческое место». Здесь когда-то крепко пустил кор-

ни не столь уж распространенный повсеместно, но увлекательнейший вид спорта — гандбол. В выходные дни и после работы здесь собирались сотни людей, а что тут творилось с утра до вечера в дни каникул — и описать трудно. Что любопытно: ни спорткомитеты, ни ДСО не имели касательства к этой стихии. Соперничающие команды сколачивались тут же, у всех на глазах, и становились в очередь в ожидании, когда освободится великолепно оборудованная и ухоженная площадка. Бывало, уже смеркалось, но игры продолжались до тех пор, пока был виден мяч и можно было отличить своего игрока от чужого.

На беду, по соседству, через примыкающую к парку дорогу, в одном очень солидном учреждении заседали люди, которым все это активно не нравилось. Терпели, терпели да и дали команду ликвидировать очаг «беспокойства». С тех пор нет в Калуге массового гандбола — ни стихийного, ни организованного.

Ну, а есть ли какие-нибудь государственные нормативные акты, призванные защитить от разорения стадион, спортплощадку? Роюсь в многочисленных справочниках — не нахожу. Спрашиваю у физкультурных специалистов со стажем — не помнят. В лучшем случае вспоминают приказ Госстроя СССР (№ 65 от 28 апреля 1967 г.), регламентирующий спортивное строительство при комплексной застройке и реконструкции городов и промышленных предприятий-новостроек, добавляя при этом, что он повсеместно не выполняется. Мечтают вслух о надежной охранной грамоте: замыслил, скажем, кто-

шек». Они располагают и техникой, и материалами, и квалифицированной рабочей силой, поэтому любые доводы о том, что кому-то к спеху, а кто-то может и подождать, не должны приниматься во внимание. К тому же в организации физкультурной работы тоже есть свои сложности и тонкости, о чем, к примеру, говорит тот же печальный опыт развития массового гандбола в Калуге.

Проблемы охраны и благоустройства существующих спортивных баз тесно соседствуют с задачами создания новых. Строится их немало, причем самыми различными способами. Все больше добротных сооружений появляется благодаря реализации средств, заложенных в местные программы социального развития.

Форма организации коллективного строительства спортсооружений на паях тоже живет и здравствует.

Да и самостоятельное строительство все еще в моде. В поселке Тоннельный на БАМе молодежь сообразила, что пожарный водоем можно соорудить и оборудовать так, чтобы он мог служить и плавательным бассейном. Там же, в поселке Кичера, из конструкций продовольственного склада сооружен спортивный зал длиной 50 метров!

Итак, кто-то строит с размахом, кто-то решает проблему на рациональной основе, а кто-то, проявив смекалку, энтузиазм, сводит концы с концами. Но для всех трех категорий одинаково актуально звучит принцип: кто хочет — тот добьется. Эта мысль настраивает на оптимистический лад. Впрочем, закрадывается и другая: а есть ли такие, кто хочет,

облспорткомитета В. Проничев отработал в Москву, что в конкурсе «Всей семьей — на старт!» (во втором этапе) у него приняло участие 297 семей, а общее число пап, мам и ребят при этом составило 17488 человек. Простое арифметическое действие помогло выяснить, что в среднем каждая семья состояла из... 60 человек! В Москве, конечно, ахнули, и тогда В. Проничев стал уверять, что машинистка ошибочно впечатала в конце лишнюю восьмерку, а он-де не доглядел и подписал. Но и после такого объяснения получалось, что в среднем каждая семья состояла из 6 человек. Это тоже трудно себе представить в наше время.

Спорткомитет РСФСР сообщил штабу Всесоюзного смотра-конкурса «Движение — для здоровья», что по республике в этом конкурсе приняли участие более 40 миллионов человек. Почти 8 миллионов участников «выдали на-гора» на Украине. Некоторые другие комитеты тоже не поскупились. Получилось, что все советское физкультурное движение почти поголовно включилось в «Движение — для здоровья». Невероятное стало очевидным.

Чересчур вольное обращение с миллионными цифрами стало ordinарным явлением в физкультурных организациях. В вышедшей в последнее время популярной литературе утверждается, что одновременно на существующей спортивной базе может заниматься 21 миллион человек (это значит, что в день она способна пропустить по крайней мере втрое больше людей). А теперь откуда-то получены и пошли

ины признались: не «спущено» им никакого нормативного документа на загрузку — ни из Москвы, ни из Киева. Самим приходится проваляться — вычислять свои возможности и планировать эту самую загрузку.

А разве это порядок? Неужели нет у нас специалистов, которые способны разработать типовые нормы загрузки для каждого вида и класса спортсооружений? Насколько мне известно, сейчас в Спорткомитете СССР такой документ уже «на подходе». Так, может быть, стоит наделить его силой законодательного акта?

Всех проблем, связанных с базой массовой физкультуры и спорта, я, боюсь, все же не затронул. Но вот в заключение еще одна любопытная мысль, высказанная молодым директором стадиона «Локомотив» в Донецке Валерием Хамкаловым:

«Мне думается, необходимо организовать в областных центрах и крупных городах единые управления спортсооружений. В руках этих управлений можно было бы сосредоточить финансирование, они бы координировали загрузку спортсооружений и т. д.»

Мысль высказана, конечно, не новая.

ОМОЩЬ СТАДИОН

то покуситься на нашу спортбазу, а мы ему на стол законодательный акт!

И вот сравнительно недавно узнаю, что такой правительственный документ, оказывается, есть. Причем действие оказывает безотказное. Хоть и стар годами, но актуален каждой своей фразой, так что и подновлять не надо. Называется «РАСПОРЯЖЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР от 26 апреля 1939 г. УД-240». Гласит следующее: «СНК СССР предлагает совнарком союзных республик запретить изъятие и использование для других целей специально построенные или приспособленные для занятий физической культурой и спортом сооружения и помещения, если это изъятие не связано с необходимостью перепланировки города, поселка, селения.

Изъятие указанных сооружений и помещений, связанное с перепланировкой населенных мест, может быть произведено при обязательном представлении другого помещения, отвода другого участка по согласованию с местными, областными, краевыми, республиканскими комитетами физической культуры и спорта с возмещением затрат на их оборудование».

Документ этот показали мне воронежские физкультурные работники, отыскавшие его и выставившие перед собой наподобие щита в час великой нужды: игровым полям детской футбольной школы угрожал захват со стороны соседнего хозяйства. Зампредполкома развел руками, и покушавшиеся ушли ни с чем.

Не знаю, кто может подвергнуть сомнению резонанс такого нормативного акта. Претендуешь на чужую базу — построй равноценную. И не когда-нибудь, в будущем, а немедленно, с тем, чтобы договаривающиеся стороны могли мирно разойтись, обменявшись ключами от своих владений. Реальна ли такая постановка вопроса? Вполне. Ведь на территории или помещения спортбаз, как правило, претендуют организации, не относящиеся к разряду «мелких со-

да не может обзавестись своей, хотя бы элементарной спортивной базой?

К сожалению, есть. Так, 42 процента наших общеобразовательных школ все еще не оснащены спортивными залами. У многих нет площадок и на открытом воздухе, поскольку школьные здания оказались зажатыми среди жилых построек. Все это в значительной степени наследие получивших широкое распространение ведомственных методов строительства. Преодолеть эти трудности непросто. В каждом поселке или районе это делают по-своему, в зависимости от местных условий, и, надо сказать, что принятая недавно школьная реформа еще активнее двинула вперед этот процесс.

Бывают цифры впечатляющие. Бывают успокаивающие. А некоторые наводят на размышления. Сегодня в распоряжении физкультурников страны более 370 стадионов, почти 78 тысяч спортзалов, свыше 2300 плавательных бассейнов, около 700 тысяч спортплощадок. По данным состоявшейся в Новосибирске I Всесоюзной конференции «Наука — спорту, спорт — науке», пропускная способность летней спортивной сети — 14,2 миллиона человек в день. Зимней — 11 миллионов в день. Хотя огромная масса населения увлечена физкультурными занятиями, которые специальными сооружениями не требуют, все же нельзя не признать, что для 90 миллионов физкультурников существующая база определена мала. Иначе говоря, нам совсем безразлично, как используется и какую производительность дает «станочный парк» всеобщего цеха здоровья. Ведь можно построить отличные игровые площадки, приобрести красивую спортивную форму... и ничего не добиться, если работа в коллективе физкультуры организована формально, если инициативе любителей спорта нет простора.

Пожалуй, никогда в советском массовом физкультурном движении не рождалось так много интереснейших организационных новинок, как в наши дни.

Так, председатель иркутского

гулять по страницам печати данные о том, что база-то, оказывается, потянет одновременно все 30 миллионов!

Выходит, нет проблем с обеспечением спортсооружениями? На все 90 миллионов физкультурников их хватит с избытком? Вот только с бассейнами загвоздка: один приходится на 40 тысяч зарегистрированных физкультурников. Если по максимальным нормам загрузки бассейнов всю «воду» поровну разделить на всех, получится примерно по минуте плавания в день на каждого. Окунулся — и вылезай.

И вот при подобном-то дефиците бьются, оказываются, привередники. В великольном бакинском комплексе оздоровительного плавания с суммарной площадью зеркала воды в 2 тысячи квадратных метров, который принадлежит производственному объединению «Азэлектротерм», даже в вечернее время нередко пустуют голубые дорожки. В чем дело?

А в том, что, оплатив аренду бассейна, предприятие не привлекает работников к занятиям плаванием.

В Новгороде пришлось встретиться с противоположной картиной. Производственное объединение «Азот», в котором работают около 7 тысяч человек, не только не имеет фактически собственной базы (кроме разве что хоккейной «коробки»), но и не арендует ее для своих трудящихся. Вся физкультурная работа замкнулась на нескольких спортивных командах и ДЮСШ. Думается, неспроста статистика показывает, что количество простудных и сердечно-сосудистых заболеваний на этом предприятии неуклонно растет.

Итак, у кого-то нет базы, у кого-то есть, но она не загружена, у кого-то нет желания арендовать ее у других... Кто в ответе?

О загрузке спортивных баз идет у нас разговор уже не одно десятилетие. С одной стороны, их не хватает, а с другой — имеются все еще толком не загружены. Почему? Причин много, но вот одна из довольно существенных. Знакомые директора стадионов Укра-

Больше того, кое-где при спорткомитетах действуют службы, облегчающие содержание и использование городских баз. Но непреходящая ценность этого предложения в том, что пути ведомственной разобщенности в случае его реализации перестанут мешать полноценной работе каждого спортсооружения и оно сможет действовать с максимумом отдачи. Предложение это хорошо согласуется с духом и буквой партийно-правительственных документов, которыми мы сейчас руководствуемся. Например, в постановлении ЦК КПСС от 12 июня 1985 года «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» прямо говорится: «Плохо поставлено материально-техническое снабжение учреждений культуры и спорта. Они слабо оснащены техническими средствами пропаганды». И далее: «Предусматривается более активное внедрение в практику опыта долевого участия предприятий, не имеющих своих учреждений культуры и спорта, в содержании и использовании дворцов, домов культуры, клубов и спортивных сооружений». Таким образом, ведомственной разобщенности противопоставляется инициатива совместного хозяйского подхода — единственно верного в данном случае и оправданного со всех точек зрения.

Да, сегодня стадион пока, можно сказать, в долгу перед населением. Но это не чей-нибудь, а наш стадион — форпост массовой физкультуры, наш второй дом, в котором мы обязаны навести порядок. Чтобы не было места печальным примерам, с которых начался этот рассказ.

Читательские письма — своеобразный барометр актуальности журнальных выступлений. Опубликовав в № 11 этого года письмо учительницы из Нижнекамска Надежды Птицыной «Устарела ли верность?», «Смена» задела, как говорится, за больное. В ответ на вопрос, заданный Надей, редакция получила сотни писем. И в каждом — откровения людей со спорными и бесспорными суждениями, человеческие судьбы, сложные, порой трагичные, изломанные. Одно из таких писем мы публикуем полностью. Оно не только о верности, о ее великой, преобразующей силе, но и о том тяжком испытании, которому подверглась женская верность и выстояла, победила.

Ирина позвонила около одиннадцати вечера.

— Приезжай, я больше не могу, сил нет терпеть...

Голос у нее всегда был тихий и робкий. А тогда, доведенная до отчаяния, она говорила резко, отрывисто. Никогда не слышал ее такой.

Когда открылась дверь, Ирина попыталась улыбнуться, но тут же по лицу ее скользнула гримаса боли.

— Он ударил меня, ударил за то, что у нас дома нет кофе! Это предел. Я позвонила отцу, он сейчас приедет и возьмет меня и Клавушу.

Игорь сидел на кухне. В мутных глазах застыл страх.

— Старик, понимаешь, маленький семейный разлад. Выяснилось, что мы говорили на разных языках...

Он рванул с груди галстук, попытался встать, задел угол стола и рухнул на табурет.

— Извини, я, кажется, перебрал... Но ты скажи ей, старик, что я все равно люблю ее...

...Мы завидовали им еще со школы. Их чувству и верности друг другу. Ирина гордилась Игорем. И было отчего. На школьных спартакиадах он традиционно завоевывал призовые места, лучше всех шел по английскому и вообще был широким, отзывчивым парнем. Ирина, хоть и не блистала отличной учебой, была, что называется, добрым ангелом нашего класса. Мы очень любили ходить к ней заниматься перед экзаменами и пить чай с бабушкиными кренделями.

После школы Игорь поступил на физмат. Окончил блестяще. Потом его призвали в армию. Ирина ждала, ездила к Игорю в Мурманск, где тот служил. Научилась вязать, чтобы подарить Игорю самодельные свитер и шарф. Она десять раз могла выйти замуж, от женихов просто не было отбоя. Но ждала своего Игоря.

Он вернулся. Спустя два месяца сыграли свадьбу. Какое-то время они не давали о себе знать. «Что ж, — думали мы, — упиваются семейным счастьем, это естественно». Стороной доносили слухи, что Игорь избрали освобожденным секретарем комитета комсомола крупного научно-исследовательского института. Потом родилась Клава. И мы снова собрались у Ирины на даче, как в добрые старые времена. Игорь был весел, рассказывал разные истории, то и дело подливал себе домашней рябиновки. Ирина пыталась его остановить:

— Милый, хватит. Тебе завтра в институт.

Он склонял голову, патетически восклицал:

— Не вели казнить...

Из разговора мы поняли, что наука у Игоря не пошла, не хватило упорства, усидчивости. Зато неплохо получается по административной линии, в ближайшем будущем ему «светит» должность замдиректора института по общим вопросам. Но уже тогда мы почувствовали в отношениях Игоря и Ирины какую-то напряженность, словно сломалась внутренняя пружина их согласия. Никто не понимал, что же произошло. Поняли позже.

Однажды он приехал ночью с двумя приятелями к бывшему старосте класса, самому степенному из нас, уже тогда главному инженеру крупного завода. И Игорь, и его друзья были изрядно во хмелю. Подняли на ноги всю семью, разбудили детей, потребовали закуски. Уехали под утро.

Так мы узнали, что Игорь пьет. Я позвонил ему. Трубку взяла Ирина. На правах школьного друга попытался выяснить, как далеко это зашло. Но разговора не получилось. Узнал лишь, что Игорю уже не предлагают должности замдиректора, что он номинально числится младшим научным сотрудником, но фактически заведует базой отдыха института где-то под Москвой. О самом больном для нее Ирина говорить не хотела. И я понял, почему, — она щадила мужа, честь своей семьи.

Лишь спустя год мы узнали всю правду. У нее

родился мертвый ребенок. Мы приехали, когда Ирина вышла из больницы. У Игоря тогда хватило мужества сказать нам, бывшим школьным друзьям, что в происшедшем есть его вина: он пил, пил много, едва ли не каждый день. Дома раньше одиннадцати не появлялся. Ирина нервничала. Обзванивала знакомых, потом перестала. Сделалась молчаливой. Когда Игорь приходил домой, она без слов ставила перед ним стакан с водой и клала таблетку от головной боли. Он давал ей слово, что это в последний раз. Назавтра все повторялось.

Мы слушали исповедь Игоря, ощущая всю меру его человеческого падения, и жалели Ирину. Но как и чем мы могли помочь?! Советом, участием? Личная жизнь — дело деликатное. Мы высказали Игорю все, что думали по поводу его безхарактерности, успокоили, как умели, Ирину и разъехались, увозя горечь и чувство собственного бессилия.

А затем последовал тот самый ночной звонок, с которого я начал это письмо.

С Игорем разговаривать тогда было бесполезно. Он бы все равно не понял, что переступил в отношениях с любящей его женщиной черту допустимого, оскорбив ее, причинив ей боль физическую, и, что еще страшнее, — нравственную. Подробности того вечера я узнал, провожая Ирину с дочерью к родителям.

Игорь пришел, как обычно, навеселе. Пришел не один — с ним явился какой-то Миша, розовощекий крепыш. Розовощекий без спроса врубил музыку на полную мощность, разлил бутылку водки в граненые стаканы, выпил, полез к Ирине целоваться. Она оттолкнула пьяного гостя, ушла в комнату к дочери, зарылась лицом в подушку, заплакала.

Вскоре в комнату ввалился Игорь, потребовал кофе. Она молча отвернулась. Он подошел, взял ее за волосы, прохрипел:

— Мы хотим кофе. Ты понимаешь, кофе.

Ирина ответила, что кофе в доме нет. И добавила, что ей омерзителен тип, которого муж привел с собой, и она больше не выйдет из комнаты. Игорь тупо уставился на Ирину и, пробормотав: «Значит, у нас нет кофе!» — ударил ее по лицу потной ладонью.

Вот и все. Эта пощечина смела все ее колебания — оставаться вместе с этим человеком она уже не могла.

И все-таки это лишь первая часть истории. Было бы несправедливо умолчать о ее продолжении.

Мы вычеркнули Игоря из числа своих знакомых. Помогли Ирине устроиться по ее специальности — редактором в издательство. Спустя полгода она буквально преобразилась — исчезли круги под глазами, стала ровнее, спокойнее. В жестах, походке выделась уверенность. Однако все наши попытки затаять Ирину в компанию, познакомиться с кем-нибудь кончались ничем. Человек по натуре домашний, она всякий раз предпочитала общество дочери и отца.

Однажды мы все-таки заехали к ней, чтобы взять ее с Клавдией и отправиться в Загорск. Ирина встретила нас смущенная, предупредила, что у нее Игорь. И что он очень изменился.

Игорь сидел на краешке тахты, осунувшийся, похуевший, в старых джинсах, куртке еще институтских лет. Держал в руках сказки Андерсена. Рядом сидела Клава. На столе стояли букет гвоздики и неоткрытая коробка с тортом. Но больше всего нас поразила Ирина. Она прямо-таки светилась радостью, какой-то тихой, едва уловимой улыбкой. Игорь, увидев нас, тоже смугился, встал и, кивнув нам, остался стоять посреди комнаты, сцепив за спиной руки. Мы обменялись ничего не значащими фразами, потоптались минут пять для приличия и ушли.

Спустя еще несколько месяцев мы узнали, что Ирина и Игорь снова живут вместе. Он сменил работу, ведет абсолютно трезвую жизнь, очень добр и нежен с женой и дочерью. Вполне естественно, что мы от души радовались за эту семью, но, зная всю предысторию, все-таки переживали за Ирину. Повторись рецидив с Игорем, она окончательно падет духом.

На десятилетия Клавдии были только свои. Ирина и Игорь хлопотали на кухне, гости лакомились салатами, грибами домашнего соления и чудным клюквен-

ным морсом. Бутылка сухого так и стояла непотная в центре стола. Предупрежденные Ириной, мы старались не акцентировать внимания на напитках и, надо сказать, не испытывали особенного дискомфорта. Всем и без вина было весело, легко и тепло тем особенным теплом, что излучает согласие, царящее в доме.

Перед чаем мы вышли с Игорем на кухню, закурили. И тогда я спросил его о том, что не давало покоя весь вечер.

— Скажи, это у тебя серьезно? Ты уверен в себе?

Он скомкал сигарету, прикрыл плотнее дверь, посмотрел мне прямо в глаза.

— Хочешь, расскажу тебе все с самого начала?

Я кивнул.

— Нет ничего хуже ощущения вседозволенности...

Ирина любила меня, и казалось, что так будет вечно. Я ведь раньше не пил, ты знаешь. Началось это постепенно. Комсорг крупного института. Банкеты, делегации, встречи, проводы. Масса необязательных знакомств. Было такое чувство, будто ты на гребне жизни. Тебя угощают, ты отвечаешь тем же. Сначала я ощущал угрызения совести. Приходил поздно домой, усталый, хмельной, понимал, что что-то недодаю семье. Успокаивала мысль — так нужно во имя общего блага, во имя карьеры. Все это пройдет, вот только займу прочное положение.

По институту пополз слух, что я пью, что со мной всегда можно разделить компанию. Это я-то, бывший трезвенник. Попытался остановиться. Не пил неделю. Если бы кто-нибудь помог, остановил меня тогда, поддержал... Не было такого. А тут опять какое-то мероприятие. Я вроде палочки-выручалочки, которая всегда поддержит тост, возьмет на себя обязанности тамады. Мне бы перечеркнуть тогда все разом, но не смог. Думал — последний вечер. А назавтра все повторялось снова.

Больше того, я даже понял, что уже не могу бросить пить сам. Просыпаюсь и думаю о том, где выпить. С трудом терплю до обеда. Всегда находилась какая-нибудь сердобольная душа, которая позвонит, пригласит пропустить по стопарю. Мерзко, но я не мог отказаться.

Ирина видела все, понимала и страдала. Сначала она сносила мои художества молча, потом просила меня остановиться, пощадить ее и Клавию. Плакала. Но никогда не оскорбляла меня, щадя мое самолюбие.

На работе все пошло прахом. Мне дали понять, что будет лучше, если я вовсе уйду из института. Но куда? С трудом устроился директором базы отдыха, похоронив мечты о науке и диссертации. И все пошло по-старому: пьянки, вечеринки, скандалы в семье. Ну, а потом ты знаешь...

Проснулся в то утро я один. Вещей Ирины и Клавдии нет, голова разламывается от боли. Мелькнула мысль о спасительной кружке пива. Но нашел силы, сказал себе: «Стоп, дальше ехать уже некуда». Отрезвел. Сажу в пустой квартире, и хочется волком выть. Понял, что все потерял, распотав самое святое, что еще держало меня на этом свете. И главное — нанес оскорбление женщине, которой понастоящему дорожу и которую продолжаю любить. Понял и то, что не верну ее, если не переломаю себя.

Ну, а потом было раскаяние. Долгое, болезненное. Лечился. С прежними друзьями порвал. Нелегко это было, но порвал. Да и что нас, в сущности, связывало, кроме водки? Непьющий, я стал им не нужен. А они мне и подавно. Что еще? Ушел с прежней работы. Устроился старшим лаборантом в другой институт. Спустя полгода дали ставку младшего научного, тему для диссертации. Долябло понемножку малые числа. И ты знаешь, жизнь повернулась другой стороной. Себя начал уважать, а ведь раньше ничтожеством считал. О семье отдельный разговор. Одно скажу — если бы не Ирина любовь, кончился бы я как человек. Чем заслужил ее чувство, не знаю. А вот чем обязан заплачивать за него, мне известно. Вот и суди сам, серьезно это у меня или нет...

Нет, не берусь судить. Рано. И морализировать не хочу. Главное, Ирина и Игорь сейчас вместе. И, по-моему, счастливы. Прочность этого счастья зависит от Игоря. Его человеческого достоинства, ответственности.

Вячеслав РОМАШКОВ,
инженер, Ногинск

Животные беспокоились — это было видно с первого взгляда. Даниэль наблюдал за шестью белыми меховыми комками через стекло.

Этого только не хватало! Как только одно из подопытных животных сдохнет — тут же вскрытие, бактериологический анализ и бог знает что еще. И все это в пятницу, когда работа официально должна быть запрещена. Бесчеловечно.

И осенний день был отнюдь не мокрый и не грязный! Через двойное оконное стекло он мог глянуть прямо в лицо осени, озаренной мягким, немножко даже сентиментальным солнцем той осени, которая небрежно выкрасила газоны (садовник явно не перетруился) в насыщенно-зеленый цвет и обрызгала их желтыми и красно-коричневыми кляксами первых опавших листьев. Асфальтированные тропки вели к зданию научно-исследовательского института.

Такой октябрь манил в леса, напоенные прохладным белым молоком утреннего тумана, тянул в луга с сине-фиолетовыми безвременниками, к одиночеству. Даниэль вынудил себя улыбнуться, он — дитя пыльно-равнодушной городской зелени, и вдруг такие мечты! Он хорошо знал себя, был в меру разговорчив, общителен и придерживался взгляда, что каждая минута, не проводимая человеком по-своему, утеряна навсегда. И этой минуты жаль, потому что жизнь только одна и наверняка короче, чем могла бы быть.

Иногда он даже с удовольствием входил на свой второй этаж иммунологического отделения; его работа во многом совпадала с темой кандидатской диссертации, которую он решил защитить как можно скорее.

Он сгреб с обшарпанного стола блокнот и ручку и сунул их в коричневый портфель. Бумаги с записями, журналы и масса прочего хлама остались лежать на столе. Стол Марцеллы, стоявший рядом, являл собой зрелище порядка в любое время дня. Только вот Марцела никак не могла упорядочить собственные мысли и скорее всего не ведала, для чего следует использовать жизнь.

Но потом он снова отложил портфель. Только две-три белые крысы бегали и принохивались, остальные сидели, не двигаясь, и Даниэль видел их прерывисто вздымающиеся бока. Животные явно дышали через силу.

Он понимал, что случилось что-то неожиданное и чрезвычайное, но все еще медлил с решением. В дверях показались набитые сумки, а за ними замызганный плащ Марцеллы Тучековой.

— Привет, Дан,— отдышалась она.— Бананы давали.

**Зденек
ВОЛЬНЫЙ**

РАССКАЗ

ХОДЯЩИЕ КОТОМ

«Никаких потрясений. Все это будет поглощено семейством в составе четырех членов за субботу и воскресенье,— подумал Даниэль.— Четыре желудка — сколько раз они наполнятся и опорожнятся?»

— Ты не поверишь, сколько у нас едят моркови. Иногда мне кажется, что я в крольчатнике. (Ее улыбка должна была изобразить раздумчивое извинение, но Даниэль почувствовал в ней гордость.)

Итак, семейство: Павел Тучек, кандидат наук, начальник отдела геофизического института. Лет примерно тридцать пять. Особая примета: ест морковь. Мамаша Марцела Тучекова, врач общей медицины, через полгода кончает кандидатскую. Тридцать два исполняется в августе. Особая примета: молодость ушла. Павлик и Петричек, «тученята». Воспитанники детского сада. Особая примета: с жадностью уничтожают морковь.

— А что это с нашими зверюшками, Даничек?

Он был на три года моложе, так что играл социальную роль самого большого «тученка». И научился использовать это.

Сумки, которые она еще держала, рухнули на пол.

— Похоже на коллапс,— ответил он спокойно.

Один из белых комочков вдруг перевернулся на спину. Смешно, что Марцела уклоняется от этого зрелища. Не глядеть правде в глаза? Ну и ну! Его охватила злость.

— Чем дальше, тем им становится хуже,— заметил он.

— Мы должны кого-нибудь позвать,— встревоженно сказала Марцела.

— Пожалуй, не стоит.

Но все же он вновь набросил на себя белый халат. Марцела, присев на корточки, зашивала в сумку пакеты с картофельными клубниками.

Он зашел в кабинет заведующего, где вместо второго рабочего стола в углу стоял потрепанный журнальный столик, а рядом — два темно-зеленых креслица. Здесь крысы за стеклом оживленно резвились — картина была совершенно другая! Ну почему именно у него случаются всякие неприятности?

Только потом он сообразил, что заведующий отделом Гонза Власак не один, в кабинете находился профессор Неврли и явно ожидал приветствия.

И Дан избрал покорный и вежливый вид, хотя профессор не был тем, кого ему теперь хотелось бы видеть.

— В чем дело? — рассеянно спросил Гонза, бросив мрачный взгляд на циферблат часов.

— Извините... — начал отступать Даниэль.

— Вы все так же работаете над глобином, доктор Благодя? Давненько я у вас не бывал. — Профессор так бодро поднялся с кресла, что оно затрещало. Или это затрещали суставы?

— Да, профессор, — сказал Даниэль и после этого обратился к Гонзе: — Сегодня мы ввели шести крыс... я хотел сказать, подопытным животным, новую культуру.

— Номер двенадцать? Ну и как?

— Ну и...

— С ними что-нибудь не то? — Гонза покраснел, как мальчик.

— Подопытные животные? — Профессор Неврли двинулся к двери. — А что с ними?

— Дыхательные... Дыхательные...

— Они живы? — спросил профессор.

— Конечно, — заявил Даниэль без тени сомнения.

Марцела находилась в нервном ожидании. Профессора Неврли она приветствовала с приткостью радиорепортера. Потом она, однако, перестала владеть собой и извергла поток возбужденных слов, на что никто не обратил внимания.

— Когда я уходил, они были живы, — защищался Даниэль под пронизательным, тяглым взглядом профессора.

— У вас дети есть? — повернулся Неврли к Марцеле, бросив взгляд на ее обручальное колечко.

— Петр, который младше, и Павел.

Даниэль усмехнулся про себя.

— Ну, так вы можете идти, — рассудительно изрек профессор. — Для страховки примите-ка эритромицин.

— Вы полагаете...

— В некоторых случаях человек не должен рисковать. Это относится и к вам, Гонза.

— Но я же ни при чем.

— А я вас ни в чем и не обвиняю. Я и коллега Благодя посмотрим на это дело поближе.

— Да, профессор.

Даниэль перестал сожалеть о потерянной второй половине пятницы. Остаться с Неврли — это можно было использовать. По крайней мере поднабраться ума-разума.

— Что предлагаете, коллега? — спросил профессор своим характерным, чуть ироничным тоном, когда они остались одни.

Даниэль ощущал себя неуютно, вроде как на экзамене.

— Я предлагаю тут же вскрыть одно из подопытных животных, затем провести бактериологическое исследование. Конечно, при соблюдении максимальных...

— Так, ну ладно. Но сначала включите электропечь и поставьте регулятор на семьсот градусов. Такой температуры ни один микроорганизм не выдержит. Даже этот самый ваш...

У них не было оснований чувствовать себя застигнутыми врасплох — оборудование учитывало и такой случай. Даниэль нажал большую черную кнопку и включил вытяжку. Вентиляторы погнали воздух, который считался зараженным, на биофильтры, надежно убивающие микроорганизмы.

Одиннадцать предшествующих аналогичных опытов завершилось совершенно безрезультатно. Животные не только пережили их в полном здравии, но не была достигнута главная цель — вызвать у них образование иммуноглобина. Год безрезультатной работы. Сегодня дело вдруг сдвинулось с мертвой точки. Но в каком направлении?

С помощью «механической руки», которой он научился владеть быстро и точно, Даниэль поднял ближайшее тельце и осторожно перенес его на подготовленную пластиковую пленку. Чуть-чуть скованными движениями свернул ее и заплывил над горелкой. Потом рукой в перчатке взял пакетик.

На втором этаже был секционный зал — облицованное кафелем помещение. Только на одном из трех секционных столов было защитное устройство, но зато более современное и совершенное, чем в лаборатории. В прозрачное пластмассовое покрытие входили четыре широких проема с черными защитными перчатками. Устройство было простое и надежное.

Когда подошел Неврли в белом халате, у Даниэля все уже было готово. Руки профессора по локти погрузились в рукавицы. Правая ухватила скальпель, острие которого одним разрезом проникло сквозь шерсть и подкожный слой. Белая, местами слегка пожелтевшая шерсть кое-где окрасилась кровью. Даниэль не отрывал глаз.

Лезвие отстригло грудную мускулатуру и обнажило легкие. Даниэль научился вскрывать лабораторных крыс чуть ли не вслепую, но сейчас чувствовал себя несколько растерянно, ибо ничего подобного не ожидал. Эти легкие оставались мягкими и упругими!

— Превосходно, — услышал Даниэль. — Возьмите образец для бактериологического исследования.

Первым чувством был страх.

В пищеварительном тракте никаких патологических изменений не нашли. Печень и почки казались незатронутыми.

Профессор вскрыл череп. Мозговая оболочка и мозг под ней явно были в порядке. Даниэль искусно отбирал образцы тканей для патологического и бактериологического исследования. Из легких с помощью специального устройства он вырезал тончайшую пластинку, произвел окраску зозином и вложил в приборные стекла.

— Послушайте-ка, доктор Благодя, в секционной вы парень что надо, — похвалил его Неврли. Он напряженно всматривался в окуляр микроскопа, регулируя винтом резкость.

— Да, так и есть, — сказал он с живостью через некоторое время. — Посмотрите-ка сами. Смотрите, смотрите, — вновь повторил он, видя, что Даниэль заколебался. Конечно же, он оказался прав. Вот они, старые знакомые, — палочки бактерии Эшерихии коли. Только что им делать тут, в ткани легких?

Оставалось единственное объяснение — то самое, чего все наверняка боялись. У них теперь была бактерия — вчера еще безвредная, она теперь внезапно начала убивать.

— Именно так, уважаемый коллега. Сего числа вы вошли в историю науки, но никто вам не позавидует.

— Я работал с доктором Тучековой по назначенной нам теме, и ничего более, — пожал плечами Даниэль. — Извините, но это несчастный случай, за который никто не несет ответственности. И менее всего я.

— Это как же? Вы не чувствуете ответственности за свою работу?
— Это дело тех, кто руководит. Вы взяли меня по конкурсу, сами знаете, что претендентов на это желанное место было человек двадцать. И каждый из них не сделал бы ничего иного, как, извините, выдти из всего этого диссертацию и все, что с ней связано.

— А я, напротив, чувствую свою ответственность.
Даниэль пожал широкими, спортивными плечами. Он стянул резиновые перчатки, которые вызвали у него неприязнь. Взгляд его больших коричнево-зеленых глаз скользнул по фигуре профессора. Больше чем достаточной шумом и разговорами. Сам он постарался бы прикрыть это дело как можно скорее.

— Вы знаете, решиться на подобные эксперименты было нелегко, хотя мне и были известны результаты работы моего друга, профессора Раббитца из лаборатории молекулярной биологии в Кембридже, а также еще трех групп в Европе и США. Никто другой этим путем не пошел...

— Не рискнешь — не выиграешь. И во времена Колумба было то же.
— Да, но сегодня мы должны быть умнее на полтысячелетия.
— Но ведь риск здесь оправдан. В случае успеха человек овладел бы самой сущностью творческой силы природы. В конце-то концов никакого несчастья не произошло да и произойти не может.

— Будем надеяться, — сказал профессор Неврли. — Будем надеяться, что этот микроорганизм действительно не может удрасть.

— Из этих-то совершенных устройств?
— Коллега, совершенно только летнее небо — на нем трудно что-либо улучшить.
— Но...

— Не новую жизнь мы создали, а новую болезнь, — с подчеркнутой иронией сказал профессор. — У человека теперь есть новый враг.

— Сначала болезнь имела характер воспаления легких, внезапной пневмонии, что кончилось, как показало вскрытие, отеками и легочной недостаточностью. Потрясающе.

— Теперь мы должны прикинуть, что здесь может сделать терапевт. Первоначальную культуру вы сохранили?

— Да. Но, профессор, не лучше ли размножить культуру прямо из легочной ткани?

— Конечно. Но для этого потребовалось бы минимум 24 часа. А ведь мы хотим знать сразу, является ли наша бактерия резистентной, скажем, к антибиотикам.

Возможно ли все это? Впрочем, почему бы и нет — ведь они создали что-то совершенно новое, неизвестную природой мутацию, которая будет размножаться с убийственной скоростью в соответствии с кодом, о котором известно слишком мало.

Через несколько минут Неврли засиял, его длинное, сухое лицо выразило явное удовольствие. «В таком превосходном расположении духа его наверняка не знает собственная жена», — подумал Даниэль.

Пенициллин эту бактериальную культуру глотал и убивал.

— Чудесно. Примем-ка теперь эритромицин, сразу же. Но все равно мы должны будем пойти на обследование.

— Скажите, профессор, ведь это оборудование сконструировано так, что заразиться практически нельзя? Иначе как бы вы решились начать такие опыты?

Профессор бросил на Даниэля сверлящий, презрительный взгляд, действие которого на институтских семинарах было убийственным.

— Я-то ведь, главное, о вас беспокоюсь, — сказал Даниэль.

У Неврли в глазах мелькнуло удивление. Даниэлю пришлось продолжить:

— Я в худшем случае возьмусь за другую тему диссертации, а вы...
Каждый научно-исследовательский институт живет своей тайной, и эта тайна всем хорошо известна. Неврли имел все предпосылки (и желание) стать одним из самых молодых академиков. Только подобных претендентов было по крайней мере десять.

— Что вы, собственно, под этим подразумеваете?
— Мне кажется, что у вас больше врагов, чем вам хотелось бы. Когда об этой неудаче узнают, на пользу это вам не пойдет.

— Формулировка довольно вульгарная.
— Не сердитесь, но разве я не прав?

Профессор вынул из кармана пиджака связку ключей и сказал:

— Лучше забегите-ка в аптеку за эритромицином.
По дороге Даниэль позвонил по телефону.

— Слушаю, — отозвался нежный и звучный голос.
— Елена...

— Это ты, Даниэль? Ведь ты же обещал не звонить. Или не умеешь держать слово?

Даниэль сохранил спокойствие и четко сказал:

— Я только хотел бы взять книги. Они мне срочно нужны.
— В понедельник я тебе их пришлю. А сюда не приходи.

— Но ведь они мне нужны теперь!
— Чуть. А тебе сюда просто нельзя показываться.

— Но почему же?
— Что тебе до этого? Мы ведь расстались...

Как все это просто — расстались, и все тут.
— Это мои вещи, и я хочу их получить!

Еще ему надо было бы позвонить домой и сказать, что придет поздно, но Неврли мог бы заподозрить его в том, что он роется у него в ящиках. Схватив картонные коробочки с лекарством, он взбежал наверх.

Профессор производил уборку. Все оставшееся после вскрытия он с помощью перчаток завернул в термопластичную фольгу, заплывил ее, после чего включил устройство, ополоснувшее все хлорамином. Пакетик с изрезанной крысой Даниэль бросил в печь. Затем он подтянул гамма-излучатель, который надежно уничтожил микробов.

То же произошло и в комнате Даниэля. Повсюду воняло хлорамином.

— Прекрасно, — сказал Неврли и испытующе рассмотрел комнату, как будто обладал способностью визуального обнаружения микробов.

Десятью минутами позже они спустились вниз.

Выйдя, профессор осматрелся: хотя еще не было шести, из парка, окружавшего институт, повеяло влажной полуденной тоской. Темноте сопротивлялся только несколько неоновых фонарей.

Через несколько минут Неврли изумленно остановился.

— Молодой человек! Если вы в двадцать пять лет уходите с работы, забыв пальто, что же будет с вами в пятьдесят? Или все это так сильно било вас с толку?

Даниэль нервно осматрел себя. Белое пятно халата резко отделяло его от мира.

— В субботу и воскресенье отдохните, а в понедельник мы все должны проанализировать. Такое не должно повториться.

Книги она сложила столбиком на резиновый коврик перед дверью. Если до этого Даниэль не знал, найдет ли он в себе смелость нажать кнопку звонка, то этот оскорбительный жест решил все.

Прежде чем она захлопнула дверь, он успел всунуть в щель одну из книг. Переплет скорчился, как от боли.

— Не сходи с ума, — сказала она.
— Здесь кое-чего не хватает, — ответил он.

— Так возьми и пощи, — оскорбительно произнесла она.
Бог знает почему, но он полагал, что за эти несколько дней она не может измениться. Что он найдет ее такой же, какой она была в их последнюю встречу: овальное, немного бледное лицо, нежное и тонкое, окаймленное темными короткими волосами, блестящие темные глаза. Округлые хрупкие плечи, округлая грудь, округлые длинные ноги.

Она была гораздо красивее, чем это запечатлелось в его памяти.

Сняв ботинки, он вошел в комнату. Здесь, к счастью, не изменилось ничего.

Мысли кружились и вынудили его остановиться на полпути. Ему казалось, что стены от него потихоньку отступают и он не будет достаточно стойким, чтобы довести дело до конца.

Он детальнейшим образом, до болезненного ощущения, знал все здешние вещи. Когда он пришел сюда впервые, на него глянули неухоженные, голые стены. Здесь было бы холодно, если бы в ладони он не чувствовал ее руку, гладкую и живую. Тогда им хватало трех матрасов, которые Елена бог знает где раздобыла и которые они соединили вместе. Она с потрясающим женским вкусом набросила на них пеструю декоративную ткань.

Росла их любовь, и наполнялись комнаты. Матрасы сменил диван, широкий, удобный. На стенах появились декоративные тарелки и репродукции, торжественно был водружен книжный шкаф.

Чужой предмет излучал острые проникающие флюиды. Даниэль наклонился за ним. На его ладони каталась мужская запонка, несомненно, золотая. В резком электрическом свете она сияла, напоминая Даниэлю выбитый золотой зуб.

— Ну, и как же его зовут?
— Дан, прошу тебя...

Он убедился, что Елена зачарованно глядит в его ладонь.

— Ах, это, наверное, кошка, — усмехнулся Даниэль и отдал запонку. Кошка вылезла сама, самовлюбленно потянулась и вполглаза подозрительно посмотрела на Даниэля.

— Говард — кот, а ты его разбудил.

Он высккивал взглядом две зеленые искры. Кот отвернулся, как бы уклоняясь от сильного света, и отполз. «Уж не боится ли он?» — подумал Даниэль, но неприятное чувство не исчезло. Взаимная антипатия с первого взгляда.

— Кот Говард — тебе это не режет ухо? Или он наименован по дарителю?
— Собственно, его зовут Говард Картер. — С зажженной сигаретой она села на самый край дивана, подобрав под себя ноги и выставив голые колени.

— Может быть, это Джимми Картер?
— Говард Картер. Археолог, который открыл гробницу Тутанхамона, единственную неразграбленную гробницу египетского фараона.

— Боже, ну и идеи у тебя! А откуда эти познания в египтологии?
Кот, вероятно, услышавший свое имя, появился тихо, как призрак, весь черный, только на лапках были белые пятна. Не будь их, Даниэль бы засомневался — животное перед ним или...

— А ты не читал об этих кладах? Картер нашел в гробнице такую кучу золота, что у всех аж дух захватило. Глазам было больно. Клад, который не имеет равного в свете.

— Да не сходи с ума. Все попало в какой-нибудь музей... Он, правда, стал знаменитым ученым, это верно...

Говард упруго, элегантно и величественно прыгнул на диван и улегся хозяйке на колени. Даниэль мог поклясться, что он приподнял голову и одарил его насмешливым взглядом, этакой каплей яда: мол, что позволено Юпитеру, то...

А Елена ничего не заметила, ничего не восприняла.

— Золото, чистое золото. Драгоценности, статуи, маски, золотой саркофаг весом в тонну!

— Слушай, Елена, — подыскивал он точные слова, — все это имело гораздо большую ценность, скажем, культурно-историческую. А не как золото. Ведь Картер был прежде всего ученым.

— А если бы ты был на его месте, ты ничего бы не взял?
Даниэль пожал плечами. Она загасила сигарету.

— Я не могла бы так жить, — прервала она молчание.
Даниэль залихорадило. Явно повысилась температура.

— Прикидывать так и сяк, куда потратить каждую десятку, утомленно залезать под перину с мыслью, что ночью меня вытянет из постели детский крик, лишь раз в три года попадать на море — нет, я родилась не для этого.

— А ты знаешь, зачем живешь на свете? — спросил Даниэль. Вдруг он почувствовал, что как бы отдалился куда-то, его охватило утомление. Лихорадка плыла как наводнение, подмывала берега, уносила его с собой.

— Совершенно точно. Именно это нас друг от друга и отдаляет. Но ты этого никогда не поймешь, да и не захочешь!

— Я тебя понимаю.
— Ты вообще ничего не понимаешь. Иначе ты не хотел бы иметь детей.

— Только от тебя, — сказал он, не думая, и погладил темные волосы, утонувшие в темноте.

— Вот видишь, именно поэтому мы и должны разойтись.
Даниэль молча, послушно притянул ее к себе. Он начал целовать ее в губы и плечи, желая, чтобы лихорадка сожгла его...

Следователь по своему внешнему виду ничем не отличался от множества людей, которых Даниэль долгие годы встречал на улицах, входил с ними в трамвай и обедал в столовой института. Возможно, это впечатление вызывалось ростом, таким средним ростом в метр семьдесят пять и обычным каштановым цветом волос.

Впечатление это, может быть, подкрепляли отнюдь уже не новый пиджак и помятые темно-серые брюки. Но Даниэль не поддавался впечатлению, он рассмотрел правильное тонкое лицо умного сорокалетнего мужчины и оценил его.

— Садитесь, пожалуйста, вот в это кресло, — пригласил он гостя. — Минутку подождите, я выйду и надену что-нибудь.

— Лежите, доктор, лежите. Вам еще нужно отдыхать.
— Да нет, я уже в полном порядке. Я, знаете, завтра уже выхожу на работу.
— Поздравляю вас! Вы выкарабкались прекрасно. У вас, должно быть, удивительно сильный организм. Я слышал от доктора Врбенского, что, когда вас привезли, вы бредили. У вас было сорок два градуса, и в клинике серьезно опасались за вашу жизнь.
Даниэль выглядел все еще бледным и худым, на лбу прорезалась морщина.
— А не говорил Врбенский, что я там молот?
— Я не мог из него ничего вытянуть,— улыбнулся следователь.— Считают, что составная часть врачебной тайны заключается в подробностях. Но у вас что-то было о любви и ничего такого, чего можно было бы стыдиться.
Даниэль все же поднялся с постели в мягкой полосатой пижаме, глянул на запястье— было девять. Извинившись, ушел переодеться.
Следователь достал из кармана пиджака начатую пачку сигарет. Он размышлял об однозначно симпатичном впечатлении, которое произвел на него этот молодой ученый с умным лбом и большими глазами. И поймал себя на мысли, что ему приятно, что тот спортивен, с широкими плечами, крепкий и явно сильный.
Когда Даниэль через пару минут вернулся одетым, старший лейтенант Гейский приветствовал его улыбкой.
— С нашей первой встречи, в больнице, я все же немножко продвинулся вперед, но многие детали отсутствуют, и я не могу представить себе ясную картину. Вы можете помочь мне заполнить пробелы?
— Рад буду. Знаете, все эти опыты казались мне весьма любопытными, но при этом и чуть-чуть подозрительными. Эта генная инженерия...
— Помните, что вы говорите не с профессионалом.
— В наших опытах нет ничего, чего бы вы не поняли. Я введу вас в ситуацию,— сказал Даниэль.— Сравнительно недавно несколько групп ученых за границей закончили эксперимент, при котором ген млекопитающего перенесли в хромосому бактерии. Как полагают, мировой приоритет принадлежит группе профессора Раббитца из лаборатории молекулярной биологии в Кембридже.
Даниэль помолчал и более медленно продолжил:
— Вот посмотрите. Материальную основу наследственности составляет клеточное ядро. Там натянуты тонюсенькие ниточки, именуемые хромосомами. Их число различно— человек имеет их, скажем, 46, а лягушка— на 20 меньше. Комплекс хромосом поэтому является носителем генов— непосредственных единиц наследственности. Я понятно объясняю?
— Да, конечно.
— Так вот, целью работ Раббитца было приготовить чистые гены в достаточном количестве, чтобы можно было основательно изучить их структуру и функции. Именно поэтому он и переносил изучаемый ген в хромосому бактерии. Бактерии страшно быстро размножаются, и точно так же быстро, конечно, размножается и гибридная хромосома.
— И это новое поколение бактерий имеет, наверное, уже совсем другие свойства? Не играем ли мы немножко с огнем?
— Конечно, существует определенный потенциальный риск, что клетка начнет продуцировать токсины или канцерогены или же изменит свои антигенные свойства

в направлении более высокой заболеваемости. Поэтому для экспериментов используется исключительно ген, в котором закодирован безвредный продукт, прежде всего глобин, белковый компонент молекулы гемоглобина.

— Над этим вы и работали?
— Вы каждого так перебиваете?... Так вот, чтобы вы могли иметь представление: в микропипетку диаметром несколько микрон вы набираете бактерии вида Эшерихия коли. Под микроскопом вы нарушаете ее кольцевую хромосому, вкладываете ген, а хромосому приводите в первоначальное состояние. Или же гены можно ввести в бактерию биохимическим путем. И в течение ночи ожидаете, когда бактериальные клетки начнут размножаться.
— Как долго вы занимались этими опытами?
— Меня приняли по конкурсу, когда все это уже было известно, и профессору Неврли, моему научному руководителю, пришла в голову блестящая идея. Ведь та же технология может быть применена в подготовке генов млекопитающих, где было бы закодировано образование иммуноглобина. Вы понимаете— частиц, которые несут иммунитет к разным болезням. Изящная мысль, а?
— И на эту тему вы готовили кандидатскую?
— Готовлю.
Даниэль задумался, рассматривая домашние туфли и свои голые пятки.
— Хотя, возможно, вы правы, после того, что случилось...
— А что, собственно, случилось?
— Почему вы не спросили об этом профессора, ведь он наверняка все знает.
— Он объяснял мне все так же, как и вы. Только более сложно. Тот ген, говорил он, который вы вкладываете в кольцевую хромосому, вы перед этим должны синтезировать.
— Превосходно, из вас получился бы способный генетик.
— Значит, и он ничего точно не знает?
— Когда вы заболели, его замучила совесть. Он приостановил эксперименты. Утверждает, что нетрудно вместе с безвредным геном перенести и вредоносный.
— Это возможно,— заметил Даниэль.
— А что, если эту опасную бактерию вы создали умышленно?
— Но вы же понимаете, что это чушь.
— Предположим. Но с помощью профессора Неврли мы теперь проверяем, куда могла сбежать ваша бактерия. Ведь меры изоляции безупречны?
— Я тоже так полагал.
— Несколько дней спустя очаг инфекции определить трудно... Так мне сказали ваши специалисты.
Даниэль согласно кивнул головой. Несмотря на бледность, придававшую ему вид мученика, он казался все же отдохнувшим, и на лице его время от времени появлялось выражение удовлетворенности.
— Опасные бактерии мы нашли прежде всего на вашем рабочем халате и в вашем шкафчике. Причем до сих пор неясно, где вы могли заразиться.
Даниэль недоуменно пожал плечами.
— И я этого не понимаю. Практически мы постоянно работали вместе с профессором.
— Один факт меня немножко удивил. В правом кармане вашего халата мы нашли

несколько странных шерстинок. Эксперты идентифицировали их совершенно безошибочно: они принадлежали шерсти крысы.

Даниэль чуть напрягся.
— Вы вот о чем! У нас находятся остроумцы, которым незаметно удается поддунуть подопытное животное кому-нибудь в карман. Конечно, главным образом девушкам-лаборанткам, потому что некоторые из них способны сдернуть с себя в мгновение ока халат и даже все прочее. Остроумцы дико радуются.

Он усмехнулся.
— Может быть, это такая же шутка? В конце концов шерстинки могут попасть как угодно — животных держат в руках, берут у них кровь на анализ, да мало ли еще что... То есть шерстинки вы можете найти почти всюду на нашей спецодежде. Кроме того, я бы почувствовал, что у меня крыса в кармане, не говоря уже о том, что не могу представить себе, кто хотел бы избавиться от меня таким утонченным способом.

— Кроме профессора Неврли, никто. Вряд ли кто другой мог приблизиться незамеченным к большим животным.

— Неужели вы в самом деле подозреваете профессора? Я говорю вам, что это несчастный случай.

— Возможно. Однако я должен довести следствие до конца. На суде не должно возникнуть и тени сомнения.

— Как?
— Но ведь один человек погиб, а вам едва удалось выкарабкаться, не говоря уже об эпидемии в больнице, которую сумел предотвратить доктор Врбенский. И то только потому, что признал в вас бывшего соученика и случайно знал, какие опыты вы производите. Таких людей должно бы быть больше на свете...

— Мы с ним говорили...
Гейский вытащил из верхнего кармана записную книжку, полистал ее и осторожно спросил:

— А девушку эту давно знали?
— Елену?
— Гелену Пехову, — подчеркнул следователь.
— Да, — грустно улыбнулся Даниэль. — С тех пор, как она стала петь, взяла себе артистический псевдоним Элен Вагнер.

— Двадцать четыре года, постоянное место жительства Прага-два, На Сметанце, двадцать, дипломированная продавщица. Совпадает?

— Да. Хотя, в общем, в торговле она почти не работала. Когда я познакомился с ней, она вообще ничего не делала. Знакомство началось с того, что я купил ей сосисок и пива. Она переменяла несколько профессий, а перед тем, как примкнуть к ансамблю, работала секретаршей в доме культуры. Место ей нашел, конечно, я.

— Нетрудно это было, а? Достаточно привезти ее и показать.
Даниэль улыбнулся далекому, полустертому воспоминанию.

— Ваша девушка была очень красива.
— Она была моей невестой.

В некоторой нерешительности Гейский задумался, а потом сказал:
— Знаете, я хотел бы представить себе полностью всю картину. Поэтому простите мне такой вопрос: ваша барышня встречалась с другими мужчинами?

Он был рад, что реакция Даниэля оказалась спокойной.
— Когда я кормил ее сосисками, она дружила с каким-то завскладом, пожилым женатым мужчиной. Я полагаю, что с этим типом она покончила тут же. А потом, насколько мне известно, ничего у нее не было.

— Она не вызывала вас на ссоры, не хотела разрыва?
— Было и так. Любая красивая девчонка убеждена в своей неотразимости и считает, что она может иметь самого лучшего. Елена иногда вела себя загадочно или скорее играла в загадочность. В действительности же она никогда не думала о том, чтобы оставить меня.

— А соседка Пеховой утверждала, что какой-то очень и очень обеспеченный человек собирался развестись из-за Гелены Пеховой и жениться на ней.

— Вокруг такой девушки всегда крутятся немало мужчин. Если откровенно, то Елена вообще не думала о замужестве. Создать семью она не стремилась, любила общество, восхищение окружающих. И жизнь.

Даниэль встал и подошел к окну. Гейский поднялся тоже. По тротуару, топя ножками и размахивая ручонками, шла группа детского сада. Дети шли как бы в облачке писка и щебета, поднимавшихся вверх, как горячий воздух. Они проникали и сюда. За закрытое окно.

Даниэль смотрел на них пустым и мертвым взглядом, и Гейский поспешил заговорить:

— Простите, что мне пришлось затронуть и такое... Я, пожалуй, пойду. Всего лишь.

Даниэль проводил его до двери.
— Извинения-то ни к чему. Ведь все равно ни вы, ни кто другой понять не можете...

— Поддаваться собственным несчастьям легче, чем чужим, — твердо сказал Гейский. — А ведь сколько еще в мире страданий!

Даниэль заметил:
— Почему же исключать тех, кто счастливо плывет по жизни? Вы знаете, я всегда говорил себе, что страдание — это наказание за что-то. В чем я виноват?

— Сейчас пока еще слишком рано делать подобные выводы. Мой совет — побудьте полчаса на воздухе.
Даниэль отрицательно pokrutil головой.

В институте были все очень милы, никто и словом не обмолвился о том, что произошло. Лишь профессор Неврли пригласил Даниэля, выразил свое соболезнование и поинтересовался результатом следствия.

— Насколько мне известно, — сказал он извиняющимся тоном, — следственная экспертиза не обнаружила места, где скрылись бактерии. Может быть, это секционный стол, может быть, ваш вытяжной шкаф.

Когда Даниэль в конце дня, наконец, вышел через проходную, в глаза ему бросилось знакомое лицо. Гейский.

Они медленно пошли по улице, и Даниэль с неожиданным интересом заметил, что осень уже успела обнажить все ветки. Охапки опавших листьев валялись на сыром газоне. Только в одном месте, у проходной, кто-то сгреб влажные листья в кучу.

Откуда-то появился большой кот, черный, с белыми пятнами на лапах.
— Тоже сотрудник института? — улыбнулся Гейский и поманил кота к себе. Кот остановился на расстоянии, которое посчитал безопасным.

— Вряд ли... Глупо было пускать его сюда.
— А не кот ли это Пеховой?
— А разве он не заразился?
— Конечно, нет. Видимо, сюда принесли его ваши сотрудники.
— Его следовало бы вышвырнуть отсюда. — В словах Даниэля прозвучала такая странная смесь печали и ненависти, что это заставило следователя задуматься.
«Кот напоминает ему ее», — подумал он, а вслух спросил:
— А как его зовут?
— Моурек. Наверное, из-за этих белых пятен¹.

Кот на это имя не реагировал. Он медленно отправился в путь по краю газона, двигаясь тихо, почти невесомо, как будто был призраком, а не живым существом с пульсирующей кровью.

Гейский и Даниэль непроизвольно прибавили шагу.
— Сказать по правде, — заметил следователь, — одно время я серьезно подозревал вас в невероятно утонченном убийстве. И в защиту этой теории у меня были чрезвычайно солидные аргументы.

В глазах Даниэля засветилось любопытство.
— Подозревали в убийстве? Seriously?

— Я исходил из того факта, что следствие до сих пор не обнаружило никакой биологической негерметичности. Следовательно, инфекцию вы должны были перенести на себя добровольно. Умышленно.

— Но как? Как вы себе это представляете — заразиться и при этом ничего не заразить вокруг себя!

— Об этом я не подумал. Но вы-то могли осуществить это довольно просто. При ликвидации погибших животных одно из них вы положили не в печку, а в карман рабочего халата. Даже следы остались.

— В карман?
— Да. Профессор практически не отступал от вас ни на шаг. Ни на что другое у вас не было времени. Затем у меня есть его показания, что институт вы покинули вместе. Сразу же перед воротами Неврли обратил ваше внимание на то, что вы не сняли халат. Вы вернулись. Вы не имели возможности избавиться от мертвой крысы, вот для чего и нужен был халат. Потом вы повесили халат в шкаф и спокойно ушли. Инфекцию вы уже несли в себе.

— Если я хорошо вас понимаю, вы утверждаете, что я заразился от погибшего подопытного животного с гарантией, что перенесу смертельную болезнь на Елену. Но за что? За то, что замуж за меня она идти не хотела? Подобная причина для убийства как-то не укладывается в голове...

Оба чуть-чуть посмеялись, но в смехе не было веселья.
— Кроме того, я обнаружил еще один момент. На полу квартиры нашли начатую пачку антибиотика, а всего два порошка могли спасти жизнь Пеховой.

— Вы правы. Это меня огорчает больше всего. Неврли велел взять эритромицин, и я взял. Вы наверняка это уже знаете. А то, что случилось тогда у Елены, я вам рассказывал. Оба мы спокойно заснули. Разбудила меня резкая боль в груди. Прыгнула температура. Я вообще не представлял, в котором это было часу.

— По книге приема больных в клинику вас привезли в два часа десять минут. Даниэль пожал плечами и продолжал:

— Постепенно я с ужасом осознал, что случилось. Я поднялся за лекарством, которое было в кармане пиджака. Наверное, по пути я несколько раз терял сознание. Елена так стонала, что я вызвал «Скорую» и сразу же бросился с лекарством к ней, помню, что споткнулся обо что-то и пачка с порошками вылетела из рук. Я ничего не видел и оцупью, ползая по полу, искал порошки... Воздух жег легкие, как будто я вдыхал кипящее масло. Я потерял ориентацию, мне казалось, что я плыву в замкнутом черном шаре, из которого уже не выбраться. Потом все исчезло.

Первым нарушил молчание Гейский.
— Это именно и есть та причина, которая отвела меня от подозрений. Все специалисты, врачи и микробиологи, с которыми я беседовал, утверждают, что заразить себя при подобных обстоятельствах означает невероятный риск. Человек, специалист, не пойдет на такое.

— Конечно. Только безумец... — сказал Даниэль и после краткого молчания добавил: — Ради чистого любопытства, ответьте — если бы все происходило так, как вы предполагали, все равно на суде у вас не было бы ни одного доказательства, а?

Последние слова показались Гейскому несколько самодовольными, и он медленно отвернулся от Даниэля. В нескольких шагах слева от него черный кот с белыми пятнами на лапах рылся в газоне.

Даниэль, проследивший за взглядом Гейского, вдруг вскрикнул. Но было поздно. На слежавшейся траве появился странный предмет, облепленный мелкими коричневыми комочками осенней глины.

Большая часть тканей истлела, а сохранившийся скелет был обтянут крысиной шкурой, облысевшей и сморщенной.

Даниэль бросился вперед так, что даже поскользнулся. Кот схватил в зубы мерзкие останки и побежал к ограде, она состояла из прутьев, вставленных в бетонное основание и соединенных сверху перекладиной. Ограда отделяла от города тихий мир научно-исследовательского института.

Даниэль продолжал преследование. Гейский на бегу свернул направо, к воротам, чтобы обогнать его. Он увидел, как кот уверенным и изящным движением проскокчил в промежуток между прутьями, а Даниэль так же легко вскопчил на перекладину. Одна брючина его зацепилась за острей, треснула, и в тот миг он полетел вниз, почти беззвучно ударившись о тротуарные плиты на той стороне, остался неподвижным. Кот остановился и с опаской положил свою ношу. Потом он вернулся и обнюхал неподвижное тело. В тот момент Гейскому показалось, что кот заурчал с тихим удовлетворением.

Следователь присел у тела на корточки и положил руку на пульс. Его ничуть не удивило, что эта дрожащая тоненькая ниточка жизни не прощупывалась.

У головы Даниэля по тротуару разлилась кровь. Гейский вынул пистолет и прицелился. Кот смотрел на него спокойно, чуть иронично, слегка отклонив голову...

— Что вам сделало это бедное животное, за что вы его убили? — набросилась на него старушка в застиранном платке, приковылявшая бог знает откуда. В ее глазах светилась нескрываемая злоба. — Такой красивый котик. Как бархатный...

— Не дотрагивайтесь до него! — крикнул Гейский. — Он заражен!

— Этим именем собственным могут назвать кошку или другое животное черного или темно-серого цвета с белыми пятнами. — Прим. перев.

Ф

ранцузы с любопытством наблюдали на своих домашних телеэкранах репортаж из Исуара об испытаниях «машины века».

На «наковальне» — столе прессы усилием 65 тысяч тонн... грецкий орех. Советский оператор нажал кнопку на пульте. Медленно качнулись вниз подвижные части прессы — траверсы. Микрофон передал характерный щелчок расколовшейся скорлупы. Траверсы отошли вверх, а цельное ядро ореха отделилось от оболочки.

— Вес одной только траверсы две с половиной тысячи тонн! — скороговоркой комментировал своеобразный технический аттракцион диктор. — А масса прессы вдвое больше Эйфелевой башни.

Гидравлический пресс по заказу французского акционерного общества «Интерфорж» был спроектирован и построен на Новокраматорском машиностроительном заводе в рекордно короткий срок — сорок три месяца. Многие конструкторские решения, использованные в этой машине, не имеют аналогов в мировом машиностроении.

Пресс-гигант с маркой «НКМЗ» исправно работает в Исуаре уже добрый десяток лет. За последние годы в Краматорске выпущены машины еще более уникальные. Но отчего-то именно пресс-гигант для Франции до сих пор у всех на устах. Когда на международных выставках краматорцы встречаются с представителями иностранных фирм — производителей оборудования для тяжелой промышленности, стоит им только напомнить об Исуаре, как других пояснений уже не требуется. «Так это вы поставили этот пресс!» Наслышаны, помнят и, что называется, снимают шляпы.

Марку «НКМЗ» знают во всем мире. В тридцати странах работает оборудование, выпускаемое новокраматорцами. Семьдесят процентов полезных ископаемых в стране добывается с помощью их машин. Исполинские экскаваторы черпают уголь на угольных разрезах Экибастуза. Детали для лимузинов «мерседес» выходят из-под прессов с маркой советского завода. На краматорском оборудовании прокатывают стальной лист в Бокаро. Изящное инженерное сооружение — Крымский мост в Москве — тоже детище краматорцев.

Словом, НКМЗ — фирма солидная. Начиная с тридцатых годов здешние конструкторы и инженеры идут вровень, а то и впереди передовой технической мысли развитого промышленного мира. Научно-техническая революция для многотысячного коллектива НКМЗ не отвлеченный лозунг, а если можно так сказать, среда существования.

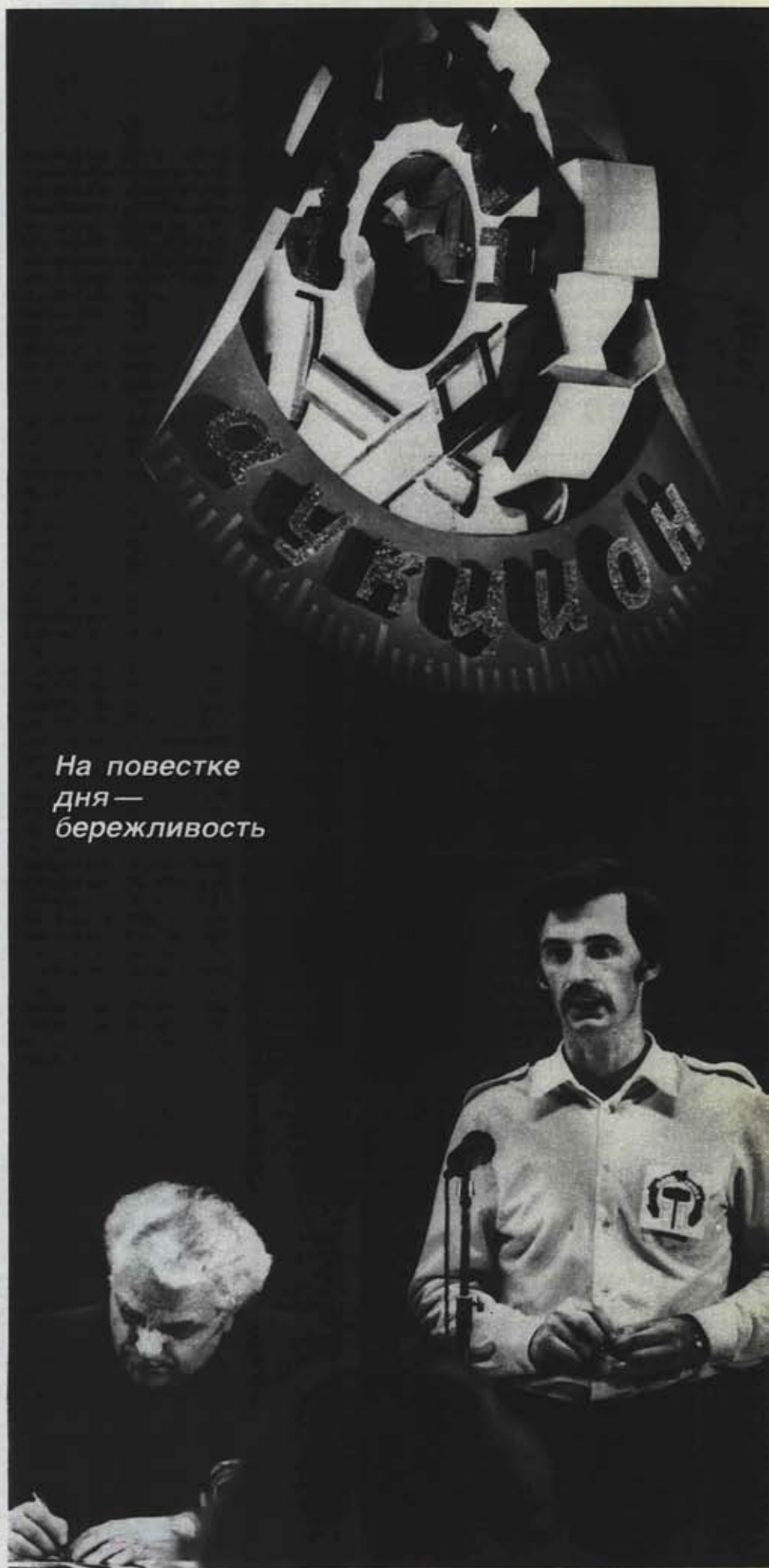
Чтобы быть конкурентоспособной на мировом рынке тяжелого машиностро-

ения, стальная Краматорка, «завод заводов», как называли НКМЗ еще в тридцатые годы, заходя, на годы вперед планирует выпуск техники нового поколения. Разработкой ее заняты специальные службы. В объединение «Новокраматорский машиностроительный завод» входит и крупный научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения. А всего на НКМЗ одних инженеров более пяти тысяч. Только вообразите себе эту армию в бесчисленных конструкторских и технологических отделах, лабораториях, вычислительных центрах... Их и за неделю не обойти. Разделение инженерного труда, какой-то даже артельный его характер плохо вяжутся с былым, изжившим себя представлением о конструкторах и изобретателях-одиночках, которые вынашивали в голове замысел своего детища. Человечу «со стороны» даже не по себе делается, когда он видит эти бесконечные ряды кульманов, бесшумный и сосредоточенный уклад дела. И вовсе голова идет кругом, когда вам скажут, сколько десятков тысяч чертежей необходимо для изготовления лишь одного прокатного стана.

А теперь представьте себе смятение юного выпускника Бауманского училища, впервые переступившего порог «завода заводов» с понятной честолюбивой надеждой стать если не выдающимся, то уж, во всяком случае, не средней руки конструктором. «Не затеряться!» — так определил свою сверхзадачу Владимир Голико. В отдел главного конструктора прокатного оборудования он пришел после МВТУ. В тот год вместе с ним влились в инженерную рать НКМЗ еще около ста молодых специалистов. Такие уж здесь масштабы, размах, оборот дел, что ты и до пенсии можешь проработать в безвестности в одном из бесчисленных КБ. И это никакой не казус. Но тебе не дадут, не позволят затеряться, если...

Если ты дерзнешь включиться в ритм, темп, норов жизни «завода заводов». Если, конечно, ты и в самом деле инженер милостью божьей. Но если ты просто смысленный и расторопный парень, не хватавший звезд с неба в студенческие годы, то на НКМЗ тебя научат многому, без чего невозможно прирваться к сложному заводскому ритму. Здесь нет потока, конвейера, раз и навсегда заданного и отлаженного ритма. Заказы большей частью — «штучные» и уникальные. Например, начато проектирование прокатного стана для Липецкой Магнитки, а это пятьдесят тысяч тонн нового оборудования. И, как всегда, сжатые сроки, жесткие технические условия. Не остается места для рутинности. И если ты молодой да зеленый, прежде всего тебя попытаются научить... изобретать.

«Да, у нас и в самом деле принято считать, что изобретать можно научить,

На повестке
дня —
бережливость

Валерий БАДОВ.
Фото Виктора САККА

**МЫ
ПРЕДЛАГАЕМ...**

как студента в вузе учат чертить, делать расчеты по сопромату и прочее», — говорит председатель заводского совета ВОИР Владимир Яковлевич Туликов.

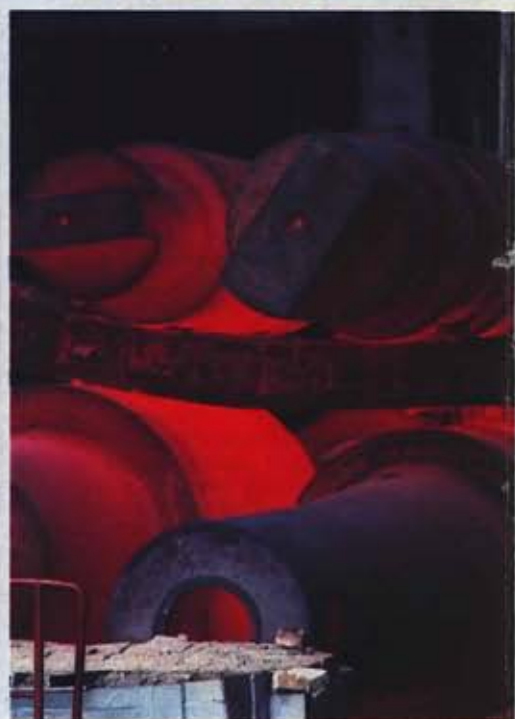
А вот что Владимир Голилко рассказывает о том, как его приохотили к изобретательству:

— Уже с год проработал в КБ, когда там начали проектирование прокатного стана для Польши. Вызвал меня мой руководитель Юрий Николаевич Белобров и говорит, что я буду отвечать за «перевалку», то есть конструирование устройства для смены валков прокатного стана. Я прямо-таки опешил. Такая ответственность! В КБ без году неделя, опыта мало... «А нам как раз и нужен человек со свежим взглядом, — подзадорил Белобров. — Ты какой факультет оканчивал? Автоматизации металлургического производства? Стало быть, чистый прокатчик. Тебе и карты в руки. Твори!» Вместе со мной работали над заданием еще десять человек. Конечно, переволновался я сильно. Но чем больше втягивался в работу над заданием, тем интересней становилось, некогда работать... Первый цех, где изготавливали нашу «перевалку», стал мне что дом родной. Многие подсажали цеховые инженеры, кадровые рабочие... Два месяца работы над заданием пролетели, как один день. В общем, механизм у нас получился хороший, а наши задумки выдержали проверку практикой.

За оригинальные конструкторские разработки Владимиру Голилко было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола в области науки и

**ЭЛЕКТРОМЕХАНИКИ
НАДЕЖДА
БЛОХИНА
И ВИКТОР
ЛЕВКОВИЧ —
АКТИВНЫЕ
УЧАСТНИКИ
КЛУБА
ТЕХНИЧЕСКОГО
ТВОРЧЕСТВА.**

**РОЖДАЕТСЯ
ПРОКАТНЫЙ
СТАН.**

**ДВЕСТИ ТОНН —
ВЕС КАЖДОГО
ИЗ ЭТИХ ВАЛКОВ.**

техники. Всего же в коллективе НКМЗ одиннадцать инженеров и рабочих удостоены этой награды. Среди лауреатов токарь Александр Романенко, конструктор Леонид Один, недавно назначенный начальником цеха Александр Колесников... А обладателей медалей ВДНХ и вовсе не счесть. Все здешние «левши» прошли через горнило состязания умов и смекалки на своеобразных «аукционах».

Первый раз деревянный молоток ведущего «аукциона» ударил по столу в 1975 году. Тогда «торги» проходили в полупустом зрительном зале Дворца культуры и техники объединения. С молотка не продавались, а, напротив, покупались смелые инженерные идеи.

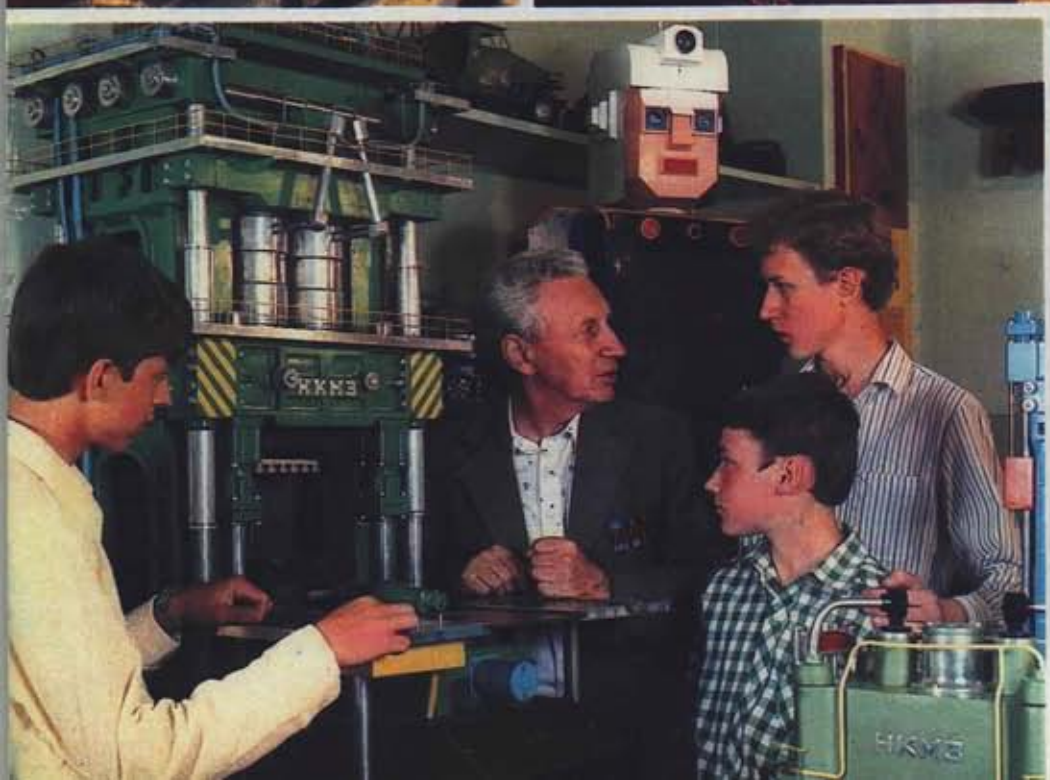
**НАЧАЛЬНИК ОДНОГО ИЗ КБ
В. В. ЗОНЕНКО —
ЧАСТЫЙ ГОСТЬ
У ЮНЫХ ТЕХНИКОВ.**

**ИДЕТ МОНТАЖ
ПОВОРОТНОГО КОЛЕСА
НОВОГО
ШАХТОПОДЪЕМНОГО
МЕХАНИЗМА.**

Поначалу ревнителей делового и серьезного стиля смущала эта придуманная в комитете комсомола НКМЗ форма вовлечения молодых в техническое творчество: какие уж тут игрища, когда речь идет о сложной, головоломной технологии! Пригоден ли для решения практических задач метод аттракциона, здакого инженерного театра? Время показало: пригоден.

«Аукцион» — это и впрямь спектакль, импровизация, в которой с увлечением участвуют все — «игроки» и болельщики.

Задолго до его начала в местной многотиражке печатается домашнее задание под названием «Из темника узких мест производства». В. Я. Тупиков, неизменный член жюри, говорит: «Острота, задор, состязательность — вот качества, присущие нашим «аукционам». Решается на них два типа задач. Первые — из темника узких мест. Они касаются вопросов повышения производительности труда, экономии, замены ручных операций машинными, всякого рода загвоздок, возникающих в цехах. Например, на одном из «аукционов» был предложен оригинальный способ замера крупных поковок при высокой температуре. Есть и второй тип заданий. Они тоже касаются узких мест производства, но оглашаются непосредственно в день «аукциона». Расчет на то, что

экспромтом попытаются найти решение не только грамотные, искусственные специалисты, но и «дилетанты», обладающие сметливым умом, быстрой реакцией, смелым воображением. И нередко оригинальные, неожиданные решения возникают как бы вдруг, у публики на глазах».

Александр Брус, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ объединения, председатель секции НТО по работе с молодежью, рассказывает:

— Иной раз на «аукционе» методом «мозговой атаки» отыскивается решение проблемы, над которой месяцами ломают головы конструкторы и технологи. К примеру, в старой литейке возник вопрос с кранами: в целях безопасности пришлось ограничить их предельную нагрузку на тридцать процентов. А ведь чтобы поднять тяжелую отливку, надо ее высвободить из формовочной «земли» рынком, возникает запредельная нагрузка на кран. Казалось, никак не подступиться к этой головоломке. А на «аукционе» с ходу было предложено несколько вариантов решения. Кто-то посоветовал даже небольшой динамитный заряд под форму подкладывать. Но успех имело иное, простое и оригинальное решение, предусматривавшее использование траверсы с гидродомкратами, которые выталкивали бы отливку из формовочной «земли». Его применили в цехе, и проблема была снята.

«Выход годного» — есть такое понятие у изобретателей и патентоведов. Имеется в виду, какой процент из числа рассмотренных Государственным комитетом СССР по делам изобретений и открытий заявок признается изобретениями. У новокраматорцев «выход годного» уже многие годы удерживается на уровне не ниже 75 процентов. Показатель высокий. Он говорит и о культуре изобретательского дела на заводе, и о квалифицированной работе патентной службы. Здесь стало правилом — созданию технических новинок предшествуют патентные исследования. Поступающие предложения «просеивают», сверяя с патентами, выданными в ведущих промышленных странах мира.

Известно, что оригинальные конструкторские решения, новые технологии не по мановению волшебной палочки рождаются, большого труда требуют. Защищать их — тоже дело нелегкое, если учесть, что требования к новинкам ужесточились. На заводе заведено: велосипедов не изобретать, но и не мешкать с отстаиванием приоритета на изобретение. Ведь тут уже людьми руководит не местный интерес, а государственный.

Есть на НКМЗ конструкторы, внесшие в копилку пятилетки миллионы рублей. К примеру, внедрение изобретений ведущего сектора электропривода и автоматики П. С. Гринчука сэкономило предприятию 1,9 миллиона рублей. А только одно изменение конструкции роторного экскаватора ЭРШ-РД, предложенное изобретателем Владимиром Кихтенко, принесло заводу 1688 тысяч рублей экономии. К слову сказать, у изобретателя нашелся и сообразительный «соперник» — юный Костя Егошин, сын инженера отдела горнорудного оборудования. От отца Костя узнал, что экскаватор ЭШ-10/70А горняки хвалят, вот только конструкция его поворотной части, считают, малость недоработана... Как раз в это время Костя Егошин с ребятами из клуба юных техников колдовали над действующей моделью экскаватора. Вскоре сын огорошил родителей, заявив, что в кружке придумали, как улучшить конструкцию поворотного устройства. На полном серьезе. И действительно, Костя Егошин, его смекалистые друзья вместе с руководителем кружка В. П. Мартышовым и инженером В. И. Скубаевым создали модель усовершенствованного механизма поворота. Главным конструктор горнорудного оборудования похвалил кружковцев за их идею. Вскоре была подана заявка на это изобретение, а модель демонстрировалась на ВДНХ СССР.

Примечательно, что в кружках клуба

юных техников ребята по настоящим производственным чертежам самостоятельно разрабатывают свои модели. Когда конструкторы НКМЗ создавали новый проект рудоразмольной мельницы, им потребовалась опытная модель. Проектировщики обратились к юным умельцам из КЮТа. Под началом инженера Г. Т. Нечепуренко ребята увлеченно взялись за дело. На действующей модели заводские инженеры проверили свои идеи, выявили слабые места конструкции, внесли поправки в проект. На НКМЗ немало инженерных династий, где подрастает уже третье поколение конструкторов. Им создавать технику 2000 года!

Сколько на НКМЗ молодых рационализаторов? На этот вопрос точного ответа не даст никто. Известно только, что за последние годы число комплексных творческих молодежных коллективов возросло в четыре раза. Разработок их не раз выходило победителями республиканских, всесоюзных конкурсов и выставок. Среди рационализаторов есть и свои чемпионы. К примеру, Сергей Амалицкий — конструктор отдела главного механика НКМЗ. На заводе он человек, можно сказать, новый, а успел многое. Четыре авторских свидетельства, 40 рацпредложений, 200 тысяч рублей экономии дало внедрение его идей.

Вот у кого воистину натура инженера! А стезя деятельности у Амалицкого не сказать чтобы выигрышная: механизация ремонтных работ. Новое изобретать куда увлекательней. А тут попробуй-ка затей ремонт машины-пресса, что в цехах стоит впритык с другими механизмами. Каждый лишний день ремонта для завода — убыток, и еще какой! Здесь только смекалка и выручает. Амалицкий, к примеру, однажды обратил внимание, как наращивают в мартене электроды с помощью кранов верхнего яруса. Печи стоят на стыке пролетов. Это создает большие неудобства, теряется время. Весь цех с ритма сбивается, когда идет эта возня с электродами. Но так повелось давно, и с этим мирились. Но Сергей — человек новый, его задело за живое. Он с товарищами и сконструировал кран с изменяющейся высотой подъема. Компактный, раздвижной, на телескопическом принципе. Новинка мартеновцам понравилась, прижились... А авторы рацпредложения, само собой, получили причитающееся им денежное вознаграждение.

К слову, авторам изобретений и рацпредложений на НКМЗ выплачивается в год около 300 тысяч рублей. Цифра вроде внушительная. А если поделить ее на тысячу активистов ВОИР? Не густо... Собеседники мои на НКМЗ неспроста обращали внимание на эту, денежную, сторону дела. Достаточно ли мы стимулируем материально мысль инженера, конструктора? Едва ли много найдется положительно отвечающих на этот вопрос. К примеру, стропальщик средней руки на НКМЗ зарабатывает больше среднего инженера. Поэтому для молодого специалиста со скромным его окладом участие в изобретательстве еще и единственный доступный приработок.

Между тем в последние годы наметилась тревожная тенденция: престиж профессии конструктора падает, в том числе и в Краматорске, где со времен первых пятилеток профессия создателя машин окружена ореолом.

Разработанные партией и правительством меры по ускорению научно-технического прогресса вселяют надежду, что уже в ближайшие годы произойдут сдвиги в общественной психологии и утраченный было престиж инженерного труда вновь заметно возрастет. На Новокраматорском машиностроительном стараются поддерживать гордость инженеров делом рук своих. Здесь стремятся разжечь огонек творчества в каждом, потому так возвышают в общественном мнении достижения молодых изобретателей и рабочих-рационализаторов, потому яблоку негде упасть в зале во время «аукциона»...

С КЕМ НЕ БЫВАЕТ?

Этика поведения
Беата БУШЕЛЕВА,
кандидат педагогических наук

Как-то довелось наблюдать за группой малышей в школьной столовой. Часть ребят мужественно сражалась с сосисками. Сваренные в целлофане, те ни за что не хотели покидать свое убежище. Их выдавливали, выжимали, выкусывали, ими выстреливали, как пастой из тубика. Один мальчик увлеченно ел кашу. Он широко открывал рот, осторожно и прицельно вводил туда ложку, переворачивал ее внутри, освобождая от содержимого, тщательно облизывал и извлекал наружу. Девочка, видимо, играющая в курочку, часто и дробно стучала вилкой по тарелке, накалывая по одной зеленые горошинки. А другая вдохновенно превращала кисельную лужицу на пластике стола в пунцовую розу, время от времени облизывая инструмент творчества — собственный палец.

Зрелище это было смешное и даже умильное. Дети ведь... Но пройдут годы, и если никто не позаботится научить малышек застольную этикету, то вырастет из них тот тип людей, о которых еще в XV веке поэт сказал: «Невеж застольных много есть. Избавь нас, боже, рядом сесть».

Незнание правил поведения за столом, пренебрежение ими или неумение их выполнять могут стать причиной многих огорчений.

Читательница из Тбилиси О. Ф. Грицак рассказывает в своем письме: «Однажды за границей нас, группу туристов, пригласили на банкет в ресторан. На столах было много всякой всячины, поражало обилие ножей и вилок. К нашему стыду, мы не знали, в каком порядке пользоваться всеми этими приборами, и стали есть как кому вздумается. Очень неприятно было видеть на лицах кельнеров иронические гримасы».

Я искренне сочувствую автору письма. Незнание норм застольного этикета и в обычных-то условиях способно привести человека к сильнейшему смущению. А тут за граница... Однако в любых случаях надо сохранять чувство собственного достоинства и не теряться. Тогда на помощь приходит тот самый здравый смысл, о котором мы уже писали. Ведь нетрудно догадаться, что приборы, расположенные справа и слева от тарелки, составляют пары. Те, которые находятся перед тарелкой, ближе к центру стола, предназначены для десерта, поэтому они и лежат подальше. Остается решить, с каких же пар надо начинать. И снова интуиция подсказывает: с тех, что расположены на дальнем краю. Так удобнее. К последнему блюду понадобятся нож и вилка, лежащие у самой тарелки.

Надежнее, конечно, если мы не изобретаем этих правил, а просто знаем их. Но, как бы тщательно ни были изучены предписания столового церемониала, неожиданности и затруднения все равно могут возникнуть. Бывает, что в тупик поставит нас задача: есть ли жаркое и салат из двух тарелок одновременно, как подал официант, или воссоединить их на общей посуде? И что делать с аппетитно запеченным тестом, заменяющим крышку на горшочке с пельменями: то ли съесть, то ли отложить в сторону? Л. Котова из города Кашина задает в письме совсем неожиданный вопрос: «Как мне быть? Дело в том, что я левша. По правилам положено вилку держать в левой руке, нож в правой. Но что же делать, если я не умею резать правой, а только левой? И ведь левшей у нас немало». Или вот: подали бульон, а в нем кусок курицы, который в один прием не съешь, ложкой на более мелкие части не разделить, а вилкой и ножом орудовать в бульоне как-то не совсем привычно. Как же быть?

Во всех этих случаях будем поступать так, чтобы действия наши не вызвали неприятного чувства у окружающих, не противоречили представлениям о гигиене, разумности, эстетике. Два разных блюда лучше есть с той посуды, на которой они поданы, но если очень неудобно, можно дополнительное (салат) понемногу перекладывать к основному. Вполне допустимо съесть запеченное тесто: трудно предположить, что доброкачественный и вкусный продукт предназначался только для технической цели — прикрыть посуду. Левшам лучше придерживать общепринятых правил использования столовых приборов; правую руку можно потренировать для достижения необходимой ловкости, как мы, правши, тренируем левую для работы вилкой. И курица в бульоне тоже не такая уж сложная проблема: съедем жидкое, а потом пустим в ход нож и вилку (лучше, конечно, если повар или хозяйка разделяют эти продукты так, чтобы не возникало подобных затруднений).

Но даже тот, кто постиг все премудрости хорошего тона, не гарантирован от мелких неприятностей. Случается, что поперхнется человек или неосторожным движением разобьет посуду, опрокинет бокал с напитком или выронит кусочек еды на скатерть и так далее. Как говорится, с кем не бывает. Во всех этих случаях допустивший оплошность не должен слишком уж казнить себя, публично бичевать себя и суетиться: прилаживать осколки разбитого блюда, ползая

Продолжение. Начало в №№ 2, 3, 4, 7, 12.

по полу в поисках оброненного ножа, обещать, что завтра же купит такой же бокал, предлагать денежное возмещение ущерба, посыпать солью пятна на скатерти или пытаться смыть их потоками извинений.

В книге «Страницы моей жизни» Ф. И. Шалапин рассказывает о годах своей юности: «Усатов (профессор пения из Тифлиса. — Б. Б.) снова обратился ко мне с предложением — обедать у него. Я поблагодарил, но обедать не пошел, это уж было совсем не по силам для меня! Видел я, как они обедают! За столом прислуживает девушка, подставляя разные тарелки; на столе лежат салфетки, масса ножей, вилок, ложек. А кто знает, какая ложка для чего и что каким ножом нужно резать?»

Но все-таки Усатовы заставили меня обедать у них, и я претерпел немалые мучения при этом. Подавались кушанья, но выданные мною. Я не знал, как надо есть их. В тарелке с зеленой жидкостью плавало яйцо, сваренное вкрутую. Я стал давить его ложкой, оно, разумеется, выскочило из тарелки на скатерть, откуда я снова отправил его в тарелку, поймав пальцами».

Эти украшенные юмором строки приводят к мысли, что не так и много требуется человеку усилий, чтобы чувствовать себя за столом уютно, уверенно. Прежде всего надо овладеть, выражаясь языком производственников, «материальной частью» и «технологией».

Тут все важно: как человек подходит к столу, как отодвигает стул, как сидит. Рекомендуется держаться за столом прямо, но не напряженно. Особого внимания едок требуют их собственные локти. Дело в том, что жизненное пространство одного человека за праздничным столом не так уже велико: приборы ставятся на расстоянии 60 сантиметров друг от друга. Видимо, поэтому рекомендуется держать локти так, словно они приклеены к туловищу. Кое-кто советует для достижения навыка в этом деле несколько раз пообедать дома, удерживая под мышками небольшие книги. Укрошенные таким способом локти перестанут рваться на стол и взлетать над ним, угрожая соседям.

Немало забот могут доставить человеку столовый инвентарий, посуда и другие предметы. Белоснежный конус накрахмаленной салфетки — это лишь видимая часть айсберга, тающего опасностью для неискушенного в застольном этикете человека. Ведь сколько полезного могла бы сделать эта салфетка: протереть показавшуюся подозрительной ложку, обезопасить от пятен нарядное платье, осушить вспотевший лоб и привести в порядок залоснившееся лицо. Увы, ни то, ни другое, ни третье делать нельзя! И остается ей только лишь изредка коснуться губ. Естественно, что после такой малой работы ее не станут свертывать и укладывать в прежнее положение, а небрежно оставят возле тарелки.

И в обращении с ножом, вилкой, ложкой, оказывается, не обойтись без элементарных познаний в геометрии. Ложка с супом, например, должна двигаться ко рту параллельно краю стола, а вовсе не перпендикулярно к нему. Ножу и вилке при работе следует избегать прямого угла, иначе разрезаемое кушанье вполне может оказаться не в своей тарелке. Даже чайная ложка должна вести себя степенно, потому что издаваемый ею «вечерний звон» наводит много дум о воспитанности ее хозяйки.

«Правила движения» за столом не менее строги, чем правила уличного движения. Салаты, пирожки, фрукты, уложенные в общие блюда, путешествуют по всей территории стола, передаваемые из рук в руки. Что же касается персональных тарелок и приборов, то они не позволяют чужим рукам прикасаться к себе и всегда остаются на своем месте.

Шлифовщица В. А. Белановская из Харькова спрашивает: «Кто из супругов или молодых людей должен ухаживать в гостях за столом?» Жестко эти правила нигде не оговорены. Супругов, например, вообще не рекомендуется в гостях сажать рядом. Но традиционно считается, что на мужчину возлагается ответственность за соседку справа. Однако, если он будет внимателен и к другим близлежащим дамам, я полагаю, на него не обидятся.

Поговорка «когда я ем, я глух и нем» сохраняет свою актуальность разве что на уровне воспитанников младшей и средней групп детского сада. У взрослых же людей именно общение и беседа нередко составляют истинную цель совместной трапезы. Трудно даже приблизительно перечислить темы непринужденного разговора за столом. Зато достаточно определенно можно выделить такие, которые легко объединяются общим названием «не к столу будь сказано». Мне, например, пришлось видеть, как осталось нетронутым блюдо прекрасно приготовленной рыбы только потому, что один из гостей пустился в подробное изложение научной статьи об организмах, паразитирующих в теле морских рыб. Не способствует аппетиту и захватывающая история о том, как некто отравился «вот точно такими же грибами», рассказы о болезнях или о возможных физиологических последствиях приема той или иной пищи («Я от этой сельди обобьюсь потом»).

Есть притча о мичмане с потерпевшего крушение корвета. Оказавшись в воде, человек увидел прибли-

жающуюся к нему акулу и выхватил из ножен кортик. Акула посмотрела на него с безразличностью и сказала: «На рыбу... с ножом? Ну и манеры!» Эту историю мне рассказали в детстве, желая внушить мысль о незыблемости правил застольного этикета, которые регламентируют, как есть то или иное блюдо.

Не будем вдаваться в тонкости и оставим в покое омаров, устриц, лангустов, артишоки и спагетти. Но привычные, повседневные кушанья тоже требуют определенных знаний и навыков. Вот человек делает себе бутерброд: потянулся вилкой к хлебнице, достал ломтик; ножом взял немного масла из масленки, намазал на хлеб; захватил из глиняного горшочка паштет и покрыл бутерброд сверху; затем осмотрел с удовлетворением, взял в руку и с аппетитом откусил, совершив при этом бесчисленное количество ошибок. Хлеб берут только рукой; масло и паштет общим прибором (ножом, ложкой) сначала кладут на свою тарелку; от ломтя хлеба над своей тарелкой отламываются небольшие кусочки, каждый из которых поочередно намазывается и съедается.

А сколько проблем возникает вокруг небольшой косточки, которая присутствует в мясе, в рыбе, в птице, в маслине, во фруктах! Чтобы справиться с этим крохотным деспотом, нужно кое-что запомнить.

В мясном блюде косточка отделяется с помощью ножа и вилки и сдвигается так, чтобы не мешала есть. Нож применяют и для отделения рыбных косточек. Взгляды почтенной акулы явно устарели. Современный этикет не только допускает, но и рекомендует использование ножа для рыбы холодного копчения, специального ножа-лопаточки для отварной и жареной рыбы, особенно если она подается в целом виде.

Когда речь заходит о косточках из птицы, то мы сталкиваемся с распространенным убеждением, что птицу и дичь едят руками. Действительно, с невесомого перепелиного крылышка мы ничего не съедим иначе, как держа его за тонкую косточку рукой. Но с увесистой ножкой цыпленка вполне можно управиться при помощи ножа и вилки, если, конечно, мы не ставим своей задачей отполировать кости до блеска. Правда, этикет идет нам на уступки и разрешает в домашних условиях взять куриную или гусиную косточку в руки, лучше с помощью бумажной салфетки.

С косточками от фруктов сложнее. Из персика, абрикосов, сливы косточку, разломив или разрезав плод, удаляют руками; из арбуза — только ножом на тарелке; из груши и яблока сердцевину с косточками вырезают, держа четвертинки этих фруктов в руках; вишни, черешни, виноград, мелкие фрукты из компота отправляют в рот вместе с косточками. А потом? Потом они выталкиваются языком на ложку с тем, чтобы попали на край посуды, из которой мы ели, или на специальную приставку к тарелке. Но никогда — на стол, в пепельницу, в чужую использованную тарелку.

Целесообразность этих правил абсолютно очевидна, как, впрочем, и многих других. Котлету, омлет, вареный картофель и подобные им мягкие кушанья едим вилкой. Нож не рекомендуется просто потому, что он не нужен. В крайнем случае им можно подправить то, что кладется на вилку, но ничего не резать. От мяса, вареного или жареного, отрезаются небольшие кусочки. «Где быть ножу?» — спрашивает читательница. — До или после вилки? — «До» — не получится, придется резать под вилкой, которая наклонена к тарелке, это неудобно. Значит, после, или, точнее, за вилкой, если ориентироваться от себя. Нарезать всю порцию сразу нельзя: раскромсанная отбивная выглядит неаппетитно и быстро остывает. Не стоит накладывать на тарелку несколько закусок одновременно: близкое соседство с селедкой не улучшает вкус холодца. Совершенно недопустимо подозрительно обнюхивать кушанье, а тем более после этого ставить его обратно, как иногда бывает в столовых самообслуживания. — трудно надеяться, что подобные действия усиливают аппетит окружающих.

Некоторые запреты и рекомендации этикета менее понятны. Например, бульон, поданный в чашке с одной ручкой, прямо из нее и можно пить. А если у чашки две ручки, то бульон едят ложкой. Кружочек лимона, который вы обнаружили в тарелке с рыбой или шпротами, можно выжать с помощью пальцев. А над стаканом с чаем эту процедуру ни в коем случае производить не следует. Почему? Видимо, есть объяснения. Но так ли уж они необходимы? Постараемся это просто запомнить.

В заключение остается выполнить пожелание Т. А. Котельниковой из Москвы. Она просит прокомментировать спор двух пожилых людей. Один из них утверждает, что в гостях надо оставлять в тарелке хоть маленький кусочек угощения, чтобы хозяева знали, что гость сыт. А другой говорит, что надо брать столько, сколько требуется по аппетиту, и обязательно все доедать, пусть хозяева знают, что угощение пришлось по вкусу. Истина на стороне второго. Во-первых, как утверждает пословица, «одобрение в тарелке», а во-вторых, пренебрежение к продуктам и вложенному в них труду никак не вписывается в современные понятия о хорошем тоне.

Из-за волокиты работников отдела кадров предприятия, где мне не отдавали трудовую книжку, я две недели не мог начать работать на новом месте. Должен ли кто-то отвечать за то, что я не получал зарплату полмесяца?

**Р. Вахрушев,
Симферополь**

Конечно, должен. Прежде всего вам оплатят время вынужденного прогула, а именно так законодательство расценивает задержку выдачи трудовой книжки работнику после истечения срока предупреждения об увольнении (ст. 99 КЗоТ РСФСР). Виновные в волоките должностные лица должны быть привлечены к дисциплинарной, а в отдельных случаях и к материальной ответственности. Если же уволившись, не получив трудовой книжки, приступил к работе на новом месте, то вынужденный прогул будет считаться до первого дня работы, поэтому в трудовой книжке запись о дате увольнения должна быть помечена последним днем перед началом новой работы, а дата приема — первым днем работы.

Заключив трудовой договор, я приехал на одну из строек Сибири. Через год понял, что это не мое дело, хотел уволиться, но администрация требует, чтобы я доработал оговоренный срок. Как мне поступить?

**Л. Гавриков,
Тында**

По общему правилу в таких случаях следует отработать тот срок, на который с вами, тов. Гавриков, был заключен договор. Ведь стройка или предприятие нуждались в кадрах, и потому с вами заключался срочный трудовой договор. Кроме того, приехавшие по такому договору на работу, как правило, уже воспользовались целым рядом льгот. Прежде всего получили так называемые «подъемные» — единовременное безвозвратное денежное пособие, им оплатили проезд и провоз багажа, выдали за время пути суточные, предоставили жилье. Таким образом, преждевременный отъезд не только неблагоприятно скажется на производственной деятельности стройки или предприятия, но и нанесет определенный материальный ущерб. Поэтому законодательство не допускает возможности расторжения срочных трудовых договоров без уважительных причин. Какие же причины считаются уважительными? Это болезнь или инвалидность, препятствующие выполнению работы по договору, нарушение администрацией законодательства о труде, коллективного или трудового договора и т. п. Если же работник самостоятельно оставит работу, то будет уволен за прогул, причем в установленном порядке с него будет взыскан причиненный ущерб.

ПОД ВЕШНИМИ ЗОРЯМИ

Сергей КОШЕЧКИН.
Фото Сергея ВЕТРОВА

В рязанское село Константиново можно проехать разными путями. Любители водных путешествий предпочитают плыть теплоходом. От Южного речного вокзала столицы по Москве-реке, потом — встреча с Окой. Из Рязани еще ближе — чуть больше шестидесяти километров... Немало и таких, кто садится в Москве на поезд и едет до станции Дивово — отсюда до Константинова, как определял

сам Есенин, и «сапоги запылиться не успеют».

Для автомобилистов — Московско-Рязанское шоссе. Поворот напротив районного центра Рыбное. Дальше — пойма реки Вожи, поля, березовые перелески...

Но, думается, для постижения глубинной сути понятия «родина Есенина» надо знать еще одну дорогу — главную. Эта дорога — есенинская поэзия.

Только на этой дороге откроется нам истинное значение для художника его малой родины.

Только на этой дороге мы увидим, как безоглядная «любовь к родному краю» вылилась в искреннее стремление «быть певцом и гражданином... в великих штатах СССР».

И начало дороги здесь, на берегу Оки,

где само собой приходит на память одно из красных чисел в календаре советской и мировой поэзии — 3 октября 1895 года. День рождения Сергея Александровича Есенина.

Слово «Константиново» не встречается ни в стихотворениях, ни в поэмах Есенина. Но, когда, например, читаешь: «Вспомнил я деревенское детство, вспомнил я деревенскую синь» или «Я посетил родимые места, ту сельщину, где жил мальчишкой», — сразу же мысленно переносишься в Константиново. Там поэт не только родился — там прошли его детство и отрочество, туда не раз приезжал он и в зрелые годы.

— Было у нашего отца любимое при словье, — рассказывала мне младшая сестра Есенина Александра Александровна. — Он так говаривал: «Все земли

хороши, но нет милее той, где твой пупок резан. И куда бы ты ни уезжал, никуда от нее не уедешь. Одно слово — родина».

Сергей Есенин испытал это на себе. В какие бы края ни забрасывала поэта судьба, сердцем он не расставался с отчим кровом.

1923 год. Америка. В напряженном, трагическом разговоре с Черным человеком пробило, как светлый лучик, из прошлого:

*Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...*

...Франция. Написано всего одно стихотворение. Не с парижскими или мар-

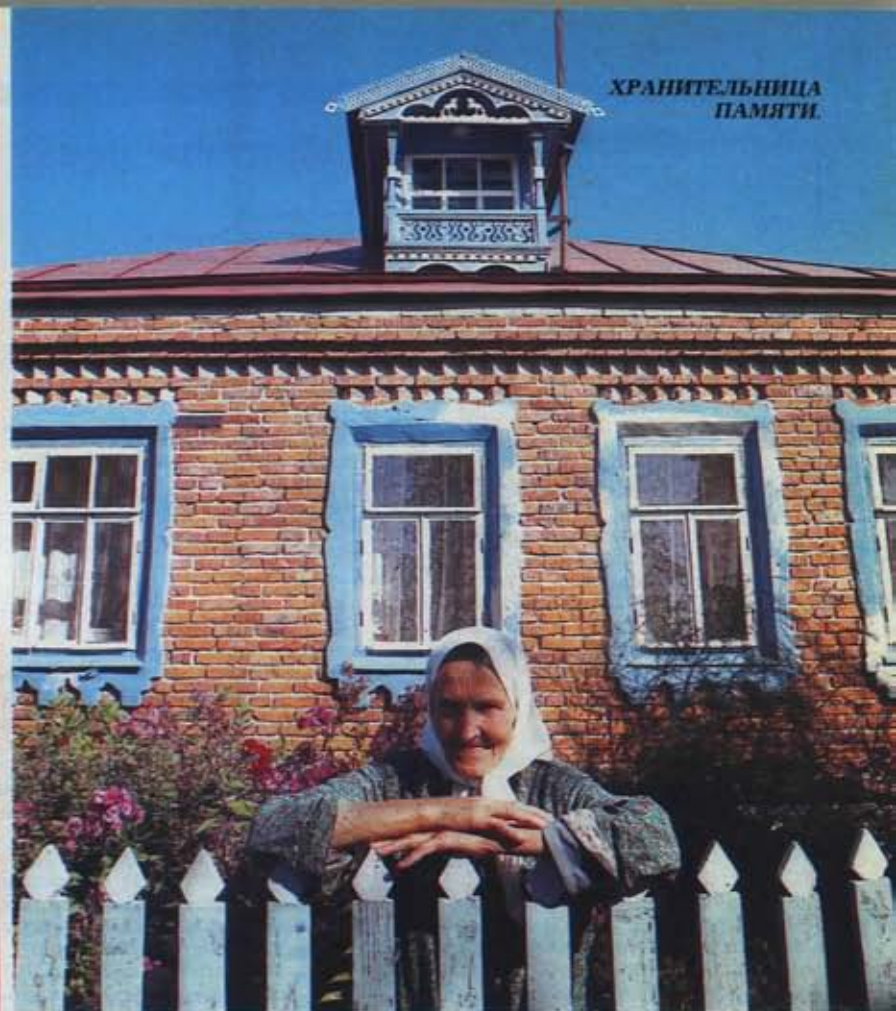
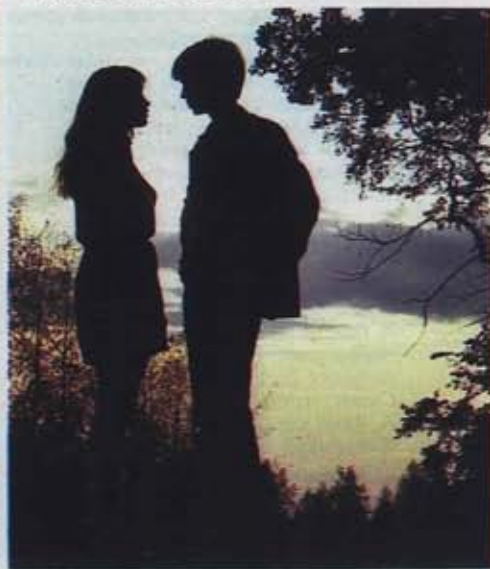
Отечество

МММ

«НИЗКИЙ ДОМ
С ГОЛУБЫМИ СТАВНЯМИ.
НЕ ЗАБЫТЬ МНЕ ТЕБЯ НИКОГДА».

«ВСЕ НА ЭТОМ СВЕТЕ ИЗ ЛЮДЕЙ
ПЕСНЬ ЛЮБВИ ПОЮТ И ПОВТОРЯЮТ».

ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ПАМЯТИ.

В ОЖИДАНИИ ПАРОМА.

«ПРИВЕДЕШЬ ТЫ КОНЯ К ВОЛОСНОМУ
И КОНЯ ИДЮЮ В ПУТОРСТИ...»

сельскими впечатлениями связано его содержание. В нем — тоска по родимой земле, затаенный вздох о близком, любимом: «Мир тебе — полевая солома, мир тебе — деревянный дом!»

Но то Америка и Франция — чужбина. А в России, в Москве? И в Москве, откуда рукой подать до его родных мест, дума о них неизбывна. «Здесь много садов, оранжерей, но что они в сравнении с красотами родимых полей и лесов» — отмечал он в письме из столицы, отправленном в сентябре 1913 года.

Родину он носил в своей душе до последнего часа.

И был немалый смысл в том, что на могиле Есенина в Москве односельчане рассыпали горсть земли со двора родительского дома.

С. Орлову

Шершавые пальцы темней наждака,
Тяжелые вены натруженной вязки...
— Зачем у поэта такая рука?
— А это от вахты,
от кисти и краски.
Граненые скулы горят от рубцов:
Рубцы по надбровьям, ожоги —
на темном.
— Зачем у поэта такое лицо?
— А это от боя,
от шторма, от домы.
Крутые бугры напряженного лба
Над бегом штурвала,
над трудной строкою.
— Зачем же поэту такая судьба?
— Такое призвание. Время такое.

Арктика

Конец работам. Ветер стих
И, окрыляя расстоянья,
Над палубой, как вольный стих
Парит полярное сияние.
Стихи пронизывают мглу,
Стихи над палубой роятся —
Вот роба сброшена в углу,
И от нее стихи струятся.
И руки, свисшие с колен,
Тяжелой рифмой колобродят.
Они, полны бурлящих вен,
Гудят — от них стихи исходят!
От молодого звона льдин
Исходят ритмы, звуки, ноты —
От рыжих чаек, от седин,
От вечных запахов работы.
От тьмы ночной исходит свет
И мачты гуд созвучен лире —
Стихи, стихи! А прозы нет,
Не слышно прозы в этом мире...

Образная речь

Что значит
«Образная речь»? —
Сказать: «Умрем!» —
И первым лечь!
Сказать «Идем!» —
И первым встать,
И наступать
За пядью пядь,
Чтоб за тобой
В жестокий бой,
Пусть в смертный бой —
Но за тобой.
Да, пасть,
Но Родину спасти —
И этим
Все произнести!

Фламинго

Над побережьем сквозь Сан-Доминго
Летят фламинго, летят фламинго, —
Они пылают над вольным людом,
Над океанским веселым гудом.
Они влетают в зарю едино.
От мест Неруды до мест Сандино!
У них с рожденья одна присяга —
У них с рожденья
два красных флага.
И краснокрыло — как вся эпоха —
Весь мир накрыла Бандера роха!
Как браконьеры из темной эры,
Рты раскрывают карабинеры.
Их подгоняют: «За карабины!»
Они вгоняют в стволы дробины.
Но не уходит никто спастись.
В такую б стаю крылом вписаться,
Крылом свободным простор листая.
Погода зреет, погода злеет —
Все побережье уже алеет,
И в алом небе сквозь Сан-Доминго
Летят фламинго, летят фламинго!

О, как прекрасен лесовоз —
Весь в пене, гнущийся от веса,
Когда ты сам на нем пронес
И гул тайги, и запах леса!
И как прекрасен рудовоз,
Когда ты сам, в поту на славу,
Руду грузил, руду провез
И ощутил всю твердость сплава!
И как прекрасен ледокол
С его морозным гулким громом,
Где ты форштевнем лед колот
И помогал веселым ломом!
Прекрасны трудные дела —
От поля до правдивой книжки,
Прекрасна жизнь, когда была
На деле, а не понаслышке.

Ваня

Ночная вахта кофе варит,
Плывет в тропический контраст.
То вдруг фантастикой одарит,
То в качку голодом обдаст.
Сойдешь на камбуз — там Ванюша,
Наш добрый кок — колпак на уши —
Шуршит жароенкой: шу-шу!
— Не спишь?
— Сухарики сушу!
Попросишь Ваню:

«Дай сухарик!»
Вдруг расплывается очкарик:
— Да что мне, жалко, корешок?!
Держи! — И выставит мешок!
— Ванюш, куда такая залежь?
Ты ж ими палубу завалишь,
С таким старательным трудом!
— А ты забыл, куда идем?
И вдруг мигнет очкарик-Ваня,
Припомнит что-то в океане —
И сам ты вдруг припомнишь даль
И это горестное: «Дай!»
Мы с ним ходили в трудном свете
Среди потерь, среди смертей... —
Нет ничего страшней, чем эти
Голодные зрачки детей!
Зрачки кричат с земли и неба,
Зрачки, страдая, молят: «Хлеба!»
И Ваня тут:

«Держи, малыш!»
И ты его благословишь.
Стоишь на вахте в этой рани,
Хрустит сухарик в океане.
Уже недолго до зари,
А Ваня сушит сухари.
Через рассвет перелетая,
Летучих рыб сверкает стая,
Сияет солнышко внутри,
А Ваня сушит сухари.
Дельфины выгнулись, орава!
Фонтан кита по борту справа,
А боцман стонет: «Ты смотри!»
А Ваня сушит сухари.
Плывешь, а сбоку рядом гонка:
Летит дельгя по Гонконгу
Сквозь горькие глаза детей
И не сбавляет скорости.
А вон, в топазах голубея,
Полураджа среди Бомбея,
Непробиваем, словно дот,
Через лежащего идет!
Несутся «Боинги» навстречу,
Грозят, сметая и увеча!
Авианосец-истукан
Вот-вот раздавит океан!
Что им земной какой-то шарик —
Не разглядеть им в их зрачки
Того, что видит наш очкарик
Сквозь запотевшие очки.
А над безумным этим пиром
Плывет дымок с утра над миром,
А добрый запах у зари:
Ванюша сушит сухари.

Фрегат «Паллада»

За неведомые страны,
за моря — материки
Плыли вдаль по океану
молодые моряки.
Плоть холстины студит спины,
плещет по небу «Андрей» —
Гулок говор парусины,
солон запах якорей!
Ах, как путь далек и знатен,
глубь — дорога, звезды — кров.
Рядом с ними сам Путятин,
с ними рядом Гончаров!
Над немислимую глубину
гулких шкотов перебор.
Молодое честолюбье,
сердцем впитанный простор:
Что им знаки, кинодралы,
вздохи барственных перин?!
С моря выйдет в адмиралы
молодой гардемарин!
Острова бегут навстречу —
называй, ищи, глазами!
Юность! Страсть увековечить
волю, родину, друзей!
Им не надо большей славы —
высь небес да птичий хор.
Честь державы, свет державы —
вот он, истинный простор! —
Честной молодости милы
сердцем впитаны сполна.
Да, прошли, ушли, уплыли.
Но остались имена!
Но досталось солкой браги
Всем, в ком молодость жива,
Но в одном архипелаге
дружат с морем острова.
И не раз еще заставят
спорить, биться о напасть:
В чем же нам дано оставить
нашу юность, нашу страсть?

Лермонтов

Не умирал, не спал,
Он время слушал каждым нервом,
Он в сорок первом том упал,
Чтоб грянуть в нашем сорок первом.
И не в страдальческом венце —
В живом бунтующем таланте,
В любом отчаянном бойце,
В непобедимом лейтенанте,
Которым с детства и дотла
В боях родного переулка
Любимым парусом была —
На всех — чапаевская бурка.
Вот в ком взошел свободный лоб
С его бессмертными очами,
Чтоб вдруг рвануться на окол:
«Ребята! Не Москва ль за нами?»
Вперед, стихи! Вперед, чтецы!
Вперед, солдаты и корнеты —
Бой! И поэты шли в бойцы,
И лейтенанты шли в поэты!

...Неподалеку от усадьбы Есениных живет Зоя Ивановна Червонокина, доярка колхоза имени Ленина. Вместе с ней стоим у крыльца ее дома — она только что с фермы. Теплый безветренный вечер «бабьего» лета. От Литературного музея С. А. Есенина оживленные толпы экскурсантов идут на площадь: там их ждут автобусы из Москвы и Рязани, Тулы и Курска...

— Вон как у нас теперь людно стало, — говорит Зоя Ивановна. — А в летние месяцы, вы бы только посмотрели, что творится! Бывает, одновременно по три-четыре теплохода причаливают. А уж автобусов и легковых машин — не перечислить. Большое почтение от народа нашему земляку, очень большое!

Надо ли объяснять, что же приводит сюда людей? Что заставляет многих из них преодолевать сотни и тысячи километров, чтобы побыть здесь день, а чаще — всего несколько часов?

С той поры, когда Есенин в последний раз навещал Константиново, минуло шестьдесят лет. И село, и его окрестности во многом изменились. К нему теперь ведет асфальтированная дорога, в пейзаж вписаны опоры электропередач.

А там, дальше, за синей дым-

кой, — когда-то захолустная, нищая Рязань, ныне современный промышленный город. В новый облик отчего края Есенин как бы вглядывался из своего времени: «Через каменное и стальное вижу мощь я родной стороны».

Рязанцы заботятся о есенинских местах. Реставрированы строения, имеющие мемориальный характер, определена заповедная зона... Конечно, полностью восстановить все так, как было при Есенине, вряд ли удастся, но главное уже достигнуто: в Константинове сегодняшнем приходит ощущение, что только здесь, под этим просторным небом, среди этих чуть тронутых росами полей и мог родиться Сергей Есенин.

Из многих поколений константиновцев судьбе было угодно выбрать одного и отметить его редчайшим даром. «...Родился я поэтом», — сказано им, и в этих словах суть его личности.

Вспомнилось вот что. Как-то рассказывал я Екатерине Александровне, старшей сестре поэта, о своей поездке в Тарханы. Она слушала с вниманием и вдруг спросила: — Экскурсовод был толковый? — Очень.

— Ну, тогда он и о песне говорил. О материнской песне... Знаете?

Я догадался, что имела в виду Екатерина Александровна. И с небольшими неточностями воспроизвел по памяти запись юного Лермонтова: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал ее, она произвела бы прежнее действие. Ее певала мне покойная мать».

— Верно, верно, — закивала Екатерина Александровна. — Это будто и про нас, и про нашу маму сказано...

Мать поэта Татьяна Федоровна Есенина любила петь, обладала небольшим, но приятным голосом. «Родился я с песнями», — сказал поэт. Сколько их — печальных и веселых, частых и протяжных, негромких и раздолжных — знала эта женщина!

Как и каждая мать, с особым чувством склонялась молодая крестьянка над колыбелью. Сумерки, лампа еще не зажжена; пение — тихое, ласковое, тронутое грустью...

Есенин любил пение матери. Уже в зрелые годы он с большой радостью слушал ее и в Константинове, где постоянно она жила, и в Москве, куда изредка навещалась. «...Споет она, — вспо-

минала писательница Софья Виноградская, — а он говорит: «Вот это песня! Сестры так не умеют, это старая песня».

Приехавшую из деревни сестренку Шуру, лицом и голосом похожую на Татьяну Федоровну, он просил: «Ты запой мне ту песню, что прежде напевала нам старая мать...»

Не только Татьяна Федоровна — в молодости заправским песельником был и отец Есенина — Александр Никитич. Мальчиком он пел в хоре сельской церкви, а позже его приглашали в Рязань — прихожане Успенского собора ценили хорошее голоса.

«Золотое пение! Давай заводи!» — шумел в застолье Федор Андреевич Титов, дед Есенина по матери. В его семье будущий поэт прожил пять лет. Дед уважал песни старинные, заунывные. Внук тянулся к нему, не чууждался его долгих, безрадостных песен.

Так было дома. А на улице? Босоногие ребятишки выбегут за околицу, смотря из-под руки на березовый перелесок, слушают... Позже один из них напишет: «Сребрая сено на покосах, поют мне песню косари».

Однажды небольшая артель рязанских косцов в поисках работы забрела в

Мне подарил время тридцать весен
И тридцать зим. Я с детства тем богат,
Что волновался у берез и сосен,
Был рад восходам и закатам рад.
Я видел звезды,
Ждал любви, как чуда,
Тонул в снегах,
Держал в горсти росу
И счастлив тем,
Что, уходя отсюда,
С собою ничего не унесу.
Но что-нибудь оставлю я, иначе
Я обокрал бы землю и людей,
Оставляю, чтоб земля была богаче
И люди, что останутся на ней.

В степях, благоухающих от ливней,
Творили его руки чудеса,
И провода высоковольтных линий
Тепло их уносили в небеса.
Под ветром весен и под снегом колким
Он по столбам на кошках к солнцу лез,
Чтоб в самые далекие поселки
И по ночам текло оно с небес.
Он так любил, придя к речным истокам,
От голубой теплыни разомлев,
Читать до звезд Есенина и Блока
Цветам и птицам, небу и земле.
К труду привычный сызмала, он просто
Хотел, чтоб люди делались добрей...

Мы заглянули в души океанов,
Вселенную охватывает взгляд...
Волна — из капель,
Капли — из туманов,
А из чего же люди состоят?
Из слез и крови
Или из молекул,
Бездушных и бесплотных, словно дым?
Из нежности к Земле и Человеку
Или звериной ненависти к ним?
Как Человека тянет к древним звездам!
Какие ветры спят в его крови!
Он не из глины вылеплен, он создан
Великою Любовью из Любви.
Любовь,
Себя мы ищем не в тебе ли?
Зовущая к работе и к борьбе,
Стоишь ты у могил
И колыбелей,
И кто мне скажет, сколько лет тебе?
Бывала ты суровою и нежной,
Рейхстаг повергла,
Сняв с него мундир.
Не на тебя ль сейчас глядит с надеждой
На бомбах балансирующий мир?

Орловскую губернию. Там их случайно
встретили писатель Иван Бунин и его
спутник. «Дальние» косили в березовом
лесу и пели. Об их песне Бунин напишет
так: «...Она была связана со всем, что
видели, чувствовали и мы, и они, эти
рязанские косцы... Прелесть была в том,
что все мы были дети своей родины...
что эта родина, этот наш общий дом
была — Россия, и что только душа могла
петь так, как пели косцы...»

**Ты прости-прощай,
любезный друг,
И, родимая, ах да прощай,
сторонюшка! —**

вздыхали парни, жалуясь и тоскуя. Но
была в их песне «неизбывная радость
при всей ее будто бы безнадежности...
Человек... знал, что все-таки нет
ему подлинной разлуки с нею, с роди-
ной...»

И такие песни сызмала слышал Есе-
нин. Надо ли говорить, сколь благотвори-
тельно действовали они на детскую душу.
Народные песни открывали перед маль-
чиком красоту окружающего мира, про-
буждали любовь к людям, отчужденному
родному селу, к тропинкам, убегающим
за дальнюю околицу...

Из «Фронтowych тетрадей»

Гармонь

Играй, охрипшая гармонь,
Солдатская утеха.
Прошла ты воду и огонь
С веселым человеком.
Хозяин твой минером был,
Как говорят — рубаха.
Один ходил в немецкий тыл
Без робости и страха.
И неизвестно, чья вина,
Что не пришел сегодня...
На свете есть пока война
С жарой, как в преисподней!
Товарищ взялся за лады,
И слушают солдаты,
Как песней зазвучала ты,
Что он играл когда-то.
Хоть ты,

что пели мы сейчас,
и с ним певали вместе,
Но песню эту в самый раз
Назвать ожившей мстью.
Горел бы мщения огонь,
А песня не помеха!
Играй, охрипшая гармонь,
Солдатская утеха.

Мать

В полусожженном городке
На перекуре в час привала
Старуха в ситцевом платке
Чужого сына обнимала.
Тая тревогу о своем,
Давно не виданном и милом,
Она на расстанях крестом
Бойца,

как сына, осенила.
Мы встали и пошли вперед,
Не докурив своих цыгарок.
Освобожденья ждет народ,
Ждет немцу
справедливой кары.

Вперед!
Чтоб в бой идти опять,
Забыв, какие сны бывают,
И видеть,

как седая мать
Солдата-сына обнимает.
Дорогой фронтовой —
сквозь дым

Горящих сел,
снаряды, пули...
Покамест к матерям седым
Сыны с победой не вернулись.

**Эх, песня,
Песня!
Есть ли что на свете
Чудесней? —**

выплеснется позже в стихах Есенина.
Поэт и свои стихи часто сравнивал с
песнями: «Засосал меня песенный
плен», «В первый раз я запел про
любовь», «Пел и я когда-то далеко»,
«Честь моя за песню продана», «Мое
степное пенье»...

Здесь не было метафоры: стихи Есе-
нина по мелодичности, богатству, гибко-
сти ритма — кровная родня народной
песне. Музыка, заложившая в них, помо-
гает наиболее полно проявиться чув-
ствам и мыслям в словесном движении.
Звуковая организация его стихов тонка
и гармонична, что идет от врожденного
чувствования отчего языка, всех его
оттенков.

Народное песенное слово, впервые
услышанное в селе Константиново, поэт
ставил у истоков собственного творче-
ства. «К стихам расположили песни,
которые я слышал кругом себя, а отец
мой даже слагал их», — писал он в авто-
биографическом наброске, относящемся
к 1915—1916 годам — времени выхо-

Весна 45-го.

Весну еще не видно в телескопы,
Но приближенье видимо для всех,
Ведь кто-то за нее
Обиду копил
И черную бросает в белый снег.
Пока весна еще на полдороге
От южных бережий до Москвы.
Мне б самому обиды и тревоги
Пора бы выбросить из головы
На этот черный снег.
И пусть приходит весна
Ко мне,
Не помнящему зла,
Чтоб и меня в звенящем половодье
Очищенным и легким понесла.

Синий день, оградный грачами,
Золото горячее плеснул.
Я опять с надеждою встречаю
Двадцать пятого мою весну.
А весна играет с птичьей стаей,
Я опять живу мечтой одной —
Может, сердце у нее оттаит,
Скованное вечной мерзлотой.

Как вены вздувшиеся, реки
Сжимают льдинами мосты.
Был мир запутанным вовеки
И вдруг становится простым.
И можно запросто поверить,
Не изводя карандаши,
И в зеленеющие скверы,
И в обновление души.

да его первой книги, «Радуница», а в
«Автобиографии» (1924 год) как бы до-
бавлял: «Влияние на мое творчество в
самом начале имели деревенские ча-
стухи».

К песням и частушкам нужно приба-
вить сказки: в крестьянских семьях, где
были дети, без сказок не обходился ни
один зимний вечер.

В сказках первое слово было за На-
тальяй Евтевной, бабушкой Есенина по
материнской линии. Это о ней упомина-
ется в стихах внука:

**Опостылеют салазки,
И садимся в два рядка
Слушать бабушкины сказки
Про Ивана-дурака.**

До сказок Сергей был большой охот-
ник. В «Автобиографии» Есенина (1923
год) читаем: «Стихи начал слагать рано.
Толчки давала бабка. Она рассказыва-
ла сказки. Некоторые сказки с плохим
концом мне не нравились, и я их переде-
лывал на свой лад».

Таково было очарование народным
позитивным словом...

Слова «Родился я с песнями...» — на-
чало четвертой строфы есенинского
стихотворения «Матушка в Купальницу

Дом

Дом родной!
Герань на окнах.
Вспомнишь садик и крыльцо.
И холодным потом мокнет
Опаленное лицо.
Где ты, дом

под красной крышей?
Будто память коротка,
Будто не было ни вишен,
Ни родного городка.
Дома нет в родной сторонке,
И на выжженной земле
Только ямы, да воронки,
Да развалины в золе.
Здесь твой дом,

семья родная,
Здесь покой твоей душе —
На переднем самом крае
В низком, тесном блиндаже.
Смерть идет по этой кромке,
Слышишь пулю и ветра свист.
А пока под вздохи хромки
Запевай-ка, гармонист.
О страдающей Отчизне,
О родимой стороне,
О солдатской трудной жизни,
О победах на войне.
Мы уйдем отсюда скоро,
Мы на запад вновь пойдём.
И построят дом саперы,
Много западнее — дом.
Но на отдых не надейся —
Поживем,

пойдем вперед.
Видно, отроду гвардейцы —
Неусидчивый народ.

А когда,
товарищ, слышишь,
Оттремит военный гром,
Мы посадим сад из вишен
И построим новый дом.
Дом не низкий и не тесный,
А какой лишь мил душе,
В нем споем с тобою песню,
Ту, что пели в блиндаже.
Да истопим печку жарко,
Баяниста для игры
Позовем

да выпьем чарку,
Мало будет — выпьем три.
И бывалье ребята,
Закаленные в бою,
Вспомним дом бойца-солдата,
Вспомним молодость свою.

по лесу ходила...» Вся строфа-
двустишие звучит так:

**Родился я с песнями в травном
одеяле.
Зори меня вешние в радугу
свивали.**

Неважно, что поэт родился осенью.
Неважно, что в июне (а Купальни-
ца — канун праздника Ивана Купа-
лы — приходилась на 23 июня) зори уже
летние. Герою стихотворения важно со-
отнести свое появление на свет с весен-
ним пробуждением природы и с самой
таинственной ночью года: недаром во-
рожиные травы пророчат ему счастье.
Заметим, однако: рядом с песня-
ми — травное одеяло, вешние зори...
Они как бы открылись ему одновремен-
но — песни и природа. Музыка слова
слилась с музыкальной землей — шорохом
трав, шелестом листьев на деревьях,
тишиной вечерних полей и лугов...

Вряд ли не прав тот учитель литерату-
ры, который говорил: «Любите деревню.
Поэты вырастают в деревне». Дерев-
ня — прежде всего природа и все, что
связано с близостью человека к земле.
«Природа, — утверждает Михаил
Пришвин, — есть родина всех талантов,
начиная от росинки-солнца, сверкнув-

**В БЫВШЕМ ДОМЕ-УСАДЬБЕ
Л. И. КАШИНОЙ РАЗМЕСТИЛСЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА.**

шей всеми огнями, кончая талантами, переходящими в историю культуры».

А природа — часть Родины. Общение с природой возвышает человека нравственно, воспитывает чувство прекрасного: она учит думать, мыслить образами, красками, звуками.

**О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.**

В этой школе природы Есенин был учеником прилежным и неутомимым.

Как-то, листая сборник школьных сочинений «С чего начинается Родина», я прочитал строки одной эстонской девочки. Она пишет, что Родина — это не только бескрайние просторы, но и дорогой для нее поселок со своей мельницей и маленьким щенком во дворе. Родина — это и небесно-синие васильки на краю поля, это колышущиеся на ветру сосны.

Так тонко чувствует эстонская ученица наших дней.

Ее переживания сродни чувствам русского поэта, жившего в иное время, но, как и она, сердцем прикасавшегося к отчей земле.

**Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя...**

Поэт обращается к сестре, близкому человеку. Но только ли к сестре? Почему так светло и просторно от «василькового» слова? Да потому, что за ним поля и луга видятся, даль необозримая видится. Родина-мать видится во всей красе и привольности...

«Поэт должен знать все цветы своей земли, — говорил Сергей Городецкий. — Вот Есенин каждую травинку по имени-отчеству называл...»

Село Константиново и его окрестности он знал подробно, до мелочей. С василька или колокольчика, с зелено-

косой березки или смолистой сосны, с жеребенка или рыжей дворняжки тоже начиналось чувство родной земли, ощущение родства человека и окружающего его природного мира. Без этого не могло быть Есенина, какого мы знаем.

**Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.**

Чтобы написать эти строки, надо увидеть собственными глазами, перечувствовать собственным сердцем многое. И все это должно быть для тебя не чем-то посторонним, случайно оказавшимся перед глазами, а бесконечно близким, родным, неотделимым от твоего бытия.

Вот поэт прощается с любимой пущей, золотым родником и сожалеет, что те-

перь ему «под брюхом жеребенка в глухую ночь не спать и радостью звонкой лесов не оглашать».

Сколько приобрел тот, кто в детстве дружил с лошадью, смотрел в ее добрые, чуть тронутые грустью глаза, ощущал ее мягкие влажные губы, доверчиво прикасавшиеся к человеческой ладони. Лошадь в деревне была не только тягловой силой. Общение с ней исподволь подводило к таким понятиям, как преданность, доброта, сострадание, рождало чувство ответственности перед всей живой природой, готовность ее защищать.

Однажды, уже в зрелом возрасте, поэт увидел на петроградской улице возмутительную картину: здоровенный детина нещадно бил лошадь кнутовищем по морде. Есенин, побелев от негодования, едва не набросился на истязателя, стал срамить его. Когда скандал затих, поэт сказал своему спутнику:

**ФАМИЛИЯ ЕСЕНИН
РАСПРОСТРАНЕННАЯ
В КОНСТАНТИНОВЕ.
ЭТОГО МАЛЬЧИКА ЗОВУТ
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЕСЕНИН.**

«Понимаешь? Никак не могу! Ну, никак!» И через некоторое время он неожиданно произнес: «А знаешь, кого я еще люблю? Очень люблю!» Краснеет и заглядывает другу в глаза: «Детей».

Нежность Есенина к животным неотделима от его любви ко всякой жизни и прежде всего к людям.

«Не дали матери сына, первая радость не впрок», — читаем в стихотворении 1915 года. Эти строки о животном, о корове. Но за ними — боль человеческая, и глубина ее безмерна.

От теплых рук матери, ее тихой печальной песни, от мимолетной улыбки отца и добродушного ворчания бабушки — ото всех, кто окружал мальчика в семье, невидимая ниточка человеколюбия тянется к сверстникам, «другам игрищ и забав», к первым школьным учителям, соседям, односельчанам.

Старый дед, отдающий зачерствелую пышку убогому нищему... Юный странник, жаждущий «в счастье ближнего поверить в звенящей рожью борозде»...

**«ТАКОЙ ПРОСТОР,
ЧТО НЕ ОКИНЕШЬ ОКОМ...»**

**«Я ЛЮБИЛ
ЭТОТ ДОМ ДЕРЕВЯННЫЙ...»**

Задумчивый вздох о родных: «Бедные, бедные крестьяне!»

Все это могло войти в стихи только от доброго сердца.

А добрые чувства всегда уходят своими корнями в детство...

Доброта и подлинная красота всегда сопутствуют друг другу.

Есенин вспоминал о поездке на Оку: «Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов».

Поэзия природы, крестьянского труда, быта, народных праздников была сродни образному слову, услышанному из уст школьного учителя или самим прочитанному в книжке («Читать начал с 5 лет под руководством дяди»).

Здесь, в Константинове и Спас-Клепиках (в этом рязанском селе Есенин окончил второклассную учитель-

скую школу), он узнал не только то, что животные, как и человек, имеют душу, что нет мертвой природы и все в мире взаимосвязано.

Он понял значение слова, его силу и красоту. Пусть самые первые строчки, набросанные в школьной тетрадке, подражательны, вялы, — «свое» еще не пробудилось. Но уже есть ощущение: «готов все чувства излить и звуки сами набегают». И определен идеал:

**Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать,
Кто людей, как братьев, любит
И готов за них страдать.**

Тут все идет от русской классической литературной традиции. Юный поэт памятно читал не только Пушкина и Лермонтова. Ему с детских лет была знакома некрасовская «муза мести и печали»: стихи автора «Крестьянских детей» Есенин читал на уроках в начальных классах бойко и осмысленно.

Возможно, Некрасов был и одним из тех, кто заронил в юную душу и тайную мечту о славе. Нетрудно представить, как сельский паренек, начавший «скла-

**«В ПРЯЖЕ
СОЛНЕЧНЫХ
ДНЕЙ
ВРЕМЯ
ВЫТКАЛО
НИТЬ...»**

дывать» первые стихи, выйдя в классе к доске, звонко читал по памяти «Школьника»:

**Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.**

**Не без добрых душ на свете—
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете—
Сон свершится наяву!**

У Есенина получалось как по писаному. В июле 1912 года, вскоре после окончания спас-клепиковской школы, он отправляется в Москву.

Работа — сначала в купеческой мясной лавке (вместе с отцом), потом — в конторе книгоиздательства «Культура», в типографии товарищества И. Д. Сытина... Участие в работе Суриковского литературно-музыкального кружка, членами которого были писатели из народа. В сентябре 1913 года — начало занятий на историко-филологическом отделении Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского (вот и университет!). В январе 1914 года — первое появление со стихами в журнале...

Из Константинова виделось: «И мне широкий путь лежит, но он заросший весь в бурьяне».

В Москве этот путь начался.

В этом доме ложатся спать по городской привычке поздно. Дом стоит на самом краю Марьино, но в самом центре марьинского общего внимания с тех пор, как переехала в него издалека, из Сибири, большая семья Андреевых.

Сейчас в доме тихо, как по-особому бывает тихо в доме, где много детей угомонились разом. Иван, прежде чем свет зажег, старательно, наглухо завесил окна одеялами, я про себя удивилась, а Вера поняла:

— Не удивляйтесь. Им это странно, когда поздно не спят. Они и про это потом сплетничают... А вы ничего такого не заметили?

— Да нет, не заметил.

А сам слукавил. Добравшись до Марьино, я долго вышагивал до андреевского дома и, конечно, дорогу выспрашивал, и меня расспросили, не родственник ли и вообще, кто такой, а узнав, кто, молодая бойкая женщина радостно почему-то напутствовала:

— Вот-вот! Ступайте! И напишите про них опровержение!

Иван пришел в дом, когда старшему, Косте, было десять лет. Вера говорила с детьми по-взрослому, готовя их к этому, и приняли его хорошо: через месяц уже звали «папкой». Пацанам нужен отец, что тут рассуждать, к тому же ребята видели, что с приходом Ивана стало матери легче по хозяйству, чувствовали, что мама любит отчима, и им передавались ее любовь к нему и благодарности.

От новых друзей, заведенных уже с Иваном, первый брак не скрывали, потому что, по Вериному убеждению, таиться хоть в чем — привычка нечестных и нечистых людей. В Марьино же первый брак почему-то стал сразу предметом пересудов. Дело представляли так, будто Вера скрыть его желает, вот и ездит по стране — ан нет, не скроешь, ведь даже невооруженным глазом видно, что первые двое у Андреевых как смоль, а Вера с Ваней сами-то беленькие.

Хотя таиться Андреевым было не в чем, а жила все же в их семье тайна, которую разведдали и по селу разносли. Но это тайна, какую хранить не грех, а именно долг — во имя благополучия детей. Когда андреевских ребят устраивали кого в садик, кого в школу, местных фельдшер по медицинским картам поняла, что две девочки у них — двухгодичная Оля и десятилетняя Катя — удочеренные. На другой же день об этом знало все село. — Странно это все и подозрительно, — решили в Марьино. — Ладно бы своих не было, но ведь своих-то четверо! Версий тут сложилось множество. Одни говорили, что раз при переселении в Нечерноземье платят деньги на каждого члена семьи рублей по тридцать, что ли, то Андреевы удочерили чужих детей исключительно ради своей материальной выгоды. Другие предполагали, что Андреевы затеяли над детьми какой-то воспитательный эксперимент, а своих на это жалко. Были и третьи, и десятые, были, конечно, и такие, что относились к приезжим с симпатией и сочувствием, но уж так несправедливо повелось издавна: у злопыхателя язык длинен, и энергия в нем бурлит, и он перекричит без труда хоть десяток доброжелателей.

Чем обернулась в Марьино болтливость, считая себя правдолюбием, — об этом после. А сейчас о другом. Все годы после развода со своим первым мужем, Виктором, Вера с ним словно спор вела. Не словами спорила, а поступками. По ее, Вериному, убеждению, не должна на земле побеждать корысть, и если отношения между людьми строятся на расчете и выгоде, то грош цена им — ненастоящи они и недолги. Ей казалось, что Виктор когда-то поймет, что он живет не так и не теми людьми себя окружает, что настанет день, и скажем, от него отвернутся друзья. Но все в его жизни получалось складно, и хватало ему всегда и друзей,

и успехов. И так часто, вопреки ожиданиям Веры, он оказывался прав там, где должен был ошибаться. Он людям не верил, да они нередко и не были достойны веры — вот в чем беда.

Однажды в дверь постучалась женщина с заплаканными глазами. «Погорельцы мы», — тихо сказала, кивнув на мальчишку лет восьми, рядышком топтавшегося с опущенной головой. Вера кинулась за кошельком, а Виктор сказал громко — самое страшное, что громко сказал, — чтобы и они слышали: «Не верила бы ты этим сказкам. И до получи, ути, неделя». У Веры — кровь к лицу. Выгребла из кошелька все, что там было. А потом — в слезы. Когда отревелась и смогла говорить, только и сказала:

— Нам не прожить вместе долго.

А через месяц у гастронома встретили они эту самую женщину веселой и пьяной...

Случилось как-то и такое. У Виктора появился приятель, с которым они сошлись быстро и близко. Жора часто приходил в их дом и всегда с цветами. Однажды Вера полусуто упрекнула Виктора в том, что от собственного мужа цветы она получает куда реже. Виктор рассмеялся: «Зато от собственного мужа цветы настоящие. А эти — дешурные, рабочие...» Виктор не рассказывал ей много, но со временем она поняла, что с Жорой их связывали какие-то сложные отношения, что тот Виктору чем-то очень обязан, и эти цветы — часть той платы, которую назначили они, не сговариваясь.

Ну, не должно же быть так между людьми! Не должно! Так Вера себе говорила. И ему говорила. А он отшучивался: «Опять ты о чем-то этаком. Мы ведь не в пионерлагере на диспуте».

Он не хотел много детей. Он говорил, что много детей — это от баптизма или слабоумия. Разные были они. Совсем разные люди.

Несколько лет прошло после развода (благо, в повествовании не как в жизни, можно несколько лет пролистнуть, словно страницы), и вот у Веры большая семья: выйдя замуж за Ивана, родила она ему двоих сыновей-погодков, пообещала еще родить и дочь. Квартира у Андреевых в три комнаты, в сравнении с общежитиями, где пришлось пожить Вере, и «углами», что снимать приходилось с двумя детьми, — прямо хоромы.

Про те несколько лет с Виктором Вера вспоминать не любит. Вот и мы «пролистаем» их. Только скажу: встречалось на пути разное, и плохого много, верила пылко, как умеет она, и ошибалась, загадывала, а не сбывалось... Так изменилась ли она?

Знаю одно: если теперь к ней постучаться в дверь: «Погорельцы мы», — она снова, как много лет назад, поможет, не раздумывая и не вспоминая горьких уроков.

В этом сибирском городке, где после долгих мытарств устроилась Вера, жилось им с Иваном мирно, радостно. Тут Вера нашла то, к чему долго стремилась: понимание людей, которым всецело можно довериться. К тому же, как никогда, увлеклась своей новой работой. По образованию Вера — учительница истории, но теперь работала в детском садике. Когда у самой появились малыши, перевернула горы книжек о раннем детстве, знания эти, конечно, пригодились и в садике, и о ней скоро стали в городе говорить как о хорошем специалисте.

В ту как раз пору появились в печати рассказы о том, как создаются в стране семейные клубы, как взрослые и дети большой разновозрастной компанией проводят вместе выходные и отпуска, и не бездумно как-нибудь проводят, а старшие учат детей и труду, и музыке, и иностранным языкам и закалывают их, стараясь использовать при этом все новые педагогические методики, мимо которых прошла школа. Подобный клуб Вера и надумала создать.

Назвали клуб «Энтузиастом». Членами его стали люди, преданные идее, а энергией своей способные, пожалуй, и с

Верой потягаться. Что за идея? Все та же, которой во все эпохи служат беспокойные люди: попытаться — ибо «воспитать» звучало бы тут самонадеянно, — именно попытаться растить ребятшек, у коих и мысли, и душа, и тело жили бы в гармонии, стремясь к совершенству. «Энтузиасты» с каждого вступающего в клуб требовали: поделись со взрослыми и с детьми, чем богат, а от нас возьми то, чем беден. Была в клубе учительница музыки, которая взялась учить детей по системе Кабалевского. Был математик, добрейший человек, работавший с «самим Шаталовым», как представлялся он, — ему поручили подтягивать по математике и физике отстающих. Муж и жена Петровы, оба художники, открыли дома изостудию для детей «энтузиастов». Вера отвечала за физическое воспитание. Клуб делегировал ее в Москву к Борису Павловичу Никитину, чьи публикации в периодике Вера давно собирала. Привезла она оттуда чертежи домашних спортивных комплексов, и скоро почти у каждого «энтузиаста» появились в квартире качели, горки, финские стенки, перекладины, а строили их опять-таки члены клуба: нашлись среди них и столяр, и слесарь.

Счастье — сложная категория. Кажется, всегда для него, для полного, чего-то да не хватает. И все же состояние, в котором Вера была те два года, близко к счастью. Так в общем-то ей тогда и казалось.

Нравственная норма

Владимир БУЛЫЧЕВ

— Там мы были среди людей, — говорит мне Вера.

Слово «там» произносится с силой. И в нем для Веры большее, чем вложено в него грамматикой. «Там» — ощущение счастья. «Здесь» — почти отчаяние. «Там» и «здесь» — словно две разные эпохи. Хотя разделяет их сегодня лишь год.

«Там» Вере казалось: таким должно быть то самое завтра, о котором мы говорим. Но потом случилось нечто серьезное. Вера лежала с Эдиком, младшим своим, в больнице. Ему только исполнилось полгода, и у него заподозрили было воспаление легких, но все обошлось. В той больнице лежали, как водится, дети с матерями, но были и такие, что жили там месяцами одни. Потому что собственные матери отказались от них прямо в роддоме. Здоровьем малыши не отличались — вот и выхаживали их, как могли, в детской больнице, прежде чем отправить в Дом ребенка. Вера и раньше читала и слышала истории о брошенных детях, но чужая драма понаслышке далека и невыразительна, а тут — вот они, дети эти, в соседних палатах. Нянечек спросила: часто такое бывает? Все время, говорят, привозят «отказных». То одного-двух, а нынче — семеро в больнице.

Вере не спалось три ночи подряд... К тому времени, когда их с Эдиком выписывали, она уже приняла решение. И потом три дня жила ожиданием этого шага. Боль за тех детей, но и радость накануне поступка, боязнь этого шага, но и решимость его совершить — все слилось в ней в сильное чувство.

Пришла к «энтузиастам» и сказала все, о чем за эти дни передумала. Мол, не так живем. Своим детям все, а рядом чужие, у которых нет самого нужного, незаменимого — матери. Кто согласен им матерью стать?

Не сказал важного: когда Вера предложила забрать детей из больницы, желающих в клубе оказалось больше, чем требовалось. Тогда кто-то и рассудил здраво: разве только эти дети в нас нуждаются, есть же в нашем городе

детский дом, давайте придем туда всем клубом!

...Так судьба свела Веру с Катей Кораблевой. Когда большая семья Андреевых переехала в Марьино, «мамой» Веру звали шестеро детей, и среди них была Катя.

Пытаюсь разобраться в мотивах переезда Андреевых в Марьино и пересудов, возникших в связи с ним. Была у Андреевых хорошая квартира и работа в большом городе, а они приехали в колхоз. Что же привело их сюда?

Видно, я чересчур доштен оказался, выпрашивая о переезде все подробности. Вера насторожилась: «И вы не верите?»

Верю. Верю в то, что все началось с заметки. В одной газете написали о том, как приехали в отсталое хозяйство десять молодых семей, поселились в здании бывшей школы, отремонтировав его своими силами, попросили самостоятельный участок работы: ферму, поля — и зажили безмятежно и счастливо. Приусадебное хозяйство — общее, домашний скот — тоже.

Хоть и не новая идея, слышано о таком и читано, а заболела ею Вера. В один вечер села и написала письмо с просьбой принять ее с семьей в колхоз.

Когда колхозная машина, встретившая Андреевых на станции, подкатила к небольшому брусчатому дому, на крыльце стоял сам председатель Егор Петрович. Был сентябрь, но дожди еще не зарядили, и Марьино выглядело зелено.

уютно. Егор Петрович поздоровался с Верой, Иваном, старшими мальчишками за руку и сказал, что здесь чудесные места, грибы, рыбалка, свежий воздух.

Каждый вечер поначалу председатель заходил к Андреевым. Расспрашивал, как устройство идет на новом месте и вообще про жизнь и про их интересы. Заметил на стене портрет. Поинтересовался кто. Удивился: «знаменитый» Никитин, а он и не знает такого. Слово за слово, Вера рассказала про «Энтузиаст», про спортивный комплекс, который в детском садике, где еще при переписке Егор Петрович обещал ей место воспитателя, хотела бы оборудовать. Председатель слушал внимательно, уважительно и, подумав, объявил, что Вере, пожалуй, не воспитательницей, а заведующей надо работать: и анкета у нее, и мышление для этого подходящие.

На пятый день Вера приняла садик. А через неделю Ивана отправили в районный центр на трехмесячные курсы механизаторов.

Когда коснулось детского спортивного комплекса, то умельца, который бы сработал его по готовым чертежам, нашли в местной кузнице. Он, увлекшись заказом, представил оборудование в срок. Нашли в садике и комнату, где компактно и удобно разместили все снаряжение. Вера порадовалась: мало садиков даже в столице имеют такое. Ждала родительского собрания — на нем решила торжественно открыть спортзал для малышей.

Однако о спорткомплексе прослышали в селе задолго до собрания. Папы и мамы, приходившие за детьми, просились в спортзал — поглядеть, что это надумала там новая заведующая. Начались недобрительные разговоры, и всякий следующий, придя в зал, был уже подготовлен общим мнением и торопился присоединиться к нему, потому что с большинством, как известно, тягаться трудно. Суть возражений сводилась к следующему: у нее, мол, четверо своих детей да чужих двое, вот пусть они и лазят по этим канатам, если

матери не дороги, а у нас один — вдруг покалечится?

На собрании все родители сказали, что обходиться они без этих канатов и ну их! — от греха подальше. Иные, упорные, настаивали: а есть ли у заведующей бумага из района, что можно детей пускать на качели и лестницы? Вера доставала журнальные вырезки про большую семью Никитиных, про их успехи в воспитании детей. «Не знаем таких», — возражали ей. «Да кого вы вообще знаете!» «Макаренко», — крикнул кто-то с ударением на третьем слоге, и на этом все разошлось по домам.

На другой день Вера не вышла на работу. Прибегала секретарша председателя, говорила, что в табеле ей ставят прогул и общественность сильно возмущена.

Вечером к ней заглянул Егор Петрович. Смутился, руки то на стол клал, то под стол прятал.

— Обождите вы, Вера Александровна, горячиться. Ну, конечно, многие у нас недопонимают важности вопроса. Но надо их понять. До вас в садике кто попало работал, и воспитание, и прочее хромало, вот они и не привыкли. Вы бы постепенно, что ли... А то резко-то оно рвется, а помаленьку — тянется.

Но Вере не до того было. Вперемежку со слезами говорила, что она, мол, и раньше всякое повидала, тридцать семь ведь ей уже, но такого!.. Почему же все-то — с ног на голову? Когда Чупра-

мер, не спускали. Мальчик видел это и очень переживал, но до времени молчал: в одиннадцать лет уже не все подряд несут родителям.

За тот месяц, что был Иван на курсах, с Катей стали происходить нехорошие перемены. И раньше она не отличалась прилежностью в школе, но теперь часто пропускала занятия, не выполняла по дому никаких поручений, грубила Вере. Конечно, Вера переживала все это и нередко теперь срывалась, хотя раньше умела вообще не повышать на детей голоса. Вера передумала всякое, и постепенно оформлялась мысль: быть может, в семье, в отличие от детдома, где живешь по расписанию, Кате виделась полная свобода от порядка и каких бы то ни было обязанностей. Но первое время, не желая разочаровывать новых родителей, она делала над собой усилия, да и само положение нормального ребенка, у которого есть отец и мать, доставляло ей незнакомую прежде, такую желанную радость; а теперь прошел первый восторг, и в домашних буднях Катя стала лют.

Конечно, с десяти лет многое может измениться в человеке, но, с другой стороны, Вера, как педагог, знала хрестоматийное: основы личности закладываются в первые годы жизни.

Как-то вечером, за ужином, Катя завела разговор:

— Мам! А они говорят, что вы меня бьете.

Сказано это было с легкостью, словно

Это была третья ночь, в которую Вера не сомкнула глаз. А рано утром позвонили из милиции председателю домой, сообщили, что девочка нашлась, ночью ее сняли с поезда под Кировом, привезли в детский приемник, она не сразу назвала имя и точный адрес, поэтому долго держали, а когда все выяснилось, отправили с кем-то из сотрудников милиции в райцентр, так что тут она, жива-здоровая, приезжайте.

Председатель дал Ивану машину. А Вера баню принялась топить...

А потом события развивались странным образом. В понедельник Катю забрала с третьего урока Анфиса Макаровна Сукнова, председатель сельсовета. Директору школы объяснила: имеются достоверные данные, что неродного ребенка Андреевы систематически издевают и вот докатились — из дома уже гонят. Надо проявить коллективную бдительность и во всем разобраться. Анфиса Макаровна повела Катю к марьинскому фельдшеру на предмет медицинского освидетельствования. Когда девочку раздели, то на теле у нее действительно обнаружили три царапины и два синяка. Анфиса Макаровна продиктовала фельдшеру медицинское заключение и, забрав его, повела Катю в сельсовет для доверительной беседы. Начала ее, как положено, издали, с детского дома. Потом про Андреевых ненавязчиво расспросила все: и во сколько встают по утрам, и что едят на завтрак, а потом и до побега дошла. Анфиса Макаровна высказала предположение, что девочку избил и выгнали. Но оно не подтвердилось. Ну если не выгнали, то избил-то точно. Во-первых, улики налицо. А во-вторых, просто так из дома не бегут. «Вот я, например, не бегу же!» — пошутила Анфиса Макаровна, любившая добрую шутку. И тогда девочка сказала, что ее действительно побила мать и именно поэтому она убежала из дома.

Анфиса Макаровна вздохнула облегченно. Она протянула Кате листок бумаги и ручку, попросив ее написать то, что Катя сейчас сказала. Катя написала на листке: «Мама меня бьет» — без мягкого знака. Анфиса Макаровна, не любившая неточностей, поморщилась: «Во-первых, не «бьет», а во-вторых, не «мама», а Вера Александровна...»

Затем Сукнова вызвала в сельсовет поочередно Ивана, Веру, Костю и Алешу Андреевых и еще раз Катю. Вере сказано было сразу, что, мол, все известно и отпираться смысла нет. Вера не поняла: о чем это? Анфиса Макаровна вытащила из стола папку, звонко стукнула по ней ладонью и сказала: «Не прикидывайтесь, милочка». Вера настаивала, что должна же она по крайней мере знать, в чем ее обвиняют, и Сукнова после колебаний открыла папку и из своих рук показала медицинское заключение, Катю признание и еще три каких-то коряво исписанных листка — как пояснила Сукнова, свидетельские показания.

Дома Вера попыталась поговорить обо всем с Катей, но с девочкой случилась истерика. Она кричала, что ей все надоело и она снова убежит из дома, и ее никогда-никогда не найдут. Что это все врачи, как хорошо жить с мамой и папой, и вообще никакие они ей не родители. Она кричала до звона в ушах, до хрипоты, и Вере казалось, что все Марьино выстроилось у их окон, ей даже отчетливо послышались чужие голоса и чей-то хохот, а потом все прошло разом, и наступили слабость и апатия; в этом состоянии Вера жила следующие дни, казалось, ее покинули и чувства, и мысли, а остались лишь безразличие и бесконечная усталость; утром, идя на работу, она забывала, куда идет, но все же шла, потому что только движение убеждало ее, что она жива. Время тянулось медленно, и новый день не приносил избавления от долгой муки.

...«Дорогая Вера Александровна! Прошел месяц с тех пор, как мы виделись с Вами, а меня не оставляет ощущение какой-то недосказанности. Ради бога, не казните Вы себя за то, что так

получилось с Катей. Не у Вас первой такое. Я тридцать лет в этом детдоме. Пришла девчонкой, и вот всю жизнь здесь. Раньше мне казалось, что, если захотеть, можно всех воспитать и перевоспитать, как тебе надо. А жизнь столько раз ставила меня на место. В первом выпуске был у меня Ваня Арбузов, любимчик. Какой талант! И пел под гитару, и в спектаклях главные роли играл, и рисовал, и стихи сочинял, был редактором стенгазеты. Поступил в педагогический, но года не проучился — все за хулиганство, и с тех пор — все по тюрьмам. Я, когда узнала о нем, хотела уйти из детдома, но потом стала понимать, что нельзя идеализировать ребят и считать, что все в жизни будет так, как ты задумал. Верить надо в них, без этого руки опустятся, но вера и самообман — это ведь разное. Наши, детдомовские, дети не часто бывают благодарными, воспитанными и нежными, чего от них в семье почему-то сразу ждут. Очень плохо себя ведут в таких случаях и окружающие. Если ребенок не знает, что в семье неродной, найдутся «добренские» дяди и тети, которые ему это скажут. Да что Вам объяснять...

Насчет всего этого бреда с избиванием девочки: сразу после Вашего отъезда мы с директором говорили с Катей. Она призналась, что все сочинила. Почему — не объясняет. Я сразу написала подробное письмо на имя этой самой Сукновой. Старалась объяснить, что дети наши трудные, они способны на непредсказуемые поступки, что Катя, конечно же, все сочинила. Я просила Сукнову ответить, но, конечно, она молчит. Может, ей нужны какие-нибудь бумаги со штампами, что Катю Вы не били? Такие люди очень любят бумаги, а человеческим словам не верят.

Вера Александровна! Я не представляю, как Вы пережили весь этот кошмар. Не знаю, чем помочь Вам. Вот только слова и остаются. Держитесь, не падайте духом. Вы столько сделали в жизни: четверых сыновей растите и приемную девочку, а это уже подвиг — взять на себя такую ношу. Целую Вас. Ваша Л. М.»

Рассказывая о марьинских событиях, я старался рассматривать их Вериными глазами. Знаю: в запале, в страсти серое черным порою покажется, но хотелось историю неудачного удочерения увидеть именно глазами матери. Во-первых, больше всего страданий выпало все же ей. А во-вторых, история эта, к сожалению, не единственная: приходилось и раньше, не только из письма Лидии Михайловны, узнавать о том, как часто людям, окружающим усыновленного ребенка и его неродных родителей, не хватает такта, умения сохранить тайну усыновления (хотя что тут уметь-то!), которая, кстати, не только нашей моралью, но и нашими законами оберегается. Так пусть эта драма, увиденная именно глазами матери, послужит уроком и в Марьино, и в других краях. Вернуть детям нормальное детство со всеми его радостями — не только задача неродных родителей, это дело общее, и, стало быть, силы в нем всем надо сложить.

У Андреевых подрастает Оля — другая удочеренная девочка. Хотелось бы, чтобы с ней не случилось похожее. Сегодня я почти уверен: не случится. Ведь дело тут и в отношении марьинских жителей и Веры. А они пошли на лад. Верю: скоро не будут Андреевы в Марьино чужими. В одном из последних писем Вера сообщила, что спорткомплекс открыли. Не реже чем раз в месяц старших детсадовских детей вывозят на автобусе в Киров — в цирк, в кукольный театр. До Веры такого не было, и когда затевался первый выезд, родители неохотно согласились, а дети понравились, и тогда решили вывозить время от времени в город и взрослых тоже — бригадано, за особые заслуги в труде.

Ну, что еще? С Иваном живет Вера, как и прежде, дружно. Ребенка ждет. И когда это стало заметно, местные подивились-подивились, да и успокоились.

ЖИЗНЬ

кова домой идет через магазин и, не доходя три шага до избы, в луже засыпает, это естественно. А чужих детей воспитывать — это ненормально? У Суворовых вон, у девочки давно что-то с носоглоткой, запустили болезнь; может быть, отсюда и слух теряет, и признаки дебилности на лице. Вера им: срочно везите к врачам — в район, в Киров, в Москву, наконец! А они: да так, ничего, нормально. Да не-нор-маль-но! Хоть вы то им объясните, может, хоть вас-то они послушают...

Председатель густо покраснел, вытащил папиросу, мял ее машинально, сказал: «Пойду покурю». И так и не вернулся в избы.

А назавтра была суббота, и утром приехал из райцентра Иван на выходные. Он по-мужски рассудил: с работой все утрясается, надо в понедельник идти в садик как ни в чем не бывало, а спорткомплекс попробовать «пробить» через правление колхоза, в нем в основном люди, кого в Марьино действительно почитают, и никаких бумаг из района они не требуют.

А вот с Катей — похуже. С Катей уладится ли?..

Когда перед отъездом в Марьино они взяли из больницы годовалую Олю, а из детдома десятилетнюю Катю, то для них не было сомнения: не стоит специально осуждать, как воспитывать старшую приемную дочь. Все должно получаться естественно, всякие же усилия будут заметны ребенку и могут привести к обратному результату. К тому же Катя попадает в большую семью, и разве не станут ей нечаянными воспитателями сами андреевские дети, исподволь знакома девочка с тем, какие у них в доме порядки, да и вообще с тем, что такое семья, — откуда Кате было узнать это. Но с самого начала нежданно-негаданно стали сплошь и рядом возникать вопросы, ставившие порою Андреевых в тупик. Умом-то ясно: девочку нельзя никак выделять среди ребят. Провинилась — пусть отвечает, как они. Но всякий раз и Вера, и Иван не находили силы наказать Катю за то, что Алеше, напри-

пустяк какой-то, а у Веры дыхание перехватило:

- Постой, кто говорит?
- Да все. Вон старуха, что у школы живет, сегодня поймала меня: «Бедняжка, бьет тебя». А мне смешно.
- А ты ей что ответила?
- Да ничего.
- Ты не сказала... что это глупости, что никто тебя не бьет?..
- Нет. Ушла просто.

После того разговора Вера стала замечать, что Катя часто приносит домой конфеты, печенье, яблоки. На вопрос, откуда, отвечала, что в школе дают ребята, но однажды вдруг призналась, что дяди и тети, встретив ее на улице, угощают и смотрят жалостливо. Вера с ужасом предстала всю картину, поняв, почему угощают именно Катю: да они же считают, что бедную падчерицу дома не кормят и вообще держат в черном теле.

Где найти матери силы, чтобы вынести это? Бывали минуты, в которые Вера видеть не могла никого и, когда шла по селу, здороваясь со встречными, в каждом видел злорадство и подвох. И выплакаться некому. И Вани рядом нет...

В следующий раз Иван приехал домой в пятницу: словно сердцем почувствовал беду. Дети с порога сказали, что Катя пропала, а мамка в садике, с работы еще не пришла. Иван — туда. Веру он никогда не видел такой: воспаленные глаза, лицо в красных пятнах. Говорила Вера медленно, и Иван нервничал, поторавливая жену: «Ну, а дальше? А председатель? А милиция что?»

В среду Вере позвонила директор школы и сказала, что Катя нахамила классному руководителю. Дома Вера пыталась добиться от Кати, что же между ними произошло. Та — ни слова. Тогда Вера сказала, что, если классная руководительница и не во всем права, дерзкой ей Катя не смеет, что в любом случае Катя виновата и должна извиниться перед ней. Причем сейчас же. Катя молча ушла из дома и не пришла ночевать.

ФУТБОЛЬНЫЙ
КЛУБ
«НАДЕЖДА»
Выпуск 9-й команды

«НАДЕЖДА»

Фото
Анатолия
БОЧНИНА

НА СВОЕМ МЕСТЕ

Наш футбольный клуб, выполняющий просьбы болельщиков, предоставляет слово тренерам и футболистам днепропетровского «Днепра», которые отвечают на вопросы читателей журнала.

«Все достижения «Днепра» последних лет связаны с именами старшего тренера В. Емца и начальника команды Г. Жиздика. Приняв руководство командой-аутсайдером, они за три сезона привели «Днепр» к чемпионским медалям первенства страны. Интересно было бы узнать, какими ли видятся тренерам будущее «Днепра» в начале работы с коллективом?»

**Алексей Собиняков,
Ростов-на-Дону.**

В. ЕМЕЦ. С Геннадием Жиздиком мы работали в Никополе с 1963 года, последовательно прошли с местным «Колосом» все ступени от коллектива физкультуры до третьей команды первой лиги. И все беды «Днепра», оказавшегося в середине сезона 1981 года на грани вылета из высшего эшелона нашего футбола, были нам видны отчетливо. Мы считали, что сможем помочь команде, и изъявили желание поработать с ней. Сколько тогда пришлось выслушать советов со стороны! И в Никополе: безнадёжное, мол, дело — от добра добра искать, «Колосу» то и самому рукой подать до высшей лиги; и в Днепрпетровске: иные руководители советовали нам укрепить команду оплывшими заезжими игроками — апробированная пожарная мера. Но мы твердо решили идти по собственному пути.

Возможно, «варяги» и помогли бы «Днепру» продержаться на плаву еще сезон-другой, но ведь такой метод комплектования в свое время и привел к развалу «Днепра», да и не только «Днепр». Многие футболисты, чей уровень мастерства уже не соответствовал требованиям высшего уровня, продолжали выступать с единственной целью: попытаться побольше урвать от спорта, а уж в какой команде играть, им было совершенно безразлично. Поэтому первое, с чего мы начали, — коренное изменение микроклимата в коллективе.

Некоторые футболисты, которым мы полностью доверили, перешли с нами из «Колоса», а в Днепрпетровске подрастали уже местные ребята. Раньше из-за обилия заезжих «звезд» им не находилось места в основном составе и они вынуждены были искать счастья на стороне. Но ведь родной командой для них мог стать только «Днепр»! Да и зрители, пресытившись унылой игрой футболистов, не принимающих близко к сердцу беды команды, не слишком жаловали стадион своим вниманием.

Зритель вернулся, когда мы предложили ему другое, свою игру, пусть на первых порах и не очень эффектную, но зато пронизанную духом полной самоотдачи. А потом возмужали Литовченко, Протасов, Лютий, вернулись в родные края Таран, то есть подо-

нице, стал получать приглашения в клубы первой и даже высшей лиги. Но о переезде всерьез не задумывался. Включу телевизор, посмотрю, как на площадке мастера играют, и сразу понимаю: нечего мне дергаться, в Виннице и есть мое настоящее место. К тому же женился здесь, сын Иван Иванович уже ползает начал...

И вдруг в 1982 году приглашение в «Спартак»! Самому Бескову я пригласился! И где он только увидел меня? И жена, и друзья советовали: надо ехать, чтобы потом себя не укорять: мол, дескать, что-то значительное в жизни совершить, да сам себя испугался. Приняли меня в Москве хорошо, почти весь подготовительный период я в основном составе отыграл, а в первом же матче чемпионата — тяжелая травма. Спартаковцы советовали в Москве лечиться, говорили, что еще скажут поговаривают на меня, но я очень скучал по семье. Бесков в тот год больше со сборной занимался, а остальные тренеры удерживать меня особенно не стали. Я возвратился в Винницу и дал себе слово больше нигде не уезжать из дома.

Владимир Александрович Емец меня в свое время еще в «Колос» пригласил. Неоднократно звал потом и в «Днепр». Но если я отказался перейти в команду, занимавшую 10-е место, то как-то нехорошо было прийти в клуб-чемпион. Но Емец был настойчив и парировал мои возражения: не пришло, мол, игроку в 27 лет томиться на скамье запасных. «Поверь в себя и приезжай, Иван. Ты нужен большому футболу».

И я решился. Три матча отыграл, говорят, неплохо. А в четвертом забил мяч в свои ворота. И игра-то какая была! — На Кубок сезона с «Шахтером»! Ребята столько мечтали о ней, и вот пришел я и все испортил. Но не представляете, никто мне и слова упрека не сказал, хотя Кубок мы в итоге упустили. Только тогда понял, как много мне доверили и как я доверия не оправдал. С тех пор на каждый матч выхожу словно он решающий.

А в сборную уж совсем неожиданно пригласили. Вызвали на сбор в Новогорск, а оказалось, надо дальше лететь — на турнир в Индию. Потом отборочные встречи чемпионата мира. Я сейчас испытываю какое-то двойственное чувство: с одной стороны, мне уже 28, но с другой — моя футбольная биография лишь начинается.

«Геннадий Литовченко был признан спортивными журналистами лучшим футболистом страны прошлого года. Какими критериями, на его взгляд, руководствуются представители прессы при определении претендентов на это звание?»

**Евгений Щеглов,
Ашхабад.**

Г. ЛИТОВЧЕНКО. В любой спортивной игре должен быть лидер. В моем понимании лидер — это игрок, превосходящий партнеров если не в мастер-

стве, то непременно в самоотдаче. В какой бы форме ни находился, вышел на поле — отдай игре все силы. Если лидер будет действовать вполнакала, с кого же тогда брать пример остальным, особенно молодежи? В идеале, конечно, техническая и тактическая подготовка не должна иметь слабых мест, но главное, повторю, характер. На прошлогодний выбор журналистов повлияло, видимо, то, что я относительно удачно провел междуродные встречи. Пусть не всегда задуманное получалось, но биться старался до конца. Не хватает мне еще опыта игрового на высшем уровне, но это, говорят, дело наживное. Знание лучшего футболиста страны, хоть я и рассматриваю его как аванс, — огромный стимул. Однако нынешний сезон, и особенно его начало, складывался для меня не слишком удачно. Раньше игра шла как-то сама собой, а теперь я стал чаще анализировать свои действия на поле и глубже переживать их. Похоже, взрослою (недавно обзавелся семьей) и понимаю: от неудач в спорте не застрахован никто, и надо научиться делать из них правильные выводы. Так что в будущем и я, и другие футболисты «Днепра» надеемся снова претендовать на звание лучшего игрока года.

«Давно слежу за спортивной биографией О. Тарана. Было очень обидно, когда этот способный форвард после своих громких успехов в юношеском футболе, повзрослев, растерялся в массе серых игроков. Олег сменил немало клубов, но лишь оказавшись в «Днепре», смог вновь обрести себя. В чем секрет этих превращений?»

**Валентина Лукьяненко,
Ворошиловградская обл.**

О. ТАРАН. Выступая в юношеской сборной страны, я колесил по различным международным турнирам, завоевывал на них призы лучшего игроку и бомбардиру, а изредка, возвращаясь в Киев, играл за дублирующий состав динамовцев. Вообщем-то я считал себя не слабее основных игроков, но у киевлян во главу угла всегда ставилась сыгранность, а же все со сборной да со сборной — юношеской, юниорской, молодежной. Успехи в сборных добывали мне уверенности в себе, которая, возможно, на каком-то этапе переросла в самоуверенность. Так или иначе, но прослужив на скамейке запасных я не пожелал и отправился утешать себя по городам и весям. Однако в жизни есть масса проблем, помимо чисто футбольных. И если юношей я мог рассчитывать на чей-то добрый совет, пример, подсказку, то теперь часто приходилось надеяться только на самого себя. Но не так уж велик был мой житейский опыт, чтобы безошибочно находить верные решения в различных противоречивых, острых ситуациях. Вско приходилось в эти годы, но футболу я ни разу не

изменил и все еще упорно верил, что приложусь когда-нибудь любимой игре.

Свои первые шаги в футболе я делал в Никопольском районе. Предложение вернуться домой поступило, пожалуй, в самый трудный для меня момент: я несколько месяцев находился в ЦИТО, залечивал ляжковую травму, и никто из товарищей по команде — я выступал тогда в ЦСКА — ни разу не зашел справиться о моем здоровье. А тут вдруг оказалось, что я кому-то нужен. «Днепр» терпеливо ждал моего возвращения.

Наверное, это и есть тот случай, когда игрок и команда нашли друг друга. У нас сейчас сложился настоящий коллектив, живем словно одна семья. И игра, и тренировки — все в радость. Еще бы травмы поменьше, но и те дома, по-моему, быстрее заживают.

«Во многих спортивных играх командой руководит дует тренеров, реже — трою. В футболе же, как правило, кроме тренера, есть и начальник команды. Каковы его обязанности в коллективе?»

**Владимир Бони,
Москва.**

Г. ЖИЗДИК. Старший тренер осуществляет учебно-спортивную работу в клубе, в компетенции начальника в основном вопросы воспитательные. Человек приходит к нам в коллектив в 18—20 лет и растает с ним, едва достигнув тридцати. Годы, отдавая большому спорту, должны навеселем оставлять яркий след в его сердце. Надо много работать с «сырьем» юношами, чтобы, пройдя через горнило футбольных схваток, в дальнейшую жизнь они вышли настоящими мужичинами. И здесь мало стараний одного начальника команды, необходим прочный союз и тренера, и коллектива, и врача, и массажиста, и администратора, то есть всех людей, умудренных жизненным опытом, ответственных за судьбу команды. Мы в своей работе избегаем мелочной опеки футболистов, доверяем игрокам. Постоянно встречаемся с их семьями, внимательно следим и за дальними шагами игрока, покинувшего команду. Со стороны результаты, наверное, виднее, но могу сказать, что нам с В. Емцем за все годы совместной работы не пришлось краснеть из-за того, что кто-то из ребят совершил аморальный поступок.

Все игроки нынешнего «Днепра» либо уже имеют высшее образование, либо учатся в институтах. За последние три года семеро стали коммунистами и пятеро кандидатами в члены КПСС. Жизнь команды, и не только воспитательный ее аспект, — сложный и многогранный процесс, требующий неустанный работы, и с полной ответственностью могу заявить, что сейчас у нас в коллективе все в порядке.

**Интервью вел
Сергей АЛЕКСАНДРОВ.**

ет умело, тактично, без показухи, окрика, менторства, которым, к слову сказать, часто заменяют наставничество. Искренность, истинное слово, обращенное к молодому человеку, всегда — совершенно убежден в этом — найдет отклик в душе...

...Лишь спустя два года после окончания войны, в сорок седьмом, я стал учиться в открывшемся в Горьком театральном училище, причем экзамены сдавать мне на этот раз не пришлось, так как курс набирал тот же педагог, что и в сорок четвертом году, и мне были зачтены результаты первых экзаменов. Тогда же поступили в училище и стали моими однокурсниками ныне известная киноактриса Людмила Хитяева, которая, к слову сказать, собиралась стать врачом, и мой нынешний коллега по театру Михаил Зимин. Так сложились наши судьбы: молодыми учились с Мишей на одном курсе в Горьком, а ныне состоим в одной московской труппе во МХАТе.

В 1951 году я окончил училище и получил назначение во Владимирский областной драматический театр. Мне предлагали остаться в Горьком, играть в ТЮЗе, но я тяготел к «взрослому» театру и уехал во Владимир. Там я познакомился и подружился с Владимиром Кашпуром, актером редкого таланта и обаяния. Сегодня Володя, мой одноклассник, также работает в Художественном театре. Кинозрители знают его по многим фильмам.

Во Владимире проработал три года, которые не прошли для меня бесследно. Не очень многое, но кое-что стал понимать. Например, то, что театр — это профессиональная работа. А это очень ответственно, как, впрочем, все, что человек начинает впервые делать профессионально. Понял, что жизнь периферийного актера — беспокойная и многотрудная жизнь со множеством почти ежедневных выездных спектаклей на десятки близких и дальних площадок в различных районах области. Возвращаясь с этих выездов часто почти ночью, а утром надо быть бодрым, готовым к очередной репетиции. Периферийный актер играет много больше спектаклей, чем столичный, условия работы более жесткие. За три года я сыграл 23 роли! Помню, играл Меркуцио в «Ромео и Джульетте», почтмейстера в «Ревизоре», Лукинса в «Ночи ошибок»...

После трех лет работы во Владимире я вновь стал... студентом, поступил на третий курс Школы-студии имени Немировича-Данченко при МХАТе. Почему? Понял: надо еще учиться. Почувствовал

Меня часто спрашивают: когда и как родился в вас актер? Я не могу ответить на этот вопрос. Мне даже кажется, что точно на этот вопрос не ответит ни один из моих собратьев по «цеху». Но одно я берусь утверждать наверняка: в актерство человека приводит неумемное беспокойство, неприятие никакой иной профессии.

То есть молодой человек может, конечно, пойти после школы на производство, поступить в любой институт, окончить его и какое-то время работать по специальности. Но страсть, это удивительное состояние души, рано или поздно бросает человека в объятия навсегда любимого дела.

Ведь учился в Горном институте Евгений Урбанский, в университете — Ия Саввина, Андрей Мягков, работала после окончания вуза в конструкторском бюро Ирина Архипова... Я мог бы привести много таких примеров. Просто в каждом конкретном движении души разные скорости.

...Мой отец был рабочим, в свободное время пел в хоре, обладал прекрасным басом. Старший брат, Сергей, играл в знаменитой «Синей блузе». Естественно, это подогревало во мне, совсем еще мальчишке, какие-то смутные, непонятные желания, душевные волнения, которые, впрочем, не были решающими. Как многие дети, я просто любил представлять, во что-то играть.

Мне было пятнадцать лет, когда началась война, и я стал работать слесарем на горьковском заводе «Красная Этна».

Честно говоря, уже не помню, с какой скоростью я приближался к мысли стать актером, но, забегая немного вперед, скажу, что в 1944 году сдавал экзамены и был принят в студию при драматическом театре имени Горького. Учиться тогда мне не пришлось: не отпустил завод, нужны были рабочие руки... В свободное от работы время играл в спектаклях любительского драмкружка, был ударником в самодеятельном джазе. И продолжал работать слесарем.

Руководил драмкружком в заводском клубе актер горьковской драмы Виталий Васильевич Соколов. И хоть был я в том коллективе на случайных, так сказать, ролях, Виталий Васильевич присматривался ко мне и часто, идя со мной домой после репетиций (а жили мы рядом, километрах в семи от клуба), много и интересно рассказывал о театре, его истории, приоткрывал шторы в совершенно неве-

Автобиографии

Евгений ЕВСТИГНЕЕВ,
народный артист СССР

домый мне мир. Пока мы шли наши семь километров, я заслушивался его монологами, лишь изредка и робко о чем-то спрашивая у Виталия Васильевича. То были первые мои театральные университеты, первое прикосновение к таинству, постигать которое — тогда я об этом и не подозревал — придется мне всю свою жизнь. Вот уже тридцать восемь лет как приобщился я к театру, но до сих пор сцена продолжает очаровывать меня своей тайной, которую не дано, видимо, отгадать никому.

В ту нелегкую военную пору я проходил еще одни университеты, главные в жизни каждого человека, — университеты труда. Как знать, не тогда ли научился по-настоящему ценить трудовую копейку, понял цену заработанному куску хлеба... Рядом со мной работали взрослые люди и много моих ровесников — такие же подростки в замасленных тужурках, худые, полуголодные, с не по-детски серьезными глазами, в которых часто таилась и грусть, и боль: с фронта приходили невеселые вести, кто-то получал «похоронки»...

Сегодня я вспоминаю этих ребят, которые и домой-то редко уходили с завода, там же, недалеко от своих рабочих мест, забывались в коротких полуснах, потом снова становились к станку, брали напильники, сверла, лопаты, метлы... Это было **нормой**, нормой ежедневного существования пацанов, у которых война отобрала, украла самую прекрасную пору — детство, отрочество. Пору, когда возникает первая, еще робкая влюбленность, рождающая мечты о будущем...

Мне думается, я хорошо знаю современную молодежь. В абсолютном большинстве своем — умные, честные люди. И очень чуткие на правду и ложь. И претензии, если они возникают, надо бы предъявлять не столько к молодым, сколько к тем, кто с молодыми работает. Потому что «на корню», как говорится, каждый наш молодой человек рожден в **однородной** — справедливой! — социальной среде, и «достучиваться» до самых глубин его совести следу-

ВЕЧНО

опасность заштамповаться, испугался, что, заштамповавшись, и вовсе потеряю себя как актера. Интуитивно потянулся к более высокой, более прочной, что ли, театральной культуре, к общению с большими мастерами. Между прочим, то же самое почувствовал и Володя Кашпур. Кажется, на следующий год или через два года он тоже приехал в Москву и, как и я, поступил в школу-студию.

Когда его приняли на третий курс, преподавательница французского языка сказала Виктору Яковлевичу Станицыну:

— Как же быть с ним? Он ведь не прошел нашего курса.

Виктор Яковлевич взглянул на нового студента — явно не княжеская внешность, в салонных сценах едва ли понадобится. Улыбнувшись, ответил:

— Поставьте Кашпуру зачет, ему француз не играть.

Недавно в фильме Киевской киностудии «Капитан Фракасс» по приключенческому роману Готье Володя сыграл... француза. Узнав об этом, я сказал ему:

— Свят, свят! Не боишься провала?

— Успокойся, — ответил он, — играю... слугу.

...Итак, я поступил на третий курс школы-студии МХАТа. И это было нелегко. Во-первых, в школе-студии был строгий отбор. Да еще сразу на третий курс. Но главная, пожалуй, трудность была иного характера: сложно было психологически настроить себя на повторную учебу после трехлетней работы в профессиональном театре, подавить в себе себя, профессионала. И то, что я смог это сделать, считаю своей **первой победой в жизни**. Положение усугублялось еще и тем, что я был самым великовозрастным студентом, мне было двадцать восемь лет, а рядом сидели совсем юные ребята — Миша Козаков, Таня Доронина, Олег Баилашвили, Витя Сергачев...

В 1956 году окончил школу-студию и был принят

в Художественный театр. В это время группа молодых актеров во главе с двадцатидевятилетним Олегом Ефремовым, работавшим в ту пору в Центральном детском театре, готовилась к созданию своего театра. Входил в эту группу и я. Как говорится, денно и нощно репетировали мы пьесу Виктора Сергеевича Розова «Вечно живые». Выбор этой пьесы был не случаен: заложенные в ней мысли, моральные принципы, высочайшая гражданственность и публицистичность полностью отвечали нашим представлениям о будущем театре. И несмотря на то, что пьеса была о военных годах (позже по ней режиссером Калатозовым и оператором Урусевским был снят прекрасный фильм «Летят журавли» с Алексеем Баталовым и Татьяной Самойловой в главных ролях), основным объектом нашего внимания становились современность, современное осмысление понятий о чести, совести человека, нравственные проблемы его сегодняшнего дня.

Театр был назван «Современник».

Главным событием в своей актерской судьбе считаю встречу и продолжающуюся вот уже более тридцати лет творческую и житейскую дружбу с Олегом Николаевичем Ефремовым. С ним подготовлены почти все роли, сыгранные в «Современнике», а затем и во МХАТе, куда в 1971 году я перешел вслед за своим добрым другом и руководителем. В начале этих «мемуаров» я утверждал, что не могу ответить на вопрос, когда родился во мне актер. Так вот сейчас начинаю думать, что, пожалуй, к началу моего творческого содружества с Олегом Николаевичем и относится это самое рождение.

Впервые снялся в кино в 1956 году, сразу после окончания школы-студии. Режиссер Владимир Петров пригласил меня на эпизодическую роль полковника Петерсона в фильме «Поединок» по Куприну. Видимо, со стороны моя полнейшая беспомощность на съемочной площадке выглядела смешно. Для меня же каждое пребывание перед кинокамерой было глубоко драматичным и мучительным. Я постоянно забывал текст, сильно смущался не только этим обстоятельством, но и несколько вольным со мной, дебиотантом в кино, обращением сотрудников съемочной группы, которые не принимали во внимание мое состояние. А состояние было жутким...

Когда фильм сняли и для меня, как говорится, все злоключения остались позади, сотрудники группы были приятно удивлены: они совершенно не ожида-

ролью продолжается еще долго после премьеры. Но ведь однажды эта работа заканчивается. Да и саму роль перестает играть, спектакль сходит с репертуара... И так всю жизнь: роль сыграна и... ушла. Навсегда. В кино это происходит сразу, в театре, слава богу, нет. И все-таки потеря. Но это не трагедия. Потому что любая роль, хочет актер того или не хочет, что-то оставляет в нем. Порой даже трудно, почти невозможно сказать, что именно. То же происходит в жизни любого, мне кажется, человека. Строителя, например. Вот построил человек дом, и живут в том доме люди. А строитель работает уже на другой площадке. Но ведь в том времени, когда строил человек предыдущий дом, что-то было! Дом-то он, может, строит такой же самый, но время не повторяется! Уже хотя бы потому, что оно уходит. В молодости «соришь» временем, все кажется нескончаемым, чуть ли не вечным. И тем дорожке становится все, что делаешь. Понять бы это лет сорок назад...

Никаких увлечений, так называемого «хобби», у меня нет. Впрочем, люблю рисовать. Как-то встречаю одна у меня случилась. Отдыхал я в санатории «Переделькино» под Москвой. И встретил там знакомого журналиста. Года за два до этого он «допрашивал» меня для одной газеты. А тут увидел с мольбертом, красками и решил совместить приятное (отдых) с полезным — взять у меня еще одно интервью. Пошли мы с ним в лес, я выбрал место, устроился, начал что-то набрасывать. Наблюдает он за тем, что я делаю, и спрашивает:

— Евгений Александрович, увлечение рисованием как-то связано с главным делом вашей жизни — драматическим искусством?

Что ему ответить? Раз мольберт — выводит: работает-де «по-крупному», не баловство, не вообще рисует, пишет! А с моей стороны — всего лишь попытка узнать, как это — рисовать на мольберте. У меня есть друзья-художники. Бывая у них, подсматривал, как они работают. И заразился.

А журналист дотошный:

— И почему именно натура, а не портрет, не графика?

А я и сам не знаю, почему. И раньше бывал на природе, но замечать ее стал лишь недавно. Может, возраст?..

Подумал и ответил тогда:

— Давайте сделаем такой вывод: мое занятие живописью — это несерьезно. К тому же как зритель я еще не умею смотреть живопись. Мне может

бывает жаль, что не успеваю ответить на них, поделиться с людьми какими-то своими наблюдениями, размышлениями. А нужда в этом всегда есть у любого человека, что-то пережившего в жизни, разобравшегося в ней. Роли же, как известно, не всегда дают актеру возможность конкретно и убедительно высказаться о чем-то наблевшем. Вот я и хочу воспользоваться предоставленной мне «Смерной» возможностью и попытаться ответить на некоторые вопросы, задаваемые обычно молодыми людьми. Не стоит, наверное, повторять вопросы, буду отвечать на них так, чтобы читатель сам мог догадаться, о чем спрашивали. Итак...

У актера постоянно есть два врага — так сказать, внутри и вне. Внутренний враг — это постоянная неудовлетворенность актера тем, что он делает. Заметьте, я говорю исключительно о случаях честного отношения к себе и своему делу. Актер часто входит в противоречие с чем-то эдаким в себе, что и объяснить невозможно словами... А внешний враг — слава, популярность, которые, бывает, ограничивают пылливость, интерес к жизненным явлениям, человеческим характерам. Это может плохо кончиться, однажды стать трагедией. Человеческой трагедией. Даже для талантливого человека. Конечно, наша профессия на виду, она, так сказать, предполагает известность, но эта известность не должна губить в актере страсть работать, познавать, постигать. Это и только это движет любого человека к совершенству в профессии. А слава, известность... что ж, пусть себе идут где-нибудь рядом, если уж им так хочется. Не впереди, чтоб не заслоняли саму работу, дело, а рядом. И не шелестели особенно. Потому что сегодня — слава, а завтра может случиться такой неуспех, что никакая слава тебе не зачтется, не поможет... Никто из нас, актеров, не застрахован от неудач, но важно почувствовать ее, важно, чтоб эта неудача какое-то время болела в тебе. Тогда, по-моему, можно двинуться дальше.

Есть у нас и иные трудности, о которых в общем-то не часто говорят. Но я скажу. Например, человек другой профессии, если он заболел или у него в семье печальное событие произошло, может не выйти на работу, взять, скажем, больничный лист и так далее. Актеру это сделать сложно: назначен спектакль, и надо идти в театр и играть. При этом нельзя, не принято говорить, что сегодня играл неважно, потому что несчастье или температура... Зрители тут ни при чем, они заплатили деньги, и ты, будь добр, работай: это твой профессиональный и гражданский долг. Именно так, как правило, и бывает в нашем деле, в нашей актерской жизни. И не может быть иначе, если ты настоящий актер и честный человек. Вот вам примеры. Ни одного из своих спектаклей не пропустил Андрей Миронов в очень тяжелые для него дни прощания с отцом. Никто не заставлял Николая Афанасьевича Крючкова разрезать на ноги гипс и ехать на съемку картины «Суд». Никто не заставлял 34-летнего умирающего режиссера Владимира Скуйбина руководить съемкой. Никто не заставлял Жюно Урбанского рисовать жизнью на съемках фильма «Директор»...

Печальные примеры, но это примеры подлинной человеческой совести и актерской доблести, подвига, если хотите...

За годы своей работы я многое открыл в искусстве и в жизни и не меньше... закрыл. Самое большое открытие — человек! А в нашей профессии «рыть» приходится постоянно. Я многих научился видеть. Видеть и понимать поступки, движения души. Помог чисто житейский и профессиональный опыт. Забавным, даже нелепым выглядит тот, кто думает, что не обнаружен. Рано или поздно все в нем становится понятным. Не до конца, конечно, потому что до конца никто непостижим. Но главное в человеке со временем становится отчетливо видным. Даже случайный взгляд, случайно брошенное слово (а уж о поступке и не говорю) — это всегда характеристика. Правда, какой-то мудрец сказал, что слово дано человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Это с одной стороны. А с другой — «слово не воробей». Прежде подумай, а затем говори. А сказал — отвечай за сказанное...

К хорошему человеку тянущся, от плохого не бегу, присматриваюсь, изучаю, это пригодится в работе. Хотя так порой хочется убежать от такого подальше. Одна из «прелестей» нашей профессии — нельзя убежать от плохих людей.

В жизни меня окружают люди честные, совестливые — подлинные. Один из них, повторяю, мой учитель на театре и добрый друг Олег Николаевич Ефремов.

Когда я говорю о том, что интересен человек, то имею в виду абсолютно каждого. Независимо от того, на виду ли он или живет не замеченным другими. Интересен человек именно в момент сопротивления, преодоления в себе чего-то... И негативного, и позитивного, естественно. Вернее сказать, человек интересен в момент утверждения в

ЕУЧЕНЬЕ

ли, что в небольшой эпизодической роли, сыгранной начинающим в кино актером, выявится какая-то живинка. Удивился и режиссер фильма.

— Где нашли этого актера? — спрашивал он после просмотра.

И я стал регулярно сниматься. Помню, когда получил приглашение на роль профессора Плейшнера в многосерийном телевизионном фильме режиссера Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», засомневался в конечном результате своей работы. Дело в том, что участие этого персонажа в фильме было фрагментарным, вызвали меня на съемки с большими перерывами, и я не имел возможности проследить единую, сплошную линию роли. И поэтому очень волновался, когда вместе со всеми смотрел в те вечера фильм. Совершенно для меня неожиданным было то, что роль «срослась», собралась в единый характер, человеческую судьбу. Много в-ту пору, когда вышел фильм, говорили о придуманной мною походке Плейшнера. Я улыбался. Улыбались и те немногие из моих друзей, которые знали, что походка эта появилась раньше, чем был произнесен перед кинокамерой первый текст Плейшнера. Как, почему такое случилось (обычно ведь бывает наоборот), не берусь объяснить.

Роль, как мне кажется, надо играть легко. Если думаешь, что порученная тебе роль далека от тебя, не берись за нее. Но лучше всегда думать наоборот: смогу, во мне есть все для этой роли! И если трудно — трудись и преодолей. Главное — верить в свои возможности. Я всегда примечаю, что со мной происходит на первых репетициях. Если легко, если какие-то отдельные сценические куски сразу получаются, вижу в этом залог будущего успеха. Впрочем, у каждого актера это ощущение возникает в различные моменты.

Знаете, о чем вдруг подумал? О том, что, в сущности, мы, актеры, живем на одних потерях. Не понимаете? Только что я сказал, что работа над

понравится картина, а критику или вообще знатку показаться ерундой. А я им верю.

— А себе? — не унимался мой знакомый.

Что мог я на это ответить? Могу ведь ошибиться: у меня нет достаточного зрительского образования. Это как в театре. Да, да. Ведь в чем задача театра? Воспитывать зрителя. Но какие-то навыки, какое-то начало в человеке уже должно быть! Ведь мы играем не для зрителя вообще, потому что он купил билет, а для человека, способного взволноваться, сострадать, обладать чувством юмора и так далее. Вот я про какое начало в человеке говорю... Верно, это относится не только к театральному зрителю. Скажем, музыка... Я пристрастен к классике. Мне дороги и песенные мелодии тридцатых, сороковых, пятидесятых годов. Дороги как память. Ибо я существую в движении жизни и, естественно, стараюсь сохранить душу для восприятия прекрасного в любой период своего существования... Не дело музыка на легкую и нелегкую. Музыка — это музыка, Звуки Времени, которые можно отразить равно и прекрасно, и нелепо в любом жанре — джазе, симфонии, песне...

Как многим из моих товарищей по театру и кинематографу, мне доводится встречаться со зрителями. Задают много вопросов — прямо из зала, в записках. Особенно молодые люди. И вопросы разные задают. Какие-то кажутся неинтересными, уже хотя бы потому, что их задают всем артистам подряд: «Как вы стали артистом?» или «Над чем сейчас работаете, где снимаетесь?». Я понимаю, людям и про это интересно узнать, но согласитесь, что ответы на такие вопросы — чистая информация, ничего, как говорится, не дающая ни ему, ни сердцу. Ну что, скажите, узнает зритель о самом человеке, приняв такую информацию? А ведь, подозреваю, зрителя все-таки интересует личность художника, независимо от того, актер он или композитор, писатель или скульптор.

Но есть вопросы интересные. И мне самому

себе чего-то важного, когда надо решать извечное гамлетовское «быть или не быть»... И еще. Уверен, что любой из нас непредсказуем, даже парадоксален. Только парадокс одних несет в себе добро, других — опасность.

Я начинал свой трудовой путь на заводе. Сорок с лишним лет назад. Изменился ли сегодня молодой рабочий по сравнению со своим ровесником времен моей молодости? Думаю, что очень изменился. Духовно, нравственно. И я не открою никаких «америк», если скажу, что современный молодой рабочий — это прежде всего высококвалифицированный профессионал. Да и в быту это далеко не тот человек, что был раньше. Естественно, быт изменился, стал совершенно иным. Сегодня я много чаще, чем раньше, вижу молодого рабочего в театре, концертном зале, на художественной выставке. Меняются люди. А значит, и мы должны меняться, те, кто трудится в искусстве. Должны быть глубже, точнее, конкретнее. «Обратная связь» не случайно придуманное словообразование. Всегда так было: мы, актеры, — народу, народ — нам. Жизнь, люди в ней, характеры, проблемы — все это питательная среда искусства. А само искусство, театр, в частности, — место, где очищаются человеческие души... Если ты, актер, перестаешь быть активным в жизни, если твой зритель знает больше того, о чем ты можешь сказать ему со сцены или с экрана своим искусством, своей душой, нервами, **своей правдой**, совестью, миропониманием, зачем ты? Зачем твоё искусство?

Так уж устроен человек, что не любит демонстрировать свои недостатки. Достоинства — пожалуйста! А недостатки — шутишь...

Между тем каждый имеет возможность подумать о себе критически. Вот уж точно парадокс: есть возможность, а ею не пользуются.

Идеал в профессии? В жизни?

Я не уверен, что идеал и в жизни, и в профессии нечто конкретное, четко обозначенное, вернее, ограниченное какими-то рамками. Тому, кто так думает, могу лишь сказать: «Привет горячий! Достиг идеала? Ну сяди и любуйся на него, а я пошел дальше, мне некогда, дел по горло...»

К чему стремиться? Это, мне кажется, зависит в каждом случае от конкретной задачи. Поставлена перед тобой задача — подумай, как сделать, **чтобы было лучше**. Но без звона, без фанфар, спокойно, скромно. Трудись.

Идеал — это желание трудиться. Вот что такое, если хотите, идеал.

Талантливый человек?

В чеховском «Дяде Ване» Анна Андреевна называет некоторые составные части таланта: независимость, свобода мышления...

Талантливый человек — это способность быть самим собой. Это способность не только критически взглянуть на себя, но и откровенно — вместе с другими! — над собой посмеяться. Это способность первоначально, как ребенок, улыбнуться, удивиться, ахнуть, охнуть...

Доброта? Это, по-моему, сосредоточенность на заботах и боли других людей. Все остальное — что-то другое, только не доброта...

Как любой нормальный человек, я читаю книги. Я актер, и мне всегда близки писатели, в чьих книгах не просто драматическое действие, а внутреннее движение души героя или героев. Из современников мне особенно близки Шукшин, Белов, Рошди, Распутин, Ибрагимбеков, Айтматов, Трифонов, Бондарев... Эти люди остро видят правду и не лгут в своем творчестве.

Один из законов творчества, вообще настоящего дела — порядочность. Как актер я тоже стараюсь следовать тому же закону в своем деле.

Трудности естественны, если ты честен.

Совершенно неожиданное мое открытие в себе самом: оказывается, я могу заболеть. Как говорится, возможности те же, скорости другие.

Помните, я рассказывал о встрече в санатории? Так то был санаторий не для олимпийцев — кардиологический. Но до грусти по этому поводу еще далеко: я лишь чуть споткнулся в пути. Во всяком случае, у меня планы абсолютно здорового человека — жить и работать.

Ну, что еще? Пожалуй, последнее: мне пятьдесят девять лет, до сих пор женат.

Записал
Леонид ДНЕПРОВСКИЙ.

Сергей УСТИНОВ

ПОВЕСТЬ

МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОДЛОЖИТЬСЯ

Официант проговорился, это ясно. А может, не проговорился, а просто доложил? Может, это я его недооценил? И он перехитрил меня, сыграв дурачка, изобразив испуг? Нет, непохоже. Не могу поверить, чтобы в первом попавшемся мне официанте таился такой незаурядный драматический талант. Да и счет пока у меня, а это для него действительно угроза. Скорее всего он решил угодить и нашим, и вашим, захотел отделаться полуправдой тут и там. Ну что ж, ему же хуже. И тут я вспомнил, что не сообщил Горелову, из какой я газеты.

Как же они так быстро меня вычислили? Правда, я за эти дни поднял уже достаточно большую волну: побывал в школе, у Латынина дома, разговаривал с Диной. Нигде я не просил молчать о моем приходе, и если каждый, с кем я виделся, рассказал об этом хотя бы одному-двум знакомым, те еще двум и так далее, определить источник утечки теперь уже абсолютно невозможно. Тем более ясно, что какие-то выходы у этого Марата и его компании на окружение Латыниных имелись давно. Я подумал, что нельзя исключать и Кригера. Кому он успел рассказать, что собирается прилечь к этому делу меня?

Так, хорошо, отрицательный результат в науке, как известно, тоже результат. Неприятно только, что эксперименты ведутся на мне, однако тут уж ничего не поделаешь. Но почему тогда за мной начали следить лишь сегодня? Раньше я не замечал? Вряд ли. Ах да, официант! Если я прав и он действительно побегал докладывать, все встает на свои места. Я сделал ход — и вот ответ.

Похоже, с этим вопросом я разобрался. По крайней мере нашел разумное объяснение. Но тут же вставал следующий, на который у меня ответа пока не было: зачем? Зачем им это понадобилось? Боятся, как бы я не напал на след? След чего? Глупость какая-то. Выискивают момент, чтобы меня прикончить? За что, я же ничего толком еще не узнал. Разве что превентивно... Нет, малоправдоподобно. И тут меня осенило.

Господи, а вдруг они тоже ищут Латынина? Предположим так: еще не ясно, по каким причинам парень поспорил с шайкой, куда его вовлекли, и сбежал от них, прихватив к тому же пистолет. Его он отдает Кригеру, при этом все ему рассказывая. Кригер начинает проявлять активность, и его убивают, а Латынин скрывается. Где — такая же загадка для Марата, как и для меня. Но у него, вероятно, гораздо меньше возможностей для поиска: не может же он прийти с расспросами в латынинскую школу, к нему домой. В качестве кого?

Так вот что получается: корреспондент, сам того не зная, теперь для них не помеха, а главная надежда! Я по достоинству оценил этот остроумный ход. Значит, я должен найти им Латынина, а дальше...

Дальше холодок вдоль спины. Мертвый Кригер на полу лифта.

Я чуть было не крутанул баранку, чтобы стать к тротуару. Но вовремя удержался и просто сбавил скорость. До Лианозова оставалось совсем немного, а мне нужно было время подумать. Зеленый фургон неотступно следовал за мной.

Предположим, что Латынин действительно у Жильцова. Выходит, ехать туда означает прямо играть на них. Но если я ни с того ни с сего поверну сейчас назад или начну от них удирать, они поймут, что я догадался. То, что они еще этого не понимают, было моим несомненным преимуществом, хотя я и не знал пока, на кой оно мне может сгодиться. Во всяком случае, расставаться с преимуществом мне почему-то не хотелось.

Можно иначе. Вон впереди магазин запчастей, зайти туда, купить какую-нибудь ерунду и поехать домой. Я представил себе их разочарованные рожи. И тут же понял: нет, нельзя. А если они сами как-то раздобудут адрес Жильцова? Пока я тут играю с ними в игры...

Продолжение. Начало в №17, 18.

Итак, надо ехать к Жильцову. Если Латынин там, позвоню Сухову, пусть присылает своих сотрудников. А в крайнем случае посажу его в машину и отвезу к нам в редакцию. Не будут же они в конце концов бросаться на нас среди бела дня! Впереди замаячил дорожный указатель «ЛИАНОЗОВО». Я решительно свернул направо.

Передо мной на пороге стояла женщина лет сорока в домашнем халате и смотрела на меня вопросительно.

— Простите, Витя дома? — спросил я.

— Нет, он уехал в город к преподавателю, будет вечером.

Да, за этой новостью не стоило ехать в такую даль.

Женщина хотела уже закрыть дверь, но, вероятно, ее в последний момент остановило мое растерянное лицо.

— Вы хотите ему что-нибудь передать?

Я замаялся.

— Мне нужно было с ним поговорить... А вы его мама?

— Да.

— Тогда, может быть, вы мне поможете? — Я представил-ся.

— Ну что ж, проходите. Извините только, у меня беспорядок, гостей не ждала.

Мы прошли на кухню и сели за стол.

— Чаю хотите?

— Нет, спасибо.

— Так я вас слушаю.

Я все искал, как исподволь начать разговор. Не нашел и брякнул:

— Видите ли, меня интересует не сам Витя. Я разыскиваю Сашу Латынина.

Она высоко подняла брови.

— Сашу Латынина?

И вдруг ни к селу ни к городу спросила:

— Извините, а удостоверение у вас есть?

— Да, конечно.

Аккуратно раскрыв книжечку, Жильцова внимательно сравнила мою физиономию с фотокарточкой.

— Давно вы его последний раз видели? — спросил я.

Она подняла глаза к потолку, будто бы вспоминая. Потом опустила их на меня.

— Сашу Латынина последний раз я видела сегодня утром. Но он уехал и сказал, что возвращаться не собирается.

16

Час спустя я вышел на улицу. Маргарита Ефимовна, так звали мать Жильцова, показала мне из окна, где во дворе стоит телефонная будка. Зеленый «Жигулей» нигде не было видно, но, когда я зашел в автомат, рядом возник парень в кожаной куртке, тот, что сидел рядом с водителем. Он стал подкидывать на ладони двушку, изображая из себя очередь. Я даже не стал прикрывать дверь. Набрал домашний телефон Феликса и, слушая однообразные длинные гудки, заорал:

— Привет, это я! Что? Очень плохо слышно! Да, я тут, в Лианозове. Какой, к черту, нашел! Им тут и не пахло, пустой номер, они его сто лет не видели! Что? Пустой номер, говорю! Да, конечно. Теперь там последняя надежда. Сейчас заеду в одно место — и туда! Ага, сразу позвоню. Ты все время будешь в редакции? Договорились!

Я повесил трубку и, не оглядываясь, быстро пошел к машине. Уже выезжая из двора, я увидел, что парень, даже не попытавшись изобразить, будто он звонит, опрометью бросился за угол. «Ничего, побегай», — злорадно подумал я.

На полдороге к центру я снова остановился возле автомата. На этот раз рядом никого не было. Мои преследователи решили больше не рисковать, да к тому же самое главное я им уже сообщил. Тем не менее я прикрыл на всякий случай дверь. Сначала я честно позвонил Сухову. Телефон у него не отвечал. Тогда я набрал другой номер. Поговорив, я двинулся дальше. 66-28 был словно привязан ко мне на веревочке.

Остался сбоку Савеловский. Я катил себе по Новослободской, потом по Каляевской, все время поглядывая в зеркало: не дай бог потерять своих друзей. Ибо теперь у меня был план, в который не входило наше немедленное расставание. Так, присматривая друг за другом, мы добрались до конца улицы Чехова, и здесь я свернул направо, к зданию «Известий».

Окинув взглядом площадь, я увидел с облегчением, что все идет, как задумано. Если дальше будет продолжаться так же, через четверть часа мой план должен осуществиться. Говоря шахматным языком, я намеревался реализовать свое преимущество и перехватить инициативу. Надоело быть мышкой, захотелось стать кошкой.

Я поставил машину в самом конце стоянки, идущей вдоль Страстного бульвара, почти у выезда на улицу Горького, вышел и не торопясь двинулся к памятнику Пушкину. Здесь, как обычно, роилась разномастная толпа. Длинноволосая, джинсовая, коротко стриженная, костюмно-отутюженная, с цветами, без цветов, ждущая любовного свидания или деловой встречи. И только невысокий пожилой гражданин, седой и коротко стриженный, который терся неподалеку от меня, боюсь, не подходил ни под одну из названных категорий.

Часы показывали, что я гуляю вокруг памятника уже четыре минуты. Пора, пора! Я потихоньку стал спускаться по ступенькам к фонтану. Фарфоровое небо лежало на дне гранитного бассейна, усыпанное облаками и блестящими, как рыбы, монетами. Перегнувшись через бортик, мальчишки ударили их палками с прикрепленным на конце куском пластика. Старуха в сером халате грозила им с другого берега. А навстречу мне шел Феликс Громов.

Когда между нами оставалось не больше пяти метров, он, не глядя на меня, едва заметно опустил голову. В следующую секунду мы разминулись. Деловая встреча состоялась.

Я еще постоял немного возле памятника, вспомнил, что скоро у великого поэта день рождения. Потом посмотрел на часы, демонстративно пожал плечами и побрел на стоянку. Краем глаза я подметил, что к седому тоже не пришли: он двинул прочь, прибавляя шаг. Ясное дело, ему ведь идти до машины дальше, чем мне.

Однако тронулись с места мы почти одновременно, видно, под конец бедняге пришлось бежать. Я вырлил под стелку, разрезающую поворот направо, на улицу Горького, они повторили мой маневр. Пропустив троллейбус, я повернул, они следом, но сразу остановились. В последний момент, бросив взгляд назад, я увидел, что седой выскочил из машины и забегал вокруг нее. Не теряя времени, я прибавил газу.

Но далеко уезжать я не собирался. Свернув направо в первый переулок, я заехал в глубокий двор рядом с новым зданием московской телефонной сети и там притулился в уголке. Теперь торопиться нужно было мне. Я скинул куртку и достал из «багажничка» кепку с длинным козырьком и темные очки, которые держал на случай неожиданного выезда на пляж. Я надеялся, что на большом расстоянии этот примитивный маскарад должен сработать. Потом я бегом бросился вниз, к улице Чехова, и, обогнув «Известия», снова оказался на площади Пушкина. Здесь, на углу возле кинотеатра «Россия», стояла наша редакционная «Волга». Я нырнул на заднее сиденье, за широкую спину Феликса. И увидел рядом с собой Лику.

— Странная у вас компания, — сказал я язвительно.
— Да вот увязалась, — недоброльно буркнул Громов.
Витка, наш шофер, повернулся ко мне. Его круглая физиономия расплывалась от восхищения. Такая работа ему нравилась.

— Порядок? — спросил я Феликса.
Он протянул мне телеобъектив от своего фотоаппарата. Я увидел вблизи, как седой закручивает гайки на колесе, а «кожаная куртка» помогает ему, опуская домкрат. Лица у обоих потные и злые, а солнце играет на катафотах аварийного треугольника посреди дороги.

— Чем? — поинтересовался я.
— Шилом, — мрачно ответил Феликс. — Но прошу больше мне таких поручений не давать. Ты тут играешь в сыщиков, а пятнадцать суток за хулиганство сидеть мне.

Седой швырнул слущенное колесо в багажник.
— Поехали, — сказал я Витке. — Только очень аккуратно. Наша машина тронулась и тут же остановилась.
— Ложись! — крикнул мне Феликс, и я упал на сиденье.
— Что случилось?
— Они разворачиваются, — объяснила Лика.

Я осторожно высунул голову. Зеленые «Жигули» проехали под самым нашим носом и повернули направо. Через несколько минут седой свернул с улицы Горького к Центральному телеграфу и ловко воткнул свою машину в узкую щель между двумя другими напротив главного входа. «Под глобусом», — вспомнил я и сказал:

— Похоже, у них тут постоянное место встречи.
Нам встать поблизости просто не нашлось места, пришлось проехать дальше. Но в телевик было видно, как оба, седой и кожаный, вышли из машины и пересели в другую, красную «шестерку». Минут через десять они вылезли и оттуда. К ним подошел высокий худой парень с вытянутым лицом в спортивном адидасовском костюме, потом присоединился красавчик ален-делоновского типа, одетый в кремовые брюки и белый пиджак, из-под которого виднелась розовая рубашка с воротом алаш. Все они оживленно переговаривались, смеялись, изредка кто-то из них оборачивался, махал рукой знакомым. Я заметил, что каждый вертит в руках ключи, вероятно, от машины.

— Что у них, клуб здесь, что ли? — изумленно спросил Витка.

Феликс отнял у меня телевик, прикрепил на фотоаппарат и сделал несколько снимков.

— Фотообъектив обвиняет, — сказала насмешливо Лика.

— Ребята, — попросил я, — глядите в оба, нет ли тут где бронежета ростом метр восемьдесят в затемненных очках.

Но человека, похожего по описанию Горелова на Марата, не было.

Наконец, наша парочка, как видно, наговорилась. Седой взглянул на электронные часы, установленные на фасаде телеграфа, и оба вдруг заторопились. Пять минут спустя мы пересекли Большой Каменный мост и свернули налево по набережной в сторону Пятницкой. Вскоре их «Жигули» остановились возле входа в метро «Третьяковская».

Тут произошло вот что. Молодой выскочил на улицу, но в метро спускаться не стал и вообще никуда не ушел, а покрутился вокруг, неожиданно встал позади стенов с газетами и, кажется, принялся усердно их читать. Седой спокойно сидел в машине.

— Неужели они за этим сюда приехали? — спросила Лика.

— Подождем, — рассудительно сказал Феликс.

— Давайте я пойду посмотрю, что он там читает! — азартно предложил Витка.

Но я был согласен с Феликсом.

Никто из нас не понял, откуда взвился парень, который сел в машину к седому на заднее сиденье. Мы даже не успели толком разглядеть его. Одна Лика утверждала, что заметила у него в руках пакет, завернутый в газету, вроде большой книги. Впрочем, неумудрено. Кончался рабочий день, народу перед метро сновало тьма-тьмушак.

Даже с помощью телевика невозможно было понять, что они там делают, объектив все время заслоняли идущие мимо прохожие. Кажется, оба склонились над задним сиденьем и что-то рассматривали. Потом несколько минут они поговорили, и парень вылез. В руках у него действительно был завернутый в газету пакет. Меня поразила его одежда: какие-то короткие, не по росту, стрейчродовские штаны цвета хаки, стертые резиновые полукеды и дешевая ковбойка. Странный наряд для человека, с которым имеет дело седой!

Все три последующих действия произошли одновременно, и поэтому я в первый момент растерялся.

Парень с пакетом двинулся вниз по ступеням метро.

Зеленые «Жигули» стали отъезжать от тротуара.

А из-за стенов с газетами появился кожаный и бросился вслед за мелькавшей в толпе ковбойкой.

— Феликс, — почти крикнул я, — их двое, бери Лику — и за ними!

За что я люблю Громова — ему не нужно повторять дважды. В этом смысле Лика оказалась ему подходящей парой. Они выскочили, и Витка с места рванул так, что у меня с головы слетела кепка.

С Большой Грузинской, куда мы благополучно проследовали за ним в толпе машин, седой свернул в один из переулков, покрутился немного дворами и остановился у четырехэтажного кирпичного дома. Здесь он поставил машину у среднего подъезда, закрыл ее и зашел в парадное.

Я прикинул, что лифта в таком здании быть по идее не должно, и, выждав несколько секунд, надвинул кепку поглубже на глаза, и нырнул за ним следом. Его шаги раздавались уже где-то на площадке второго этажа. Стараясь попасть им в такт, я осторожно двинулся следом. Сердце у меня колотилось, как будто я только что сошел с дистанции.

На третьем этаже он остановился. Я тоже замер. Послышался звук открываемой двери. Я на цыпочках взлетел еще на один пролет. Он не мог меня видеть, его квартира находилась справа, а мне были видны только его ноги. И вдруг открылась квартира слева, прямо над моей головой.

Думаю, у меня был совершенно идиотский вид. Я стоял на одной ноге, раскинув руки и, кажется, даже высунув язык. На площадку выплыла дама в длинном шелковом халате, драпом и замызганном, с головой в редких розовых буклях. Я был перед ней как на ладони со своей перекошенной от напряжения физиономией, но она лишь скользнула по мне пренебрежительным взглядом.

— Александр Васильевич, — обратилась она к седому, — предупреждаю вас последний раз: если будете ставить машину у подъезда, мы вызовем милицию. Вот вы интеллигентный человек, инженер, университеты кончали, а такой простой вещи запомнить не можете. Общественность...

Я начал потихоньку спускаться вниз.

— Уберу, уберу, сейчас уберу, — ответил ей седой. — Через пять минут.

Обе двери хлопнули. Я снова взлетел вверх. Его квартира была под номером 28. Сбежав вниз, я хотел уже выйти на улицу, когда в голову мне пришла одна идея. Я подошел к почтовому ящику и заглянул в № 28. Там что-то белело. Ключ от почтового ящика Ниной квартиры, который все еще болтался на моей связке, хоть и не сразу, но подошел. Там лежали «Вечерка» и письмо с пометкой «служебное», какие шлют с телефонного узла. На письме было написано размашистым почерком канцелярского служащего: «Старикову А. В.». Я положил письмо и газету обратно в ящик и закрыл его.

Молодежное кафе помещалось в полуподвале старого дома, перелицованном наново. Позднее я узнал, что делалось это с помощью местных молодых энтузиастов, которые сами очистили от векового хлама двести пятьдесят квадрат-

ных метров бесхозной площади и превратили их в уютное местечко, изящно и со вкусом оформленное, вполне приспособленное для культурного проведения тематических вечеров, клуба интересных встреч и даже обыкновенного досуга. Это чудесное преобразование дало основание кому-то из остряков прозвать кафе «подвалом имени Веры Павловны». С легкой руки так и пошло: «Сегодня у Веры Павловны дискотека. Ты как?»

Когда я подыехал, перед входом стояла, сидела, курила большая толпа желающих культурно отдохнуть молодых людей. Но подвал был явно не в состоянии вместить их всех. Я вылез на тротуар и присоединился к ним. Из раскрытых окон кафе по ногам била музыка. Трое дружинников с каменными лицами охраняли неприкосновенность дверей. Я подумал, куда денутся сегодня все эти неполовавшие? Вот тема для дискуссии в газете: чего больше от единственного на весь район молодежного кафе — пользы или вреда?

Я огляделся. Воропаевой нигде не было видно. Зато с другой стороны переулка мне почему-то махала рукой незнакомая девица в короткой юбке, в полосатых гетрах на длинных стройных ногах, с распущенными волосами. Короче, такая, что не грех и познакомиться.

Не слишком уверенно я двинулся к ней, предчувствуя ее извинения и готовя широкую обаятельную улыбку заправского ходока. Наверное, у меня было очень глупое лицо, когда я подошел ближе. Передо мной стояла и счастливо ухмылялась, довольная произведенным эффектом, Светлана Николаевна Воропаева.

— Ну и как? — спросила она.
— Очень! — честно ответил я. — А вы не боитесь, что ваши ученики начнут вам «тыкать»?

— Ну, если даже вы этого не делаете... — засмеялась она. — К тому же у меня имеется собственная педагогическая теория на этот счет: я считаю, что ученики должны боготворить такого директора!

— Директором вам просто быть нельзя, — сказал я, разглядывая ее с откровенным восхищением. — Вы сами еще шаловливая девчонка — с этим сегодняшним маскарадом.

— Да почему вы знаете, где я настоящая, здесь или в школе? — ответила она насмешливо. — Пойдемте, нас уже ждут.

— Через эту толпу? — ужаснулся я.
— Нет, через служебный вход. Я же говорила, что меня здесь знают.

Мы зашли за угол, и моя проводница нырнула в подворотню.

— Только умоляю, — сказала она, — не называйте меня при людях Светланой Николаевной.

— Хорошо, — согласился я. — Буду вас называть «товарищ Воропаева».

— И прошу хотя бы сегодня говорить мне «ты».

— Понял. «Ты, товарищ Воропаева...»

— Пришли, — сказала она, открывая тяжелую, крашенную суриком дверь.

Через две минуты мы сидели за столиком в самом углу. В зале было почти темно, кроме трех-четырех тусклых плафонов, другого освещения не имелось, окна плотно зашторены. Я понял, почему директор не слишком боится разоблачения.

Музыка гремела так, что я не знал, услышим ли мы друг друга. По-моему, мы были единственными, кто сидел: все остальные танцевали. К нам подошел официант и поставил на стол два стакана с каким-то напитком. Я догадался, что это, вероятно, обязательный сок — своеобразная минимальная плата за посещение.

— Что вы тут собираетесь искать? — крикнула мне в самое ухо Воропаева.

Я пожал плечами.
— Понятия не имею! Кого-нибудь, с кем у Латынина могли здесь быть дела!

К нашему столику подсел парень с комсомольским значком на рубашке и протянул мне руку.

— Семенов! — едва расслышал я.

— Это председатель совета кафе! — что есть силы закричала Светлана.

Я понял, но показал пальцами на уши: ничего не слышно! Семенов кивнул головой и куда-то ушел. Через несколько минут рок сменился тихой танцевальной мелодией.

— Так лучше? — спросил он, подсаживаясь снова.

Я кивнул.

— Света мне сказала, что вы хотите кого-то здесь найти.

Я снова пожал плечами. Похоже, придется хотя бы в самых общих чертах изложить им историю латынинского грехопадения.

— Есть тут кое-какие фарцовщики, — сказал, выслушав меня, Семенов. — Немного, но есть. Вон сидит парочка.

Он показал на столик в противоположном углу.

— Только вряд ли они будут с вами откровенничать. Такой народ...

— Попробуем, — сказал я. — А вы отсыдьте от нас, если можно, чтобы не компрометировать...

Кто кого — я не уточнил.

— Ну, желаю удачи, — засмеялся он.

— Пойдем танцевать? — предложил я Свете.

— Пойдем, — согласилась она. — Хочешь, я возле их столика подверну ногу?

— Тебе не директором школы надо быть, — сказал я убежденно.

— А кем, заврано?

— Нет, Матой Хари.

Танцевала она легко и пластично. Я рядом с ней казался себе неуклюжим медведем.

Рисунок
Игоря
СУСЛОВА

— Ох! — сказала Светлана, очень натурально запрыгала, заковыляла на одной ножке прямо к интересующему нас столику и упала там на свободный стул.

— Что такое? — крикнул я, бросился к ней и усердно принялся растирать ей лодыжку. Она смотрела на меня сверху лукавыми глазами.

За столом сидели двое. Брюнет в джинсовой рубашке с короткими рукавами и блондин в майке с какой-то надписью. Ничего подробней при таком освещении рассмотреть было невозможно.

— Можно, мы у вас минутку посидим? — спросил я их. — А то, пока танцуют, через зал не пройду.

— Сидите, — лениво процедил брюнет.

Оба они не спускали глаз со Светланы.

«Вот это директор! — подумал я. — Какое воздействие на молодежь!» Но мне нельзя было терять времени.

— Где такие рубашечки дают? — спросил я брюнета. — В сельцо?

Он довольно кивнул.

— В нем.

— Давно хочу прикупить себе такую, — сказал я. — Нет на примете?

— Сейчас нет, — ответил он. Дескать, были и будут.

— А джинсов нет? — спросил я заинтересованно. — Только классных, фирменных.

Они переглянулись.

— Это можно поискать, — сказал наконец блондин.

— И почему?

Мне показалось, что брюнет сделал какое-то движение головой.

— Рупь шестьдесят, — произнес как бы нехотя блондин.

— Дорого! — сказал я убежденно. — У меня клиент есть, так он гонит по рубль сорок. Сашку знаете, Латынина?

Они снова переглянулись.

— Знаем...

— А вы у него, что ль, берете? — догадался я.

— Ну уж, только у него! — обиделся за «фирму» брюнет. — Еще люди есть.

Я достал пачку своих «Столичных», бросил на стол.

— Угощайтесь. Что-то я его давно не вижу. Пропал, не звонит.

— Спасибо, — сказал блондин, вытаскивая откуда-то пачку «Сэйлема», — у нас свои есть.

Он протянул сигареты Светлане, но она отрицательно покачала головой.

— Не курю.

— Правильно, — с важностью произнес брюнет, — берегите, девушка, здоровье.

Их, кажется, гораздо больше интересовала моя спутница, чем все мои разговоры. Выгодного клиента они во мне не усматривали — так, бесплатное приложение к классной девице, свалившейся неожиданно к ним за стол. Интересно, что бы они сказали, узнав, кем она работает? Но я упрямо гнул свое:

— Пропал, не звонит...

— Почему не звонит? — сказал блондин. — Мне звонит.

— Давно? — спросил я, закуривая.

— Да только сегодня.

— Есть у него чего-нибудь новенькое?

— «Соньку» свою сдать хочет. Я ее видел, нормальный аппарат, — ответил блондин и обратился к брюнету: — Ты видел, Толик?

Толик кивнул головой.

— Небось заломит...

— Ребята, если не возьмете, я на очереди, — сказал я. — Она у него где, дома?

— Не, — ответил блондин. — Он сейчас дома не живет, с предками полаялся. У нас с ним завтра стрелка на Маяке.

— Увидите его, скажите, чтоб Игорьку звякнул, он знает, — сказал я, поднимаясь, и повернулся к Воропаевой: — Ну что, прошла твоя нога?

— Прошла.

— Тогда двинули потихоньку. Да, кстати, во сколько стрелка-то? Может, я тоже подскочу.

— В двенадцать.

— Ясно, — сказал я. — У метро?

— Возле памятника.

— Пошли, хромоножка, — протянул я руку Светлане. А брюнету на прощание сказал: — Так в случае чего не забудь про рубашечку. Лады?

— Зверь, — сказала мне Воропаева, когда мы вернулись за свой стол. — Талейран!

— Повезло! — отмахнулся я. На самом деле все у меня внутри дрожало от возбуждения. Неужели действительно так повезло? А я, дурак, еще не возлагал на дискотеку надежд! — Кстати, — спросила Света, — что такое «сонька»?

— Черт его знает, — ответил я.

Было ясно, что больше нам здесь делать нечего. Но почему-то уходить не хотелось. И неожиданно для себя предложил:

— Может, еще потанцуем?

Уже стемнело, когда мы вышли из кафе на улицу.

— Ты где живешь? — спросил я.

— Рядом, — ответила она грустно. — Какие они все молодые!

— Сколько ж тебе лет? — поинтересовался я, открывая ей дверцу.

— Не спрашивай! Тридцать один.

— Во как! Ты почти моя ровесница.

Мы медленно покатали по темным переулкам.

— Слушай, — сказал я. — Прости за бестактный вопрос, но я вижу, у тебя нет кольца. Ты не замужем?

— Была, — ответила она. И добавила просто: — Но муж меня бросил.

Я стал хохотать.

— Что тут смешного? — спросила она подозрительно.

— Ничего, — ответил я. — Просто вспомнил старый анекдот. Идет человек по улице и видит, как из роскошной

машины вылезает женщина в норковом манто. Красивая, холеная, с умным лицом. Смотрит он на нее и думает: «А ведь у кого-то она в печенках сидит!»

Светлана тихонько засмеялась.

— Не знаю, мне обижаться надо или это комплимент?

— Как хочешь!

— Вот и мой дом, — сказала она.

Я остановился.

— К себе не приглашаю. — Тон у нее был извиняющийся. — У меня бабушка гостит из Семипалатинска.

Пока она легкой походкой бегом к подъезду, я думал о том, что мне уже осталось совсем немного, чтобы по уши влюбиться в директора своей школы.

18

Феликс был дома. Подъезжая, я увидел в его окнах свет. Интересно, есть ли у них с Ликой результаты. Неужели сегодня будут еще сюрпризы? Но я даже представить себе не мог, какие это будут сюрпризы.

Меня ударили дверью. Вас никогда не били дверью? Удивительное ощущение! Я вошел в темный подъезд, где после относительно светлого двора нельзя было различить даже, в каком направлении лестница. Пришлось на секунду остановиться, чтобы дать глазам привыкнуть к мраку. И в этот момент мне показалось, что на меня рухнула стена.

Это не был удар по затылку, по спине или по ногам. Это был апперкот справа огромным кулаком по всему телу сразу, и я полетел в темноту. В буквальном и переносном смысле.

Видимо, я пробыл без сознания всего несколько мгновений. Потому что, очнувшись, увидел над собой на фоне светлого дверного проема фигуру человека, который шарил по моим карманам. В первую секунду я больше всего испугался того, что не чувствую своего тела: подобно тому, как иногда не можешь найти спросонья в темноте выключатель лампы, я никак не мог разобраться, где у меня руки и ноги. Потом я ощутил, что в спину мне давит что-то твердое, и наконец сориентировался в пространстве: мое тело лежит на ступеньках головой вверх, а дух, вышибленный чудовищным ударом, витает где-то рядом.

Человек откинулся назад. То ли его силуэт расплывался у меня перед глазами, то ли он был отменно могучего телосложения. Я поразился тому, как спокойно все это отмечаю и фиксирую. Во всех членах была какая-то ватная воздушность и никакого желания закричать, позвать на помощь, хотя бы попытаться встать.

— Тут нет, — сказал задуманный голос.

— Переверни его, — ответил тихо другой.

И тут я понял, что это обо мне. Это меня надо зачем-то перевернуть! В одну долю секунды ко мне вернулись все ощущения разом. И первым был страх.

Я медленно подтянул ноги к животу, а руками схватился за край нижней ступеньки. Когда он снова стал склоняться надо мной, я еще больше уперся спиной и изо всей силы ударил его обеими ногами куда-то в грудь или живот.

Шум был страшный. Он, кажется, пролетел через весь подъезд и врезался в стену.

— Ах, сволочь! — крикнул кто-то из них.

Я вскочил на ноги. Голова у меня кружилась и гудела, но я готов был защищаться. Для начала я нашарил в темноте перила и поднялся на несколько ступенек вверх, заняв, так сказать, господствующее над местностью положение. Теперь мы с ними поменялись местами: я был в темноте, а они мелькали на фоне выхода.

На меня бросился первый. Инстинктивно я поднял руку, чтобы прикрыть голову. Удар пришелся по предплечью, боль рванула до самого позвоночника электрическим током, и рука упала, как чужая.

— Полегче! — крикнул второй.

Но первый зарычал что-то по-звериному и снова взмахнул палкой.

Я понял, что сейчас он меня убьет. И в последней отчаянной попытке спасти свою жизнь кинулся ему под ноги головой вперед. Он успел отскочить, а я по инерции проделал его недавний путь и врезался в угол. Оба повернулись, разглядывая, куда я улечел.

Меня спасло, в сущности, чудо. Вдруг декорации переменялись: на площадке второго этажа открылась дверь, послышался разноголосый веселый шум, зашаркало множество ног. Подъезд осветился каким-то отраженным блеклым светом, но и в этом свете я успел разглядеть громилу с палкой, задравшего кверху голову, а рядом с ним своего сегодняшнего знакомого в кожаной куртке.

— Шухер, — негромко сказал кожаный, а его приятель выругался.

Не обращая больше на меня внимания, они бросились вон. Я кое-как поднялся и, шатаясь, побрел наверх. Феликс жил на четвертом, но мне не меньше двух раз пришлось остановиться, чтобы передохнуть: так кружилась голова.

Я позвонил. Дверь открыла Лика.

— Ну, слава богу... — начала она и осеклась. По ее лицу я мог судить о том, что произошло с моим.

Феликс буквально на руках дотащил меня до дивана, и около моего тела захлопотала Лика. У меня была расцарапана вся физиономия — вероятно, я проехался ею по ступенькам после первого удара дверью. Потом огромная шишка на голове, дикая боль в копчике и онемевшая рука. Если окажется, что нет переломов и сотрясения мозга, можно считать, я дешево отделался. Осмотр карманов куртки показал, что пропало мое редакционное удостоверение, несколько не слишком важных бумажек, но среди них сакрамен-

тальный гореловский счет. По-настоящему жалко было только удостоверение.

Через полчаса я уже был в состоянии подняться. Голова больше не кружилась, на руке начали понемногу шевелиться пальцы. Вот только сидеть больно да нельзя дотронуться до шишки на лбу. И, несмотря на все их фальшивые возражения, я потребовал, чтобы они немедленно стали рассказывать.

Говоря, Лика и Феликс все время перебивали друг друга, уличали во взаимных мелких неточностях, ссорились, обижались и упоминали совершенно лишние подробности. Поэтому их рассказ я даю в своем кратком изложении.

Кожаный шел за парнем с пакетом. А Феликс с Ликой шли за ним. При такой толкучке в метро это одновременно легко и очень трудно. Короче, парень доехал до «Беляева», пересел там на автобус и вылез из него на улице Волгина. Дальше он прошел пешком два квартала, повернул к дому и направился в один из подъездов. Тут возникло замешательство в рядах преследователей. Кожаный затыркался, видно, в раздумье, как поступить, а потом решительно бросился следом. Феликс с Ликой решили, что им тоже больше ничего другого не остается. Так что в лифте ехала вся компания разом.

— Мне седьмой,— сказал парень с пакетом.

— Восьмой,— сказал кожаный.

— Девятый,— сказал Феликс.

Быстро спустившись на этаж, они, конечно, уже не застали там никого: кожаный тоже спустился ниже и наблюдал исподтишка за парнем. Когда дверь захлопнулась, кожаный вызвал лифт и поехал вниз. Похоже, его задача заключалась только в том, чтобы выяснить адрес. Наши кинулись по лестнице и увидели кожаную куртку только в конце дома, у выхода на улицу. Пока они добежали, он остановил такси и был таков.

— Упустили мы его,— сокрушенно вздохнул Феликс.

— Ничего, он потом найдет,— заметил я, массируя руку.

Тогда они вернулись обратно, потому что не знали точно, в какую квартиру на седьмом этаже зашел парень. Слышали только, что дверь хлопнула справа от лифта. Постояли у дверей, прислушиваясь, но так ничего и не определили.

Они оба замолчали.

— Все?— спросил я, разглядывая их загадочные лица.

— Нет, не все!

Оказывается, Лика, как всякая женщина, не смогла спокойно пройти мимо доски объявлений в подъезде. И там среди предложений по обмену, сообщений о пропащей собаке и проч. она в списке задолженников по квартплате увидела фамилию своего приятеля, с которым, правда, тысячу лет не общалась, но про которого слышала, что он получил квартиру где-то в этом районе.

Приехав к Феликсу, она сразу стала звонить разным общим знакомым и добыла его телефон. Позвонила ему и все выяснила про того парня с пакетом.

Я чувствовал, что их обоих прямо распирает от гордости за проделанную работу.

— Молодцы,— сказал я.— От лица командования выношу обоим благодарность. Как только смогу, пожу руку.

— Даме мог бы и поцеловать,— заметила Лика.

— В данном случае ты не дама, а боевой соратник,— ответил я.— Продолжайте!

Его зовут Валентин. Фамилия— Корсунский. Он какой-то полупрофессиональный, полусамодельный художник. Живет один. Летом разрезает по дальним районам на Севере и в средней полосе, предлагает местному населению свои услуги по оформлению стендов, плакатов и лозунгов. Но главное, кажется, не в этом. Вот уже много лет из этих поездок он привозит целые мешки с разной древней утварью: прялками, самоварами. И иконами. Зимой он большей частью сидит дома как сын. Говорят, рисует что-то, занимается реставрацией. Живет, видимо, подторговывая тем, что привозит.

К себе в квартиру никого пускать не любит. Но Ликин приятель как-то побывал там— помогал Корсунскому затащить вещи. Приятель говорит, что в квартире целый склад. Иконы висят на стенах, лежат на столе и даже на полу. Он в них не понимает, но есть, кажется, очень старые.

Вообще же Корсунский— мужик неплохой, но немножко чокнутый. Все.

Ни у кого из нас не было сомнений, что здесь готовится ограбление.

— Надо бы его предупредить,— сказал я.

— Уже,— ответила Лика.— Я попросила Геру подняться к нему и наметить, чтоб в ближайшие дни был поосторожней. Сказать, что, дескать, вокруг его квартиры вертятся какие-то подозрительные типы, расспрашивали про него. Между прочим, это почти все правда.

— А Гера ты что объяснила?

— Да ничего!— беспечно махнула она рукой.— Мы с ним старые знакомые. Сказала: по агентурным данным.

Феликс настоял, чтобы сегодня на диване спал я. Он ушел провожать Лиду, а я лежал и думал. Мне было над чем поразмыслить.

Например, что они искали у меня в карманах?

Или: почему кожаный крикнул громиле «полегче»?

И, наконец, откуда им известно, что я живу у Феликса?

19

За завтраком у меня, наверное, был очень неважный вид— сужу по тому, как участливо ухаживал за мной Феликс, подливая мне кофе и готовя бутерброды. Я плохо спал ночь. Все тело болело так, будто я побывал в барабане стиральной

машины. Меня мучили кошмары, и к утру появилось ощущение, что после этой стирки тело мое еще слегка отжали. Короче, я был совершенно разбит и мне не хотелось даже думать о том, что надо куда-то выбираться. Я и не думал. Я просто знал, что выбираться придется.

Молча поев, я закурил первую сигарету, а Феликс взялся за мытье посуды. Вдруг он сказал без всякой связи:

— Они искали твой блокнот.

Я автоматически кивнул и только потом сообразил, что мы с ним, оказывается, все утро думаем об одном и том же и в одинаковом направлении. Да, пожалуй, так. У них не прошел номер использовать меня по части таскания каштанов из огня, и они не знали, нашел я в тот вечер Латынина или нет. А знать, видимо, очень хотелось. И они решились на такую крайнюю меру.

Ох, как же он им нужен, этот Саша Латынин! Я понимал, что тут прямая зависимость: чем больше он нужен им, тем больше он нужен мне.

Догадывался я и о том, почему кожаный крикнул «полегче». Я попытался поставить себя на их место. Даже получив блокнот, они не могли твердо рассчитывать, что там будут какие-нибудь указания, где искать парнишку. А вдруг корреспондент его еще не нашел? Они ведь не знают (во всяком случае, я на это надеялся), что открыты. Значит, пока я им нужен все в том же качестве— подсадной утки. А подсадная утка должна быть живой и желательнее не слишком покаленной, чтобы выполнять свою функцию. Имитация обычного ограбления в этом смысле их устраивала. Я сам оказался виноват, испортив им весь сценарий. Сильно я, наверное, треснул того здоровяка, что он так озверел!

И только на единственный вопрос не было ответа: как они узнали, в каком именно из всех московских подъездов надо меня ждать?

— Ты поедешь со мной?— спросил я Феликса.

— Поеду,— ответил он.— Буду следить, чтобы тебя ветром не сдуло. Хотя вся эта история мне теперь уже совсем не нравится. Надо бы привлечь твоего Сухова.

— Где его возьмешь? Сегодня суббота.

— Ну есть же у них там какой-нибудь дежурный?

— Давай ему позвоним,— согласился я.— И я ему скажу: меня вчера в подъезде побили хулиганы, а сегодня я еду на встречу с мальчиком, который убежал из дома. Обеспечьте мне, пожалуйста, охрану: два броневика и взвод автоматчиков.

— Во всяком случае, он может помочь тебе связаться с Суховым,— резонно заметил Феликс.

— Все верно,— сказал я, вставая,— кроме одного: время половина двенадцатого. Вот найдем Латынина, тогда и будем звонить.

Однако, едва мы выехали из двора на улицу, я увидел в зеркало, как двумя домами сзади от тротуара отваливают зеленые «Жигули»...

— Вот это номер. Что будем делать?— спросил я Феликса.

Он понимал ситуацию не хуже меня. До встречи блондина с Латыниным чуть больше двадцати минут. Если мы опоздаем, они могут уйти и последняя ниточка оборвется. А если мы притащим за собой этих... Я не знал, как в этом случае повернутся события, но экспериментировать, особенно после вчерашнего, мне не хотелось.

От злости на самого себя у меня даже задрожали руки. Идиот, не я ли сам сегодня утром рассуждал о том, как они продолжают надеяться, что я выведу их на мальчишку? Какого ж черта я забыл о такой простой возможности! Нет, правильно говорили мне и Сухов, и Феликс: нечего лезть не в свое дело!

— Успокойся.— Видя мое состояние, Феликс старался говорить рассудительно.— Ничего страшного пока не случилось. В крайнем случае они поймут, что ты про них знаешь. Попробуй оторваться.

Я криво усмехнулся:

— Думаешь, это так просто? Да еще за оставшееся время...

— Но попробовать-то можно!

И я стал пробовать.

Как назло, машин по случаю субботы было немного. С другой стороны, это давало свободу для маневра. Феликс живет на улице Гарибальди, и, вырвавшись на простор Ленинского проспекта, я для начала решил предложить седьмому игро, хорошо известному любому водителю в Москве и весьма нелюбимому инспекторами ГАИ: своеобразные «пятнашки».

В этой игре, которая на самом деле не игра вовсе, а просто один из способов ускоренного передвижения по городу, прежде всего важна хорошая реакция. Суть заключается в том, что общий поток машин движется по магистрали примерно с одной скоростью— чуть медленнее в правых рядах и быстрее в левых, но в целом почти равномерно. Тот же, кто хочет ехать скорее, должен лавировать между автомобилями, все время тормозя, усоряясь, переставляясь из ряда в ряд и выжидая просветы. При этом нельзя забывать постоянно и точно оценивать дорожную обстановку: сейчас этот троллейбус тронется от остановки, вон та «Волга» не выдержит и пойдет на обгон грузовика, а впереди знак разворота, так что в левом ряду делать нечего, там возникнет небольшой затор, и так далее. Занятие нелегкое да еще и опасное.

Часы над входом в магазин «Электроника» показывали 11.39.

— Пристегнись,— сказал я Феликсу. И ринулся в самую гущу.

На моей стороне был эффект неожиданности: в первые

секунды седой резко отстал. Но очень скоро он показал, что не хуже меня знаком с правилами этой игры.

Чуть не врезавшись в «рафик» и подрезав нос дипломатической «вольво», водитель которой возмущенно замигал мне фарами, я вырвался в левый ряд. Стрелка спидометра скакнула к «90». Но седой с риском для жизни проскочил в щель между троллейбусом и бортиком тротуара, резко обогнул еще кого-то и по правому флангу мгновенно настиг меня. Я сбавил скорость, чтобы усыпить его бдительность, а увидев впереди мигающий зеленый глаз светофора, стал откровенно тормозить. Он тоже стал останавливаться, но тут, когда уже зажегся желтый, я рванул вперед так, что двигатель взревел от напряжения и понесся на красный свет.

В этот мигмент мне было, откровенно говоря, не до того, чтобы смотреть за седым. Я молился об одном: чтобы рядом не оказалось постового. Вот тогда я точно опоздал бы на площадь Маяковского к двенадцати.

Постового не было. Зато вслед за мной ехала единственная машина: зеленые «Жигули». Я понял, что никакое нарушение правил седьмому не помеха. А он, кажется, понял, что прятаться больше незачем.

На часах было 11.42.

— Что будешь делать?— спросил Феликс.

— Пробовать...— ответил я.

На Октябрьской площади я собирался сначала ехать в левом ряду, как бы по направлению к улице Димитрова, а потом резко, не показывая сигнала поворота мигалки, скануть вправо. Но он терся теперь, не скрываясь, буквально за моей спиной, в каких-нибудь десяти метрах, и я понял, что это бесполезно. Поэтому я спокойно повернул к туннелю на кольцевую. Спокойно— значит, без визга тормозов. Внутри у меня все дрожало от возбуждения.

Тормоза у меня завизжали, когда на съезде с Крымского моста моя машина буквально под углом в девяносто градусов крутанула направо и понеслась вглубь, в сторону набережной. Руль чуть не вырвался у меня из рук, и я сжал его что было мочи мокрыми от пота пальцами.

— Сумасшедший!— крикнул Феликс.— Мы угробимся!

Я очень рассчитывал, что седой проскочит поворот, а идущие следом машины не дадут ему быстро вернуться назад. Но он не проскочил. Похоже, он был водителем высокого класса. Гораздо лучше меня, потому что я бы точно проскочил. А это означает, что мне вряд ли удастся от него оторваться. Я развернулся и снова выехал на Садовое кольцо. 11.48.

От отчаяния у меня свело зубы и сдавило затылок. Я почувствовал, что терять над собой контроль: мелькнула мысль взять зеленые «Жигули» на таран.

— Спокойно, спокойно,— монотонным голосом повторил Феликс.— Ты должен что-нибудь придумать.

И я, кажется, придумал.

Перед Смоленской площадью я перестроился в левый крайний ряд и поехал неторопливо, поглядывая на виднеющийся вдали светофор. Там горел зеленый, а мне нужен был красный.

Я рассчитал довольно точно. Когда поток остановился, от меня до перекрестка оказалось не больше тридцати метров. Седой стоял в том же ряду через одну машину от меня. 11.50.

Открылось движение слева, от Киевского вокзала. Это надолго, минуты на полторы. Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Потом, демонстрируя свою неторопливость, сел обратно. Зажегся желтый.

— Феликс, держись,— сказал я сквозь зубы.

И в тот момент, когда вся встречная армада машин тронулась с места, даже чуть-чуть позже, когда передние проехали первые метры, набирая скорость, я, скрипя покрышками, через осевую вылетел в обратную сторону прямо перед их носом. Что они обо мне говорили, я догадываюсь. Мысленно прошу у них всех прощения. Если бы рядом оказался милиционер, он даже не стал бы мне делать «дырку»— просто отобрал права, а я сам протянул бы их ему. Седой даже не успел рыгнуть. Наконец-то мы с Александром Васильевичем Стариковым ехали в разные стороны. 11.53.

В последний момент проскочив светофор на Зубовской, я стремглав вылетел к набережной и повернул влево. Феликс молчал, понимая, видно, что сейчас мне лучше не говорить ничего под руку. У поворота к Манежу пришлось потерпеть на стрелке целую минуту. 11.58.

Дальше я считал уже секунды.

Разворот у Большого театра. 12.00.

Улица Горького. 12.01.

Площадь Пушкина. 12.03.

Площадь Маяковского. 12.04.

Я свернул налево и резко затормозил около касс кинотеатра «Москва». 12.05. Блоцдина возле памятника Маяковскому не было.

— А это не он?— спросил Феликс, показывая на двух парней, неторопливо переходящих площадь. У одного из них в руках была спортивная сумка.

— Похоже,— сказал я.

Вслед за ними мы прошли вдоль Театра сатиры и свернули в сквер перед входом в Театр Моссовета. Здесь они нашли свободную лавочку и сели, разговаривая. Тот, что с сумкой, расстегнул ее и достал большую белую коробку. Мы постепенно приближались прогулочным шагом. Уже можно было различить на коробке надпись «Sony».

«Сонька!»— вспомнил я.

Блоцдин вытатал из коробки магнитофон. Мы уселись через две лавочки от них.

— Дай сигарету,— попросил я Феликса. Только тут я заметил, как трясутся у меня руки. Да, в таких гонках мне не приходилось участвовать ни разу в жизни. И больше не дай бог.

До нас донеслась музыка— покупатель пробовал товар. Они разговаривали еще минут пять— семь, а потом блондин поднялся и пошел к выходу. Латынин остался, укладывая коробку обратно в сумку. Мы поняли, что сделка не состоялась.

Наконец он тоже встал. Я почему-то представлял его себе иначе. Это был среднего роста, худой, прыщеватый юноша с не слишком выразительным лицом. Боже мой, и это из-за него в последние пять дней произошло столько всяких событий! Мы двинулись ему навстречу.

— Ну, здравствуй, Саша!

Он посмотрел на меня удивленно.

— Я не Саша...

— Простите, ваша фамилия Латынин?— спросил я, все еще по инерции улыбаясь.

— Нет,— ответил он.— Моя фамилия Жильцов.

Пять минут спустя мы уже знали, что вчера утром, покидая квартиру Жильцовых, Латынин попросил друга вместо себя встретиться с блондином и, если тот купит магнитофон, деньги положить на книжку. Латынин собирается уехать куда-то из Москвы и, когда устроится, даст знать, куда их переслать.

Ну что ж, рассуждал я по дороге в редакцию, куда Феликсу надо было по делам, винить мне себя не за что. Да, я кинул на стол свой козырь в расчете выйти победителем. Но, как в детской игре «пьяница», моего туза прихлопнула шестерка— случайность, которую предвидеть невозможно.

Плохо было другое. У меня больше не было ни малейшего представления, где искать Латынина, но Марат, Стариков и компания об этом не догадывались. Зато теперь они знали, что наживка из меня निकудышная.

Я перестал быть для них надеждой. Хуже: я стал помехой. И должен был делать из этого соответствующие выводы.

20

Справедливости ради надо сказать, что мои встречи с матерью Жильцова, а потом и с ним самим не были такой уж пустой тратой времени. Они не дали мне ничего для поисков Саши Латынина, зато я узнал кое-что о нем и его семье. И если вспомнить, что, по справедливому замечанию Сухова, моя работа заключается все-таки главным образом не в ловле жуликов, а в написании очерков, эта информация о моем герое была мне, конечно, весьма полезна.

Двадцать лет назад на филфаке университета не было, наверное, более закадычных подружек, чем Рита Жильцова и Надя Латынина. То есть раньше, в самом начале учебы, у них были другие фамилии, но обе очень рано и почти одновременно высочили замуж, потом также синхронно произвели на свет мальчиков, которых смея ради назвали: латынинского— Сашей, в честь Александра Степановича Жильцова, преуспевающего кандидата физико-математических наук, а жильцовского— Витей, в честь восходящей звезды эстрады, молодого, подающего надежды чтеца Виктора Васильевича Латынина.

Мужья были снисходительны к веселым характерам жен, дружили семьями, тем более что жили в то время неподалеку, а маленькие дети обязывали к определенному, одинаковому режиму. Они подкидывали друг другу мальчишек, когда одна пара собиралась в театр или в кино, снимали летом дачу на двоих, вместе ездил отдыхать. Вечерами, сойдясь у кого-нибудь дома и уложив детей спать, женщины чесали языки на кухне, а мужчины садились за шахматы. У них это называлось «полисемейная идиллия».

Она начала рушиться с того, что подающий надежды Виктор Латынин стал все чаще маневрировать, так сказать, полисемейными обязанностями, ссылаясь на поздние репетиции. А вскоре поломалась окончательно, потому что на сцене появилась, по словам Жильцовой, «эта Лена». Причем в буквальном смысле: она объявляла номера на концертах, в которых участвовал Латынин-папа. Латынину-сыну в то время было пять лет.

Много воды утекло с тех пор. Александр Степанович стал доктором наук. Виктор Васильевич— известным чтецом и владельцем коллекции антиквариата. Рита превратилась в Маргариту Ефимовну. И только Надя так и осталась Надей. Однажды вечером она проводила маленького Сашу к Жильцовым, а сама вернулась домой, поставила перед собой портрет мужа и свела счеты с жизнью— отравилась.

Можно ли винить во всем Виктора Латынина? Тысячи людей оставляют своих жен, бывает, и жены бросают мужей. Следствие по делу было прекращено. Но Маргарита Ефимовна упрямо повторяет:

— Этот человек убил Наденьку.

Вот почему во всем, что она рассказывала мне о дальнейшей истории семьи Латыниных, я старался отфильтровать безусловные факты от налета ее очень личностных и неприязненных оценок.

Следующие пять лет своей жизни Саша Латынин прожил у бабушки. Отец так и не решился войти с новой хозяйкой в дом, где таким страшным образом закончилась его прежняя счастливая семейная жизнь. Снимал где-то квартиру, а свою (и это обстоятельство особенно ядовито подчеркивала Жильцова) не преминул сдать. Никакой тонкости или щепетильности Маргарита Ефимовна в этом не усматривала, только суеверие и меркантильный расчет. Но я уже заметил, что все ее ярлыки грешат однобоким максимализмом: за весь час я

не услышал от нее ни одного доброго слова о Латынине-старшем. Просто диву даешься, как они с мужем могли дружить домами с таким человеком долгие годы!

Потом появилась эта квартира в кригеровском доме, и он забрал ребенка к себе. Несмотря на все туманные намеки Маргариты Ефимовны, я понял, что «эта Лена» не оказалась для мальчика злой мачехой. Скорее наоборот, очень скоро он почувствовал свою некую безнаказанность. Саша еще не ведал ее истинной причины, но безошибочным чутьем ребенка понял и принял как данность. Взрослые терпели от него многое, и чем больше терпели, тем больше предстояло им терпеть в будущем. И с каждым годом оставалось все меньше надежд выправить положение.

Маргарита Ефимовна саркастически сообщила мне, что папа выбрал самый беспроигрышный из вариантов общения с сыном. Беспроигрышный вариант, который, уж поверьте ее опыту, всегда в конце концов приводит к проигрышу. Мальчик ни в чем не знал отказа. У него было столько джинсов и курток, сколько и не снилось Вите Жильцову, хотя и у него родители, слава богу, не нищие. У него были магнитофоны, велосипеды, байдарки и киноаппараты. В возрасте, когда для школьника воскресный рубль должен быть праздником, у Саши в карманах водились купюры, каких за пять дней до получения не увидишь в кошельке иного взрослого.

Все это отец мог, по словам Жильцовой, легко себе позволить, и дело тут было не в постоянно возрастающих концертных ставках известного чтеца. Оказывается, Маргарита Ефимовна продолжала исподлодь, но внимательно следить за жизнью семьи Латыниных— через общих знакомых, по Сашиним простодушным рассказам.

Виктор Васильевич богател прямо-таки сказочным образом. Начал он действовать с того, что в постоянных своих гастрольных разъездах отыскивал всякие старинные предметы— будь то подсвечник, вазочка, часы или икона, которые нередко оказывались потом уникальными произведениями искусства, стоящими баснословных денег. Жильцова считала, и тут я не мог с ней не согласиться, что по отношению к тем, у кого Латынин приобретал эти вещи буквально за гроши, это были не слишком честные действия. Названные, правда, красивым словом— «коллекционирование».

Не все, разумеется, что попало ему в руки, Латынин оставлял себе. Что-то продавал— с рук или через комиссионный магазин, а что-то взамен приобретал. Деньги к деньгам— и через пятнадцать лет в числе экспонатов музея-квартиры следовало бы считать кремовую «Волгу», дачу под Загорском и кое-какие украшения прекрасной Елены Сергеевны. Маргарита Ефимовна перечисляла мне их на удивление подробно.

Итог, который она подводила, был крайне печален: мальчик рос в обстановке роскоши, соединенной со вседозволенностью, не зная цены ни деньгам, ни тому труду, с которым они даются нормальным людям. Вот такая его нравственная и моральная неустойчивость и привела, видимо, к тому, что случилось. Саша легко переступил через отца, которого даже жалко теперь, хотя он, конечно, сам во всем виноват, бросил опустыленный дом и связался бог знает с кем.

Я слушал Маргариту Ефимовну и думал о том, что это похоже на какую-нибудь не самую лучшую из статей моего коллеги. Как ясно, как непоправимо! И сколько простора для праведного и благородного резонанса. У таких статей есть даже общее неистребимое и традиционное название— «бумеранг»...

Черт его знает, может, где-то когда-то бывает и так: просто, понятно, однозначно. Вот только мой опыт говорил о другом. А что до Маргариты Ефимовны, то грех мне на нее сетовать. Сидела передо мной милая, добрая, вполне порядочная рядовая женщина— наш читатель. Вот уж действительно бумеранг...

Правда, стадия написания материала маячила далеко-далеко впереди. Сейчас имела место стадия понимания. И тут пока не все концы сходились. Предположим, что Саша Латынин действительно связался «бог знает с кем» из-за своей слабой моральной устойчивости. Но никак не получилось объяснить этой же причиной, почему парень ни с того ни с сего дал деру из отчего дома, променял привычный комфорт и обеспеченность на какие-то дальние края, где ему еще предстоит «устраиваться».

Напрашивалось другое объяснение: Марат и компания успели уже достаточно глубоко втянуть его в какие-то свои делишки, а может, и большие дела. Тогда выходит совсем наоборот, что наш избалованный жизнью отрок вдруг проявил неслыханную нравственную стойкость, порвал с преступниками и теперь вынужден скрываться от них. Но почему Саша, что вполне было бы естественно для его возраста, не бросился за помощью к близким, к отцу, например, а не сказал никому ни слова, начал действовать на свой страх и риск? Причем я на себе убедился, что «страх» и «риск» тут далеко не отвлеченные понятия. Вот здесь, вероятно, может пойти в дело и аргументация Жильцовой: Латынин-младший не накопил за семь лет жизни с отцом доверия и уважения к Латынину-старшему. А тут еще и трудности переходного возраста.

Но все это были лишь догадки, догадки и догадки. Я хорошо понимал, что отгадки прячутся где-то вместе с мальчишкой. А о нем мне было известно, что во вторник вечером он заявился к Жильцовым без вещей и в раздерганном состоянии, сказал, что ушел из дома, промолчал о причинах, и попросился переночевать. На другой день, до обеда провалявшись на диване с книжкой, он уехал куда-то, вернулся обратно не поздно, но еще больше раздерганный, привез сумку со своими вещами и магнитофон, снова остался

ночевать. Провел у Жильцовых и весь следующий день, причем, по словам Виктора, часто бегал во двор звонить кому-то. Маргарита Ефимовна говорит, что выходил он звонить и в пятницу утром, после чего поднялся обратно повеселевший, быстро собрался, поблагодарил, попрощался, сказав, что больше, видимо, сюда не вернется, забежал к Вите в школу, объяснил насчет блондина и магнитофона и был таков.

Кому же он называл? Блондину? Предположим. Но это в четверг, потому что в пятницу в кафе блондин сказал мне, что Латынин звонил вчера. А вот куда он дозвонился следующим утром? Похоже, этот звонок напрямую связан с его последним отъездом. И тут мне в голову пришла неожиданная мысль.

Уж не попал ли я под очарование картинкой, нарисованной легкой, но твердой рукой Маргариты Ефимовны Жильцовой? Почему это, собственно, надо принимать за аксиому, будто у Саши такие отношения с отцом, что он ни за что не обратится к нему за помощью? В конце концов отец есть отец, и когда прошел порыв первых дней и стало ясно, особенно после смерти Кригера, что больше помощи ждать неоткуда... Не ему ли звонил наш герой?

Елена Сергеевна, кажется, говорила, что ее муж уехал дня на три. Было это в среду, а сегодня суббота. Что ж, он мог вернуться и в пятницу. Необходимо позвонить Латыниным.

Я снял трубку и набрал номер. Подошла она. Первый вопрос, который я задал как бы между прочим: не нашелся ли Саша? Ответ отрицательный. А приехал ли Виктор Васильевич? Положительный. С ним можно побеседовать? Пожалуйста!

У Латынина был глубокий бархатный голос актера.

— Лена рассказывала мне о вашем визите,— сказал он.— Я сам собирался разыскивать вас. Хорошо, что вы позвонили. Сегодня у меня, к сожалению, концерт. Если сможете, я готов завтра в любое время.

Мы договорились на час дня возле бассейна «Москва», куда он обычно ходит по воскресеньям. Распровавшись, я подумал, что Маргарита Ефимовна не преминула бы, наверное, связать по поводу того, как Виктор Васильевич продолжает пекся о своем здоровье и не желает менять привычек даже тогда, когда с сыном его случилось такое несчастье. И тут же поймал себя на том, что глубоководно вошел в образ Жильцовой: о каком, строго говоря, несчастье речь? Этого я не знал.

Я сидел за своим рабочим столом, покачивался в кресле и думал о том, что сегодня я дальше от написания материала, чем был даже в тот момент, когда четыре дня назад впервые подыхал к дому Кригера.

Дверь открылась от толчка ногой. Вошел Протасов с гранками в руках.

— А ты что здесь делаешь?— удивился он.

— Работаю.— Я вспомнил, что у него сегодня идет материал.

Он сел напротив и окинул меня ироническим взглядом, пошевелив пальцами возле головы.

— Работа мысли, да? Ты же у нас детектив, комиссар Мегрэ! Витька-шофер от тебя в восторге— вот это и есть твой контингент. Обожают читать, как ты там кого-то нашел, какой обличающий документ заполучил, загал преступника в угол своими непревзойденными вопросами! Ну что ж, у каждого свой читатель...

— Злой ты, Валя,— сказал я.

Он сделал вид, что уткнулся в гранки. Сказал устало:

— Я не злой. Просто все это я уже кушал большой ложкой, а в результате не имею ничего, кроме хронического несварения желудка. Но тебе, дураку молодому, этого ведь не объяснишь.

— А ты попробуй!

Он поднял на меня глаза и покачал головой.

— И не подумай. Ты молодой, здоровый, а я на десять лет тебя старше, уже пожилой и больной. О чем нам разговаривать? Разве ты в состоянии меня понять? А когда станешь таким же, говорить будет поздно. Живи! Вон весна кругом, ты с Нинкой расстался, найди себе девушку, хорошую, нежную, прогуляй с ней всю ночь по Москве. Через десять лет такое тебе даже в голову не придет. В этом-то ты хоть мне веришь?

Протасов снова уткнулся в свои гранки. Я подумал, что последний совет, пожалуй, действительно ценный и своевременный. И полез в блокнот искать телефон Воропаевой.

— Мне необходимо поговорить с товарищем директором,— сказал я служебным голосом.

— Да, я вас слушаю,— ответила она точно таким же.

— Девушка, что вы делаете сегодня вечером?

Она рассмеялась.

— А я уж начала волноваться: почему этот ловелас мне не звонит? Ну, нашел Латынина?

— Расскажу при встрече,— быстро сказал я.

— Но это шантаж!

— Что делать, если нет другого способа увлечь женщину,— вздохнул я.— Ну так что?

— Я согласна,— тоже вздохнула она.

— Как насчет того, чтобы поужинать в Доме журналистов?

— Не поняла. Вы приглашаете меня в ресторан?

— Именно. Вас это удивляет?

— Нет, просто меня уже сто лет никто не приглашал в ресторан.

— Поразительное совпадение! Ровно столько и я никого туда не приглашал. В семь возле твоего дома, устроит?

— Да,— сказала она.— Постараюсь не опоздать.

Я положил трубку и весело посмотрел на Протасова.

— Валя, жизнь прекрасна!

Рисунок
Виталия ГОРИОНОВА,
Рязань

Рисунок
Алексея МЕРИНОВА,
Москва

Рисунок
Олега ТЕСЛЕРА,
Москва

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПОЗИЦИОННАЯ НИЧЬЯ

Среди многочисленных теоретических работ гроссмейстера Г. Каспаряна видное место занимает книга «Позиционная ничья». В ней классифицированы и подробно рассмотрены различные виды позиционной ничьей, такие, как крепость и блокада, вечный шах, связывание, вечное нападение, и другие. На примерах из творчества Г. Каспаряна мы познакомим читателей с некоторыми из этих шахматных идей, которые полезно знать не только любителям композиции, но и практикам.

Позиционная ничья — такое положение, где слабейшая сторона добивается ничьей повторением ходов благодаря наличию позиционных слабостей в расположении противника.

I. 1959 г.

Ничья

1. Кс5 а1Ф 2. Сс6+ Кра7. Идея белых — в организации блокады короля и слона черных. Тогда одинокий ферзь не справится с белым королем. Однако требуется большая точность в реализации этого верного плана. 3. Крd3! Ложными следами являются продолжения: 3. Кd7 Фс3, и черные выигрывают, постепенно оттесняя короля на край доски; 3. Ка4? Фd4 4. Крf3 Фе5 и т.д.; 3. Кb7? Крb6 4. Крd3 Фе7 и 5... Ф:b7 с выигрышем. 3... Фе3+ 4. Крс4 Фс1+ 5. Крb4 Фd2+ 6. Крс4 Фf4+ 7. Крс3 Фе3+ 8. Крс4 Крb6 9. Кb3! Крепость и блокада слона с королем созданы!

9... Фе1 10. Крd3 Фb4 11. Крс2 Фе3 12. Крс3. Ничья.

II

Ничья

Приводим решение этюда, опубликованного в предыдущем номере.

1. Крg4! Плохо 1. Лg3? Фf4+ 2. Лg4 Фh6+ 3. Крg3 Фе3+ 4. Крh2 Фf2+ 5. Лg2 Фh4+ 6. Крg1 Фе1+, или 1. Лf3? Фh2+ 2. Лh3 Фf2+ 3. Крh5 Фс5+ 4. Крh4 Фb4+, 1... Фс8+ 2. Крf3! Но не 2. Крh5? Фс5+, или 2. Крh4? Фf8! 2... Фb7+ 3. Лd5!! Ничья ввиду 3... Ф:d5+ 4. Се4, или 3... Ф:b1 4. Ла5+ Крb7 5. Лb5+.

ШАШКИ

Под редакцией
заслуженного тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

ПОКОРЕНИЕ ВЫСОТЫ

В Голландии проходит матч на звание чемпиона мира по международным шашкам между обладателем этого звания трехкратным чемпионом мира Анатолием Гантваргом и претендентом голландским гроссмейстером Робом Клерком. Будет сыграно двадцать партий. При равенстве счета чемпион сохраняет свое звание.

Гантварг и Клерк уже не один десяток раз встречались за шашечной доской в чемпионатах мира, международных турнирах, традиционных матчах СССР — Нидерланды. Счет пока равный, по одной победе у каждого.

Гантварг — Клерк

Чемпионат мира 1978 г., Арко (Италия), последний тур.
1. 32—28 16—21.

Черные избирают острый вариант. Турнирная ситуация складывалась так, что, для того чтобы занять второе место, Клерку необходима была только победа.

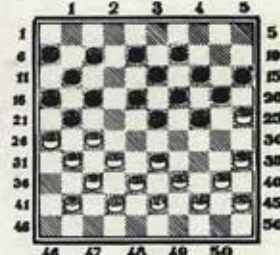
2. 31—26 11—16 3. 38—32 7—11 4. 37—31 19—23 5. 28:19 14:23 6. 31—27 23—28 7. 32:23 18:38 8. 43:32 10—14 9. 41—37 12—18 10. 39—33 13—19 11. 46—41 9—13 12. 44—39 4—9 13. 48—43 1—7 14. 37—31 7—12 15. 41—37 5—10 16. 50—44 2—7 17. 47—41.

Гантварг избирает построение, которое получило имя московского мастера Федорука, первым применившего его в турнирной практике.

17... 20—24 18. 43—38 15—20 19. 34—30 10—15 20. 30—25.

В таких позициях важным фактором является контроль над полем 25. Белые, угрожая тактически (нельзя 19... 20—25, из-за 20. 49—43 25:34 21. 40:20 14:25 22. 27—22 с попаданием в дамки), занимают ключевое поле 25, и выбор черных резко сужается.

20... 18—22 21. 27:18 12:23 22. 49—43 8—12 23. 31—27 12—18 24. 36—31 3—8.

25. 33—29!

Гантварг пресекает возможность контригры за черных и технически безукоризненно добивается решающего преимущества.

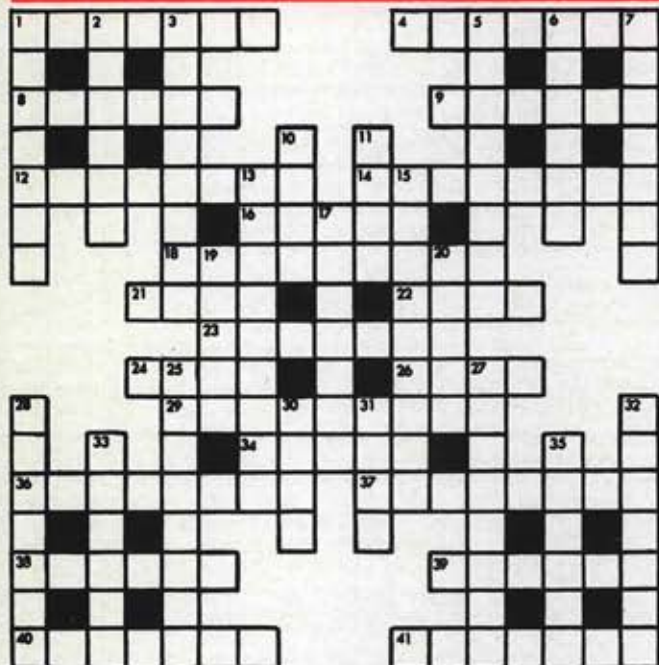
25... 23:34 26. 39:30 8—12 27. 41—36 18—23 28. 44—39 12—18 29. 39—34 7—12 30. 43—39 18—22.

Клерк вынужден отдать шашку. Гантварг уверенно реализует материальное преимущество.

31. 27:7 11:2 32. 31—27 2—7 33. 27—22 17:28 34. 26:17 7—11 35. 17—12 16—21 36. 39—33 28:39 37. 34:43 21—26 38. 43—39 11—17 39. 12:21 26:17 40. 32—27 13—18 41. 37—31 6—11 42. 31—26 11—16 43. 39—33 9—13 44. 42—37 24—29 45. 33:24 20:29 46. 37—32 14—20 47. 25:14 19:10 48. 40—34 29:40 49. 45:34 10—14 50. 34—29 23:25 51. 27—21 16:27 52. 32:23 x. Черные сдались.

КРОССВОРД

Составила А. КУЗИНА,
Москва

По горизонтали:

1. Работа перед стиркой. 4. Транспортное средство, работающее от раскрученного маховика. 8. Размер типографского шрифта, названный по имени знаменитого римского оратора. 9. Инертный газ, открытый У. Рамзаем и М. Траверсом. 12. Памятник архитектуры, характерный для Египта и Мексики. 14. Подушечка для швейных принадлежностей. 16. Остров на юге Индонезии. 18. Вещество в листьях, усваивающее солнечную энергию. 21. Балаганный шут. 22. Один из крупнейших притоков Инда. 23. Протон, ..., электрон. 24. Прыжок в фигурном катании на коньках. 26. Пьеса С. Алешина. 29. Конфета. 34. Окончательная ступень в развитии насекомых. 36. Штат в США. 37. Транспортное предприятие. 38. Копировальная бумага для размножения чертежей. 39. Американский инженер, предложивший в 1927 году меру количества информации. 40. Орнамент в виде раковины. 41. Любитель парусного спорта.

По вертикали:

1. Повод, придирка. 2. Россини спросили, кто самый великий композитор. Он сказал: «Бетховен». — «А ...?» — «Вы же спросили, кто величайший, но не спрашивали, кто несравненный». 3. «Сыплет ... снегом, зелен в цвету и роса» (С. Есенин). 5. Индийский классический танец. 6. Индонезийский музыкальный инструмент. 7. Летняя работа, воспетая многими поэтами. 10. Стальной трос для буксировки траля. 11. Знаменитая французская левина. 13. Автор пьесы «Ковалева из провинции». 15. Аккомпанатор А. Н. Верстовского при первом исполнении баллады «Черная шаль». 17. Персонаж сказки А. Н. Толстого о Буратино. 19. Медленный темп в музыке. 20. Порт на самой длинной в Сибири реке. 25. Основоложник научной педагогики в России. 27. Должность, с которой начинали многие ученые. 28. Лицо, посылаемое организацией в другую страну с особым заданием. 30. Город-миллионер в Сибири. 31. Полудрагоценный камень. 32. Спортивное сооружение. 33. Холодное оружие. 35. Призрак, привидение.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 18

По горизонтали:

7. «Ермак». 11. Кругозор. 12. Шиповник. 13. Банка. 16. Антипод. 17. Пойнтер. 18. Дрова. 19. Щегол. 24. Фляга. 26. Ишантураева. 27. Цапля. 28. Рука. 29. Пароходство. 30. Тесла. 33. Синус. 37. «Ниссо». 39. Дисплей. 40. Попурри. 41. Хафиз. 44. Волнушка. 45. Мужество. 46. Турне.

По вертикали:

1. Герб. 2. Тмин. 3. Икша. 4. Фрунзе. 5. «Огниво». 6. Взвод. 8. Эптон. 9. Ювенал. 10. Битенг. 14. Агротехника. 15. Каварадосси. 20. Гнейс. 21. Лиена. 22. Жабры. 23. Честь. 24. Фарос. 25. Янкан. 31. Ефимок. 32. Лопинг. 34. Игуасу. 35. Управа. 36. Векша. 38. Лонжа. 41. Хата. 42. Форт. 43. Змей.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.08.85. Подписано к печати 03.09.85. А 04624. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 17.50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2412. Заказ № 1382. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Дорогие друзья!

Приглашаем вас подписаться на журнал «Смена». Воспитание советской молодежи в духе самых высоких понятий, выработанных в нашем народе, всегда было важнейшим делом Ленинского комсомола. Эту же задачу, как самую главную, ставил и ставит перед собой комсомольский журнал «Смена».

В год XXVII съезда партии диалог с читателем будет вестись с особой искренностью и честностью, доверительностью и взаимной требовательностью. Журнал будет вникать в самые насущные, животрепещущие проблемы. Здесь интересы читателей и журнала полностью совпадают.

В 1986 году журнал намерен пристальное внимание уделить вопросам партийного руководства комсомолом, рассказать о том, как коммунисты-ленинцы передают молодым свой богатейший жизненный опыт борьбы и труда, тот опыт, то знание жизни, которые помогают выйти на верную дорогу, стать активным участником жизни страны, верно разобраться, в чем состоит долг и право человека и гражданина нашей страны. Рубрики «Письма из райкома», «Беседа с партийным руководителем», «Автобиографии», «Жизнь замечательных людей» интересны тем живым, положительным примером, о котором должен знать каждый человек, а молодой — в особенности.

На страницах журнала люди военные расскажут о подвигах солдат Великой Отечественной, на живых примерах раскроют суть таких святых для каждого советского человека понятий, как «долг», «товарищество», «честь». Очерки и репортажи постоянной рубрики «Служу Советскому Союзу!» ближе познакомят вас с напряженными буднями армейских комсомольцев, защитников Родины.

Ценность человеческой жизни определяется прежде всего тем, что ты сделал для людей. Труд — мерило, по которому в нашей стране судят о человеке. Вот почему «Смена» всегда особо внимательно относилась к трудовой деятельности советской молодежи. Производственная жизнь непроста. Она полна конфликтов, борьбы и противоречий. Тем важнее здесь верные и надежные ориентиры. Вопросы дисциплины и организованности, ответственности и пассивной исполнительности, трудовых и нетрудовых доходов волнуют сегодня многих. И вы сможете участвовать в разговоре о них на страницах журнала.

«Смена» расскажет о роли научно-технического прогресса в наши дни, а ее рубрика «Компьютерный всеобщ» поможет уверенно чувствовать себя наедине с самой современной техникой.

«СМЕНА» - 86

Школьник и учащийся ПТУ, преподаватель и мастер производственного обучения всегда найдут на страницах журнала материалы о том, как претворяется в жизнь реформа школы, чем сильны наши лучшие педагоги, в чем их «секреты», о которых они расскажут со всей откровенностью. Да, собственно, могут ли кого оставить равнодушными рубрики «Школьные перемены» и «Творческая педагогика»!

Л. Жуховицкий, О. Чайковская, Д. Валеев, И. Кон, И. Зюзюкин, В. Переведенцев, К. Скопина, Ю. Феофанов, Е. Добровольский и другие известные публицисты поведут на страницах журнала разговор о житейских драмах и нравственных испытаниях, выпадающих на долю человека, о тех явлениях, борьба с которыми должна стать делом каждого из нас. Пьянству и хулиганству, стяжательству и желанию преуспеть за чужой счет, рвачеству и бюрократизму можно и нужно противостоять. Как? Читайте материалы под рубриками «Нравственная норма», «Жизнь семьи», «Закон и ты», «Надо обсудить», «Этика поведения». В них молодой человек найдет тонкий и глубокий анализ сложных человеческих чувств и взаимоотношений, нравственные опоры жизни, уроки активного противодействия беспамятности и бездумию, неискреннему высокому слову и жестокому низкому поступку, умению беззастенчиво бросаться общими фразами.

Есть дело, в котором должны объединиться все люди доброй воли нашей Земли. — дело борьбы за мир. Прочный мир может быть достигнут только в борьбе, нашими совместными усилиями. О том, как борется молодежь Земли за будущее без войн и угнетения, вы узнаете из материалов наших корреспондентов и авторов.

В серии «Литературный глобус «Смены» читателя ждут встречи с произведениями мастеров гуманистического направления прозы и поэзии зарубежных стран. По традиции журнал будет отдавать предпоч-

тение произведениям с напряженным действием, острыми моральными коллизиями.

Всегда вызывали особый интерес читателей литературные полосы «Смены». Ведь имена Виктора Астафьева и Андрея Вознесенского, Юрия Нагибина и Евгения Евтушенко, Саввы Дангулова и Евгения Винокурова, Виктора Потанина и Андрея Дементьева, Виктора Лихоносова и Беллы Ахмадулиной, а также многих других постоянных авторов «Смены» любят читатели всех поколений.

Прочное читательское признание завоевали такие рубрики журнала, как «Силуэты», «Литературные уроки», «Хрестоматия «Смены».

На «Конкурс одного стихотворения», который будет проводиться на страницах журнала седьмой год подряд, присылают свои стихи рабочие и студенты, школьники и военнослужащие. Тысячи подборок стихов рассматриваются редакцией ежегодно!

Со страниц «Смены» к читателям пришли герои известных ныне произведений Ю. Семенова, братьев Вайнеров, С. Высоцкого, Б. Райнова и многих других признанных мастеров приключенческого жанра, особенно любимого молодым читателем. Знакомство с новыми героями произведений этого жанра будет продолжаться и впредь из номера в номер.

Откройте номер «Смены» — и вы сможете побывать в самых красивых уголках нашей многонациональной страны. Цветные полосы рубрик «Отечество» и «Красота родной земли» дадут вам полное представление о пушкинских местах и байкальском острове Ольхон, родине выдающегося художника И. И. Шишкина, и Командорских островах.

Со страниц журнала к вам обратятся чемпионы СССР, мира и Олимпийских игр. Причем собеседника вы можете выбрать сами, написав письмо в адрес рубрик «Твой собеседник — чемпион» и «Спортивный автограф». А в футбольном клубе «Надежда» ваших вопросов и предложений ждут как футболисты, так и

болельщики, известные спортивные журналисты и тренеры. В первых номерах «Смены» 1986 года мы начнем публиковать записки капитана сборной СССР Рината Дасаева.

Техника — повальное увлечение молодежи. Рубрика «Скорость» рассказывает о новинках мототехники, о клубах и объединениях, в которых ребята учатся не только владеть техникой, но и умению владеть собой, чувству товарищества, коллективизма.

Музыка сегодня — безбрежный океан мелодий и ритмов, в котором не так легко ориентироваться. Случается, что из всего этого богатства молодые люди по незнанию выбирают только единственный ручеек. «Смена» знакомит своих читателей со всем многообразием музыкальной жизни, уделяя, естественно, внимание особо популярным у молодежи жанрам.

Новинка 1985 года — рубрика «Береги здоровье смолоду» вызвала и интерес, и одобрение. Рубрика будет продолжена материалами о биоритмах, о совершенствовании не только тела, но и воли, характера.

Быть красивым, модным, но не вульгарным, умеющим одеться разнообразно, но не крикливо научит вас рубрика «Молодежная мода», ведут которую как наши, так и зарубежные модельеры и специалисты. Десятки тысяч читателей из года в год принимают участие в многочисленных конкурсах «Смены». А участники шахматных и шашечных олимпиад завоевывают спортивные разряды, высшая решения по почте. Опытные юристы не оставляют без ответа ни один вопрос наших читателей.

Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». Журнал рассчитан на самый широкий круг читателей, выходит два раза в месяц. Двадцать четыре журнальные книжки, годовой комплект, стоят 8 руб. 40 коп. Подписка на полгода — 4 руб. 20 коп., на три месяца — 2 руб. 10 коп.

Подписка принимается без ограничений.

Фото Владимира Чейшвили

